

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**Вестник
Российского мониторинга
экономического
положения
и здоровья населения
НИУ ВШЭ
(RLMS-HSE)**

Выпуск 8

*Ответственный редактор
П. М. Козырева*

Москва 2018

УДК 316.4
ББК 60.5
В38

*Исследование осуществлено в рамках программы фундаментальных исследований
НИУ ВШЭ*

Редакционная коллегия:
П. М. Козырева, М. С. Косолапов, В. В. Радаев,
С. Ю. Роцин, Я. М. Рощина

Вестник Российского мониторинга экономического положения
и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). Вып. 8 [Электронный
ресурс] : сб. науч. ст. / отв. ред. П. М. Козырева. — Электрон. текст. дан.
(объем 10 Мб). — М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2018. —
191 с.: илл. — 1 электрон. опт. диск (CD-ROM), 12 см. ISBN 978-5-7598-1825-0

В восьмой выпуск электронного издания «Вестник Российского мониторинга
экономического положения и здоровья населения (RLMS-HSE)» вошли работы,
подготовленные на основании данных 25 волн панельного обследования российских
домохозяйств RLMS-HSE за 1992–2016 гг.

В работах представлен сравнительный анализ социально-экономического
положения и поведения российских домохозяйств в 2016 г., исследования массовой
религиозности, формирования и функционирования социального капитала,
потребления табака и особенностей российского рынка труда. Публикуемые
материалы отражают точку зрения авторов и открыты к дальнейшему обсуждению
и дополнению.

Издание адресовано исследователям, преподавателям, студентам и всем, кто
интересуется результатами мониторинга RLMS-HSE.

УДК 316.4
ББК 60.5

DOI: [10.17323/978-5-7598-1825-0](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1825-0)

ISBN 978-5-7598-1825-0

©Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», 2018

Содержание

Введение	5
<i>Воронин Г. Л., Козырева П. М., Косолапов М. С., Низамова А. Э., Сивкова И. В., Смирнов А. И., Соколова С. Б., Тонис Е. И.</i> Динамика социально-экономического поведения российских домохозяйств (1994–2016 гг.)	8
<i>Рощина Я. М.</i> Роль религии в жизни россиян	100
<i>Куфлина Е. Д., Рощина Я. М.</i> Дифференциация социального капитала россиян и ее факторы	113
<i>Крупина Д. А.</i> Трансформация типологии российских домохозяйств по вовлеченности в частные трансферты (2011–2015 гг.)	136
<i>Богданов М. Б., Лебедев Д. В.</i> Структура и динамика курения в России в 1994–2016 гг.	149
<i>Кантер Д. С.</i> Влияние образовательно-профессиональных несоответствий на доход и удовлетворенность работой: анализ данных 18-й волны РМЭЗ НИУ ВШЭ.....	172
Сведения об авторах	189

Contents

Introduction	5
<i>Voronin G. L., Kozyreva P. M., Kosolapov M. S., Nizamova A. E., Sivkova I. V., Smirnov A. I., Sokolova S. B., Tonis E. I.</i>	
Socio-economic Behavior of Russian Households in 1994–2016	8
<i>Roshchina Ya. M.</i>	
Religion and Its Role in Russian Life	100
<i>Kuflina E. D., Roshchina Ya. M.</i>	
Differentiation of Social Capital in Russia and Its Factors	113
<i>Krupina D. A.</i>	
Inter-family Transfers in Russia in 2011 and 2015	136
<i>Bogdanov M. B., Lebedev D. V.</i>	
Structure and Dynamic of Tobacco Consumption in Russia, 1994–2016	149
<i>Kanter D. S.</i>	
Does Educational and Skill Mismatch Lead to Wage Penalties and Lower Job Satisfaction: The Analyzes of the 18 th Round of RLMS-HSE.....	172
Contributors.....	189

ВВЕДЕНИЕ

Восьмой выпуск «Вестника Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (RLMS-HSE)» знакомит читателей с результатами сравнительного анализа данных 26 волны крупнейшего панельного обследования российских домохозяйств «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS-HSE). Обследование проводится ежегодно по вероятностной, стратифицированной, многоступенчатой территориальной выборке и является репрезентативным для всего населения Российской Федерации. Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ охватывают период с 1994 по 2016 г. и включают себя разнообразную информацию об экономическом поведении, социальных установках, здоровье и образе жизни россиян.

Помимо сравнительного анализа социально-экономического положения и поведения российских домохозяйств, в выпуске представлены исследования процессов формирования и функционирования социального капитала, массовой религиозности, практик потребления табака и образовательно-профессиональных несоответствий на российском рынке труда. Анализ формирования и функционирования социального капитала опирается на ответы респондентов на специализированные вопросы, включенные в анкету РМЭЗ НИУ ВШЭ в 2016 г. Этот раздел вопросника 2016 г. в комбинации с данными о социально-экономическом положении и социальных установках россиян, собранными в течение всего периода наблюдений, позволяет оценить объем и дифференциацию социального капитала, накопленного различными слоями населения, на протяжении последних двадцати лет.

Выпуск открывает коллективная статья, содержащая основные результаты анализа социально-экономического положения российских домохозяйств в 2016 г. В этом году впервые за последние три года был зафиксирован рост реальных доходов населения. Основными источниками доходов оставались заработная плата и государственные трансфертные платежи. Выросли и расходы россиян, причем доля расходов на продукты питания сократилась, что стало восстановлением долгосрочной тенденции, прерванной в предшествующем 2015 г. В очередной раз уменьшился разрыв в доходах и расходах самых богатых и самых бедных домохозяйств. Позитивные изменения наблюдались в сфере занятости: снизились как процент безработных, так и доля работников, имеющих задолженность по заработной плате. Показатели социального самочувствия не претерпели значительных изменений по сравнению с 2015 г.

Продолжает выпуск статья Я. М. Рощиной «Роль религии в жизни россиян». Анализируя на основании данных РМЭЗ НИУ ВШЭ религиозную самоидентификацию россиян, автор отмечает, что начиная с 1998 г. все возрастающая доля населения считает себя «верующими или скорее верующими». Однако респонденты, идентифицирующие себя с определенной религией, не всегда говорят о себе как о верующих людях. Увеличение доли верующих происходит за счет представителей средних возрастных когорт, в то время как молодежь в наименьшей степени склонна идентифицировать себя с той или иной религией. Доля верующих выше среди женщин, жителей сельской местности и жителей северного Кавказа. Вариация доли верующих по доходным группам в 2010-х гг. не является значимой. В религии верующие люди чаще всего ищут «силу справляться с жизненными трудностями» и «способность терпимо относиться к слабостям других» и реже — источник морального авторитета и надежду на загробную жизнь.

В статье Е. Д. Куфлиной и Я. М. Рощиной «Дифференциация социального капитала россиян и ее факторы» представлен анализ основных форм накопления социального капитала в России 2000-х гг. Авторы рассматривают общий уровень доверия к людям, доверие работников к работодателям и коллегам, включенность в жизнь религиозных общин, общение с отдельно живущими родственниками и друзьями, общение в социальных сетях онлайн, а также уверенность в получении помощи и поддержки при возникновении тех или иных жизненных трудностей. При сравнительно низком общем доверии к людям, россияне в достаточной высокой степени включены в различные офлайн и онлайн сети. Степень включенности и объем накопленного социального капитала различается в зависимости от пола, возраста, образования и места жительства (город/село). Большинство россиян в проблемных ситуациях рассчитывает на помощь родственников, хотя степень уверенности в получении помощи зависит от уровня образования и места жительства.

Статья Д. А. Крупиной «Трансформация типологии российских домохозяйств по вовлеченности в частные трансферты (2011–2015 гг.)» продолжает тему исследования социального капитала в России. В центре внимания автора находится обмен материальной помощью, происходящий между российскими домохозяйствами в условиях перехода от экономической стабильности к экономическому кризису. Автор показывает, что в кризисный период увеличивается доля домохозяйств, принимающих помощь, и домохозяйств, одновременно принимающих и раздающих помощь. Несмотря на то что размер материальной помощи снижается в реальном выражении, ее доля в расходах домохозяйств-доноров и в доходах домохозяйств-акцепторов увеличивается. Наиболее состоятельные домохозяйства чаще выступают в роли доноров, наименее состоятельные чаще являются акцепторами. Наиболее значительная по объему материальная помощь поступает от домохозяйств родителей в домохозяйства отдельно проживающих детей.

В статье М. Б. Богданова и Д. В. Лебедева «Структура и динамика курения в России в 1994–2016 гг.» представлен анализ объемов курения в разрезе различных социально-демографических групп. Авторы отмечают снижение потребления табака среди мужчин и рост доли курящих среди женщин. Объемы потребления табака остаются практически неизменными начиная с 1994 г., однако все большее количество курильщиков отдает предпочтение сигаретам с фильтром. Наибольшее

влияние на решение начать курить оказывают мужской пол, невысокий уровень дохода, наличие совместно проживающих курящих родственников и умеренные цены на импортные сигареты. Объемы потребления табака увеличиваются, если курильщик мужского пола, среднего возраста, не имеет высшего образования, не слишком удовлетворен жизнью, имеет длительный стаж курения.

Выпуск завершает статья Д. С. Кантер «Влияние образовательно-профессиональных несоответствий на доход и удовлетворенность работой: анализ данных 18-й волны РМЭЗ НИУ ВШЭ». Автор рассматривает два типа несоответствий: 1) несоответствие между специальностью, полученной в ходе образования, и рабочей специальностью респондентов; 2) несоответствие опыта и навыков работников и квалификационных требований к занимаемым должностям. Оба типа несоответствий негативно влияют на уровень дохода и удовлетворенность работой, увеличивают вероятность поисков нового места работы. К существенному снижению дохода ведет только крайняя степень несоответствий, однако, само их наличие провоцирует у респондентов желание сменить место работы. На степень удовлетворенности работой сильнее влияет субъективное ощущение неостребованности профессионального опыта и навыков, чем объективное несоответствие образования и занимаемой должности.

*Воронин Г. Л., Евграфова К. О., Козырева П. М., Косолапов М. С.,
Низамова А. Э., Сивкова И. В., Смирнов А. И., Соколова С. Б., Тонис Е. И.*

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ (1994–2016 гг.)

DOI: 10.17323/978-5-7598-1825-0_8-99

Аннотация. В статье представлен анализ социально-экономического положения российских домохозяйств в 2016 г., основанный на результатах 25-й волны «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS–HSE). В 2016 г. впервые за последние три года наблюдался рост реальных доходов населения. Если с 2013 по 2015 г. средние реальные доходы домохозяйств сократились на 6,4%, то в 2016 г. они выросли на 11,1%. Распределение доходов домохозяйств по источникам претерпело минимальные изменения. Господствующее положение в структуре доходов продолжали занимать доходы от заработной платы и государственных трансфертных платежей. В 2016 г. ежемесячные расходы домохозяйств на приобретение продуктов питания и непродовольственных товаров выросли на 9,2%. Была восстановлена прерванная в предыдущем году долгосрочная тенденция сокращения доли расходов на продукты питания в общей структуре расходов домохозяйств. В 2016 г. в очередной раз сократился разрыв в доходах и расходах домохозяйств самого бедного и самого богатого доходного квинтета. Уровень безработицы снизился с 5,5% в 2015 г. до 4,7% в 2016 г., в основном, за счет снижения безработицы среди мужчин. Средний трудовой доход женщин в 2016 г. составлял 74,4% трудового дохода мужчин. Число работников, имеющих задолженность по заработной плате на основной работе, сократилось с 2,8 до 1,8%, достигнув минимума с 1994 г. Число семей, испытывающих трудности со своевременной оплатой услуг жилищно-коммунального хозяйства, в 2016 г. составило 7,9%, что на 0,5 п.п. ниже, чем в 2015 г. Показатели социального самочувствия не претерпели значительных изменений. В 2016 г. россияне были в меньшей степени удовлетворены своим материальным положением, чем в предыдущем году, в то же время они менее негативно оценивали свои жизненные перспективы. Продолжился рост обеспокоенности проблемами занятости, однако, темпы его замедлились. При этом доля респондентов, удовлетворенных своей работой, увеличилась с 65,6% в 2015 г. до 68,2% в 2016 г.

Ключевые слова: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, РМЭЗ НИУ ВШЭ, RLMS–HSE, домохозяйство, доходы, расходы, потребление, занятость, безработица, социальное неравенство, социальные установки.

В 2016 г. общая экономическая ситуация в России характеризовалась как стабильно кризисная. Но при этом она отличалась огромным числом противоречивых тенденций, которые с трудом складывались в целостную картину. Несмотря на большое число негативных сигналов, фронтального спада в экономике не наблюдалось и постепенно стали появляться, а затем и расширяться отдельные зоны роста. Как отмечали многие специалисты, наиболее мощный и многообещающий посткризисный отскок формировался в регионах, давно имевших или успевших сформировать до начала экономического кризиса каркас более или менее модернизированных отраслей, а также жизнеспособные региональные институты развития¹. Восстановление отраслей реального сектора экономики происходило низкими темпами. Завершился год экономическим спадом в годовом выражении, во многом вызванным потребительским кризисом и сокращением инвестиций.

О замедлении негативных тенденций в экономике свидетельствовали данные официальной статистики. По данным Министерства экономического развития Российской Федерации, снижение произведенного ВВП по итогам 2016 г. замедлилось до 0,2%, по сравнению с падением на 2,8% годом ранее, благодаря позитивной динамике промышленного производства и сельского хозяйства, а также замедлению спада в строительстве. В структуре ВВП по источникам доходов снизилась доля валовой прибыли и валовых смешанных доходов на фоне увеличения удельного веса доли оплаты труда наемных работников и сокращения чистых налогов на производство и импорт. Со стороны расходов динамику произведенного ВВП поддержали инвестиционный и внешний спрос, в то время как потребительский спрос показал отрицательную динамику.

По итогам 2016 г. по сравнению с прошлым годом индекс промышленного производства вырос на 1,1%. Рост добычи полезных ископаемых составил около 2,5%, что внесло основной положительный вклад в рост индекса промышленного производства. Примечательно, что обрабатывающие производства также сумели выйти в область положительных значений, достигнув роста в 0,1%, а производство и распределение электроэнергии, газа и воды выросло на 1,5%. Индекс производства продукции сельского хозяйства показал ускорение положительной динамики – за год 4,8%².

В 2016 г. под влиянием правительственных мер по насыщению рынков, а также проводимой тарифной и денежно-кредитной политики, потребительская инфляция в России снизилась до однозначных значений. По итогам года инфляция составила 5,4%, тогда как в 2014 г. она достигала 11,4%, а в 2015 г. – 12,9%. Столь значительное замедление инфляции обеспечивалось низким ростом цен на продовольственные товары в результате процессов импортозамещения и хорошего урожая, что способствовало росту предложения более дешевой отечественной продукции. Положительный эффект на снижение инфляции оказала также более низкая индексация цен и тарифов на продукцию (услуги) компаний инфраструктурного сектора. Вклад всех компонент в инфляцию снизился. При этом основной

¹ Бежин Е., Ивантер А., Иноземцева О., Козлов В., Толмачев Д. Посткризисный пазл // Эксперт. 2016. № 25. С. 40–47.

² Об итогах социально-экономического развития Российской Федерации в 2016 г. М.: Министерство экономического развития Российской Федерации, 2017. С. 21–35.

вклад в инфляцию 2016 г. внес рост цен на непродовольственные товары, но влияние данного фактора к концу года во многом исчерпалось. На продовольственные товары цены в 2016 г. повысились на 4,6%, что стало минимальным ростом, начиная с 2011 г., после ускоренного подъема в 2014–2015 гг. В 2014 г. и 2015 г. данный показатель составлял соответственно 15,4 и 14%. Цены на непродовольственные товары на протяжении всего года росли темпами, опережающими инфляцию. По итогам года, прирост цен составил 6,5%, что было, однако, вдвое ниже прошлогоднего роста (13,7%) и на 1,1 п.п. выше инфляции. Прирост цен на услуги в 2016 г. оказался минимальным за весь период наблюдения – 4,9% (2015 г. – 10,2%). В целом, рост цен во всех трех группах потребительских товаров и услуг в истекшем году оказался ниже аналогичных показателей 2014–2015 гг.¹

На рис. 1 показан уровень инфляции за каждые 12 месяцев, начиная с 1996 г. Напомним, что в этот период инфляция была значительно менее острой, чем в 1992–1995 гг., когда показатели годовой инфляции были постоянно выше 100%, а в ряде случаев превышали 1000% и 2000%. Начиная с 2000 г. постоянно наблюдались умеренные годовые уровни инфляции. В этот период уровень инфляции в России в целом снижался, за исключением 2007–2008 гг. и 2014–2015 гг., когда были отмечены инфляционные всплески, обусловленные экономическими кризисами, которые, однако, не привели к достижению чрезмерно высокого уровня инфляции. При этом в 2016 г. было отмечено более чем двукратное снижение темпов роста цен на все товары и услуги, в результате которого был зафиксирован самый низкий уровень годовой инфляции за весь постсоветский период. По месяцам рост индекса потребительских цен на товары и услуги был довольно равномерным.

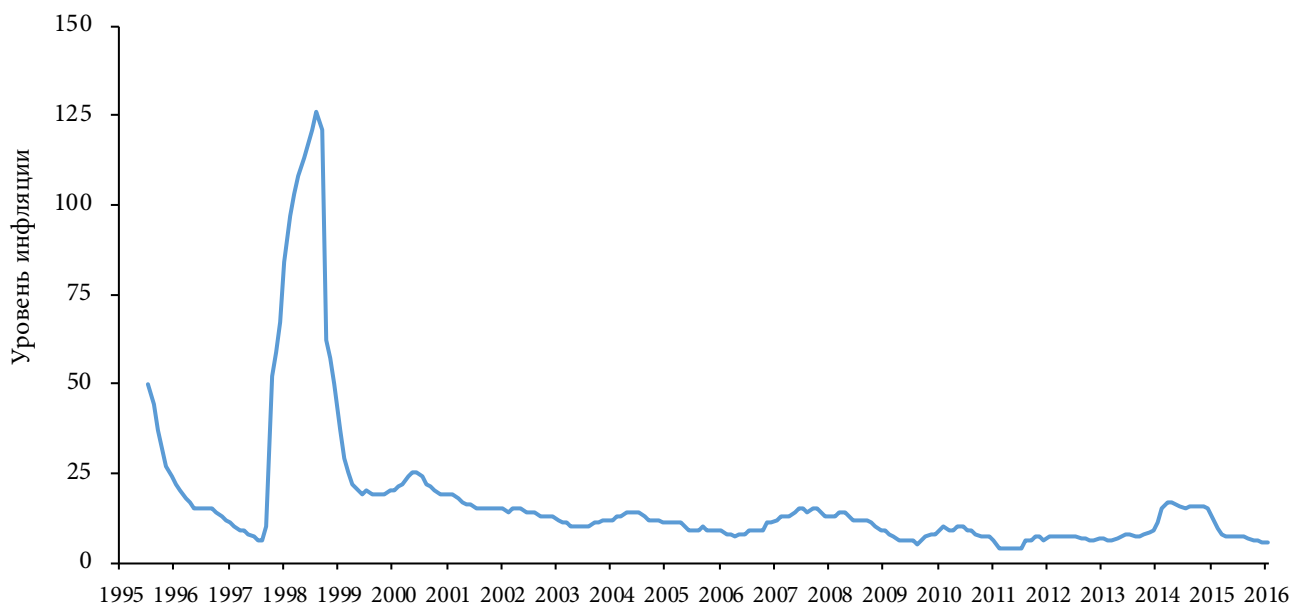

Рис. 1. Годовые (12 месяцев) уровни инфляции, январь 1996 г. – декабрь 2016 г., в % к соответствующему периоду предыдущего года, все товары и услуги

¹ Там же. С. 55–70.

Динамика, структура и дифференциация доходов домохозяйств

В связи с умеренным уровнем инфляции, показатели доходов, зарплаты и расходов в опросах RLMS-HSE в период с октября 2000 г. по декабрь 2016 г., достаточно точно отражают реальные экономические условия. Однако сведения о доходах и расходах в RLMS-HSE за 1998 г. и многие предшествующие годы собирались в период самой высокой и изменчивой инфляции. Об этом следует помнить, обращаясь к данным RLMS-HSE за 1998 г. и ряд предшествующих лет, при анализе и истолковании изменений в размерах реальных рублевых доходов и расходов.

На рис. 2 сравниваются индекс потребительских цен, который отражает изменения общей стоимости жизни для всех россиян, и прожиточный минимум для взрослого мужчины, составленный по среднероссийским ценам, за весь период проведения RLMS-HSE. При обращении к рисунку необходимо учитывать, что вертикальная ось представляет собой логарифмическую шкалу. Увеличение значений по этой шкале отражает соответствующие пропорциональные изменения.

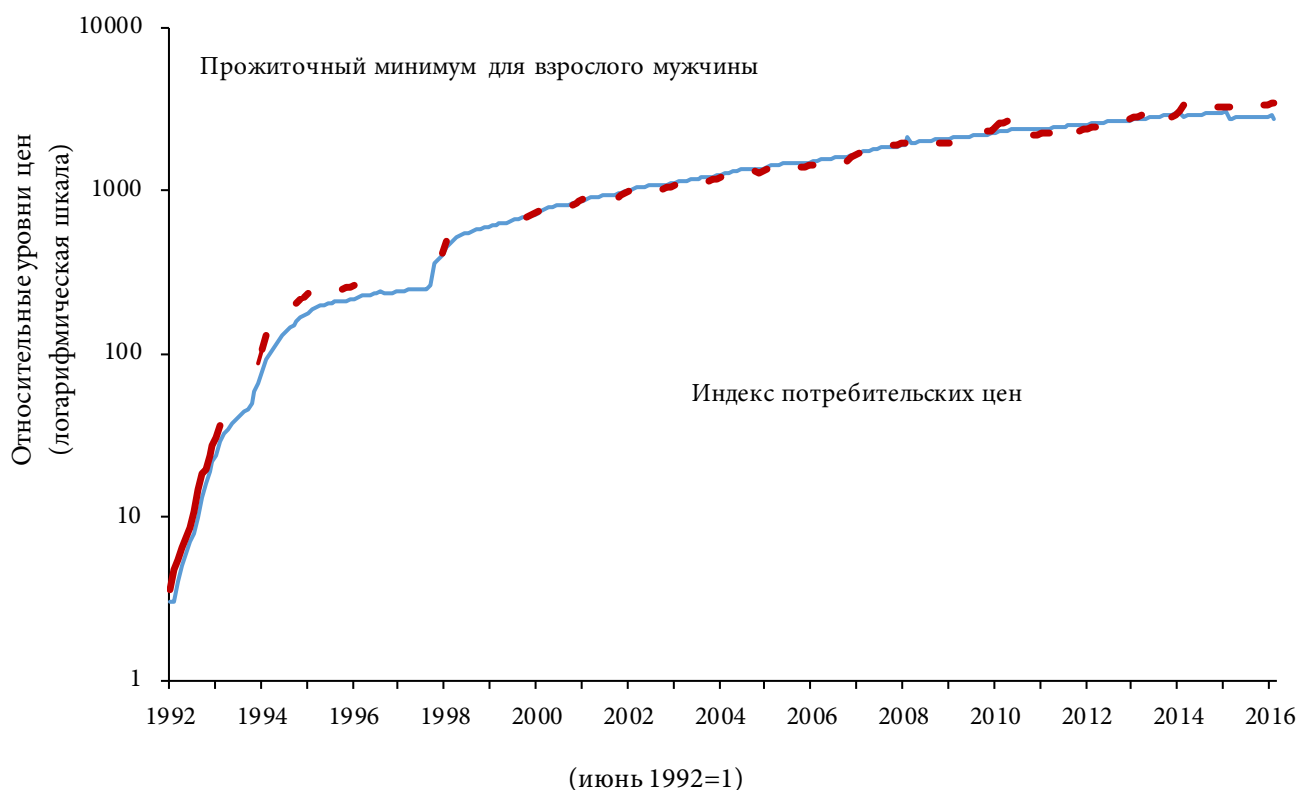

Рис. 2. Уровень цен по месяцам, июнь 1992 г. — декабрь 2016 г.

Из рис. 2 следует, что с декабря 2015 г. по декабрь 2016 г. прожиточный минимум для взрослого мужчины увеличился всего лишь на 3,7%, тогда как общий индекс потребительских цен — на 5,4%. Примечательно, что с декабря 2012 г. по декабрь 2013 г. прожиточный минимум для взрослого мужчины увеличился на 17,3%, что было намного больше роста общего индекса потребительских цен, равного 6,5%. Затем с декабря 2013 г. под декабрь 2014 г. черта бедности для взрослого мужчины повысилась на 9%, тогда как общий индекс цен вырос на 11,4%. Аналогичная

картина наблюдалась и в следующем году. С декабря 2014 г. по декабрь 2015 г. черта бедности для взрослого мужчины повысилась только на 7%, в то время как общий индекс потребительских цен вырос на 12,9%.

В данном отчете размер доходов, расходов и платежей за все годы проведения опроса приведен в ценах декабря 2016 г. с использованием ценового дефлятора Росстата (ИПЦ). В ряде случаев при выведении средних показателей не принимались во внимание экстремальные величины доходов и расходов. При этом следует помнить, что в начале 1998 г. произошла деноминация рубля, когда все старые цены в рублях были уменьшены в 1000 раз. В декабре 2014 г. случилось резкое ослабление рубля. На фоне валютной паники, вызванной действием совокупности мощных экономических факторов, главными из которых были экстремальное падение цен на нефть и введение экономических санкций со стороны западных государств, обменный курс рубля в середине декабря 2014 г. по сравнению с началом месяца вырос приблизительно с 49 до 67 руб. за один доллар и с 61 до 85 рублей за один евро. Затем последовал постепенный откат до 60 рублей за один доллар и до 64 руб. за один евро в декабре 2015 г.

В конце 2016 г., после относительно небольшого снижения, выявленного годом ранее, был отмечен существенный рост реальных доходов населения. Из [таблицы 1](#) следует, что если в декабре 2015 г. по сравнению с декабрем 2014 г. средние реальные доходы российских домохозяйств сократилась на 1,1%, а по сравнению с декабрем 2013 г. — на 6,4%, то в декабре 2016 г. по сравнению с декабрем 2015 г. они выросли на 11,1%¹. В результате этого роста общая сумма месячного дохода домохозяйств намного превысила уровень докризисного 2013 г. Среди причин роста доходов можно выделить увеличение заработной платы в различных секторах экономики, рост социальных выплат, повышение продуктивности подсобного хозяйства, увеличение помощи от родственников или знакомых.

Следует заметить, что данные Федеральной службы государственной статистики свидетельствовали о том, что прошедший год вновь оказался трудным для россиян. Так, по данным Росстата, за 2016 г. доходы населения в реальном выражении (доходы за вычетом обязательных платежей, скорректированные на индекс потребительских цен) сократились на 5,9%. Аналогичная тенденция наблюдалась в 2014 г. и 2015 г. — сокращение составило соответственно 0,7 и 4,3%. А увеличение последний раз было отмечено в 2013 г., когда эти доходы выросли на 4%. В течение 2016 г., как и годом ранее, реальные располагаемые денежные доходы населения демонстрировали только негативную динамику относительно соответствующих периодов 2015 г.: I квартал — снижение на 3,7%; II квартал — снижение на 5,6%; III квартал — снижение на 7%; IV квартал — снижение на 6,5%. Стоит обратить внимание и на тот интересный факт, что в декабре 2016 г. по сравнению с декабрем 2015 г. реальные располагаемые денежные доходы россиян упали на 6,8%, тогда как в декабре 2015 г. по сравнению аналогичным периодом 2014 г. они выросли на 5%.

В 2016 г., как и во все предыдущие годы, господствующее положение в структуре доходов российских домохозяйств занимали доходы от заработной платы и государственных трансфертных платежей, т. е. социальных трансфертов,

¹ Под «домохозяйством» или «семьей» в данном исследовании понимаются люди, проживающие вместе и имеющие общие доходы и расходы.

которые предоставляются населению из федеральных, региональных и местных бюджетов, государственных внебюджетных социальных фондов (пенсии, стипендии, социальные пособия, компенсационные выплаты, льготы и т. п.). Причем за прошедший год величина дохода из данных источников существенно увеличилась.

Как показал анализ данных RLMS-HSE, совокупный месячный доход домохозяйств от заработной платы после сокращения в 2014–2015 гг. на 9,1% в декабре 2016 г. вырос на 10,6%. В результате этого роста совокупный доход российских домохозяйств от заработной платы достиг максимального значения за все время систематических наблюдений в рамках мониторинга. В 2016 г. величина этого дохода была более чем в 4 раза больше, чем в 1998 г.

Таблица 1

Структура совокупного дохода домохозяйств, 1992–2016 гг. (месяц/год), в руб. декабря 2016 г.

Источники дохода	Период сбора данных (месяц/год)							
	9/92	11/98	10/04	10/08	12/11	12/14	12/15	12/16
Доход от работы на государственных предприятиях	13 109	4168	7687	13 067	12 789	13 948	12 307	13 312
Доход от работы на частных предприятиях	827	2007	7235	13 684	14 295	13 589	13 329	15 163
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	1677	1205	1806	2045	1722	1458	1741	1805
Общий доход от заработной платы	15 613	7380	16 728	28 988	29 085	28 995	27 376	30 280
Государственные трансфертные платежи	4340	3128	5664	9338	11 381	13 805	14 941	16 704
Денежный доход от домашнего производства и неформального сектора	1745	1370	2840	4152	2333	2269	2503	2843
Натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора	1810	2449	1318	1425	1073	1124	1233	1267
Доход от продажи личного имущества	1208	439	721	452	446	393	123	105
Доход от сдачи личной собственности в аренду	19	39	126	226	216	294	207	263
Дивиденды	–	74	643	123	68	127	134	115
Помощь от родственников и благотворительная помощь	3335	1238	1835	3861	3047	2313	2255	2625
Общая сумма месячного дохода	28 067	16 118	29 876	49 303	48 269	49 320	48 773	54 202

Примечательно, что если в 2013–2014 гг. доход от работы на государственных предприятиях немного превышал доход от работы на частных предприятиях, то в 2015–2016 гг. была выявлена противоположная картина. При этом в декабре 2015 г. превышение дохода домохозяйств от работы на частных предприятиях над

доходом от работы на государственных предприятиях составило 8,2%, тогда как в декабре 2016 г. — 13,9%. Исследование также показало, что если в декабре 2015 г. по сравнению с аналогичным периодом 2014 г. доход от работы на государственных предприятиях сократился на 11,8%, а по сравнению с декабрем 2013 г. — на 14%, то за последний год он увеличился на 8,2%. Доход домохозяйств от работы на частных предприятиях в декабре 2015 г. по сравнению с декабрем 2014 г. уменьшился на 1,9%, а по сравнению с аналогичным периодом 2013 г. — на 6,7%, но в декабре 2016 г. по сравнению с декабрем 2015 г. он вырос на 13,8%, достигнув максимального значения за все время наблюдений. Что касается дохода от работы на предприятиях смешанной формы собственности, то он в последние годы менялся разнонаправлено (2014 г. — сокращение на 4,3%; 2015 г. — рост 19,4%). При этом за последний год он увеличился на 3,7%, оставаясь намного меньше величин дохода от работы на государственных и частных предприятиях. Можно также отметить, что в 2016 г. доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности был по величине примерно таким же, как в 2004 г., но все еще меньше максимального значения, зафиксированного в 2008 г.

К концу 2016 г. около половины всех доходов домохозяйств от заработной платы поступало исключительно из частных источников, что было лишь немного меньше, чем 49% в конце 2015 г. или 47% в конце 2014 г. В то же время доход от работы на предприятиях государственной формы собственности в 2016 г. составлял около 44% всех доходов домохозяйств от указанного источника, что было, однако, меньше, чем 45%, зафиксированных в 2015 г. или 48% в 2014 г. Как и годом ранее, на доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности в конце 2016 г. приходилось около 6% общего дохода от заработной платы.

Данные Росстата зафиксировали лишь незначительное увеличение реальной среднемесячной начисленной заработной платы в целом по России в 2016 г. по сравнению с 2015 г. на 0,8%, тогда как в 2015 г. по сравнению с 2014 г. было отмечено ее существенное падение на 9%. Подобные небольшие изменения, демонстрирующие малозаметное увеличение или уменьшение, были зафиксированы во всех субъектах Российской Федерации. Самый большой рост реальной среднемесячной начисленной заработной платы, составляющий около 2–3%, был отмечен в Москве, Санкт-Петербурге, Республике Башкортостан, Удмурдской Республике, Пензенской области, Республике Алтай, Республике Хакасия. Аналогичное по величине сокращение выявлено в Ивановской области, Республике Крым, Кабардино-Балкарской Республике, Чеченской Республике, Еврейской автономной области. Все это подталкивает к мысли о необходимости разработки и реализации комплексной политики, стимулирующей рост зарплат в стране.

Что касается среднемесячной номинальной начисленной заработной платы, то она в среднем за год, по данным Росстата, в 2016 г. по сравнению с 2015 г. выросла на 7,9% (с 34 до 36,7 тыс. руб.), в то время как за 2014 г. этот рост составил 9,1% (с 29,8 тыс. до 32,5 тыс. руб.), а за 2015 г. — на 4,7% (до 34 тыс. руб.). Примечательно, что во II квартале 2016 г. по сравнению с I кварталом этого же года среднемесячная начисленная заработная плата выросла приблизительно на 10%, но в III квартале снизилась почти на 4,5%, а в IV квартале по сравнению с III кварталом вновь выросла более чем на 11%. Аналогичные тенденции наблюдались и годом ранее.

Как и в предыдущие годы, наиболее высокими заработки были в отраслях, связанных с производством кокса и нефтепродуктов (88,2 тыс. руб., рост за год на 8,1%), добычей полезных ископаемых (70 тыс. руб., рост — на 9,8%), включая добычу топливно-энергетических полезных ископаемых (77,6 тыс. руб., рост — на 8,7%), а также занятых финансовой деятельностью (80,3 тыс. руб., рост — на 14,7%), рыболовством и рыбоводством (54,9 тыс. руб., рост — на 17,6%). На другом полюсе находились работники, занятые в текстильном и швейном производстве (17,1 тыс. руб., рост — на 8,2%), производстве кожи, изделий из кожи и производстве обуви (19,8 тыс. руб., рост — на 11,2%), сельском и лесном хозяйстве (21,8 тыс. руб., рост — на 10,7%), обработке древесины и производства изделий из дерева (22,3 тыс. руб., рост — на 9,3%), работники гостиниц и ресторанов (22 тыс. руб., рост — на 6,8%), здравоохранения и предоставления социальных услуг (29,7 тыс. руб., рост — на 5,3%). В целом в 2016 г. разница в уровне заработной платы между работниками, занятыми в наиболее и наименее обеспеченных отраслях, достигала около пяти раз.

По федеральным округам показатели среднемесячной номинальной начисленной заработной платы в 2016 г. выглядели следующим образом: Дальневосточный ФО — 45,8 тыс. руб. (рост на 6%), Центральный ФО — 45,9 тыс. руб. (рост на 9,3%), Уральский ФО — 41,5 тыс. руб. (рост на 6,1%), Северо-Западный ФО — 41,9 тыс. руб. (рост на 6,1%), Сибирский ФО — 31,6 тыс. руб. (рост на 6,8%), Приволжский ФО — 27,3 тыс. руб. (рост на 6,6%), Южный ФО — 27 тыс. руб. (рост на 5,9%), Северо-Кавказский ФО — 23 тыс. руб. (рост на 6%). Максимальные величины среднемесячной номинальной заработной платы были зафиксированы в Чукотском автономном округе — 86,6 тыс. руб. (рост на 8,9%), Ямало-Ненецком автономном округе — 83,2 тыс. руб. (рост на 7,6%), Магаданской области — 69,8 тыс. руб. (рост на 5,8%), Москве — 71,4 тыс. руб. (рост на 11%), Сахалинской области — 65 тыс. руб. (рост на 6%), Ханты-Мансийском автономном округе — 63,6 тыс. руб. (рост на 5,8%), Тюменской области — 60,1 тыс. руб. (рост на 6,2%), тогда как минимальными эти величины оказались в Республике Калмыкия — 21,3 тыс. руб. (рост на 6%), Республике Дагестан — 20,6 тыс. руб. (рост на 7,3%), Карачаево-Черкесской Республике — 21,5 тыс. руб. (рост на 4,7%), Кабардино-Балкарской Республике — 21,3 тыс. руб. (рост на 1,9%).

Как показал дальнейший анализ данных RLMS-HSE, в 2016 г. продолжился рост государственных трансфертных платежей, не прекращающийся с 1998 г. В течение 2016 г. они выросли на 11,8% и достигли самого высокого уровня из когда-либо зафиксированных в ходе опросов мониторинга. Темпы данного роста были существенно выше, чем 1,5% в 2013 г., 4% в 2014 г. и 8,2% в 2015 г., но меньше чем 14,9%, зафиксированных в 2011 г. Вместе с тем нельзя не отметить, что в конце 2016 г. доход российских домохозяйств от государственных трансфертов был более чем в 5 раз больше, чем в конце 1998 г.

Как и ранее, рост государственных трансфертных платежей обеспечивался главным образом повышением пенсий, составляющих основную часть трансфертов. Но в отличие от предыдущих лет, в 2016 г. индексация пенсий была проведена лишь частично. Так, 1 февраля 2016 г. были повышены страховые и социальные пенсии. Пенсионные выплаты были проиндексированы на 4%. При этом страховые пенсии увеличились только для неработающих пенсионеров, в то время как

социальные поднялись для всех, вне зависимости от трудоустройства получателя. Средний размер страховой пенсии составил 13132 руб., что соответствовало 149,2% к прожиточному минимуму пенсионера; по государственному обеспечению — 8562 руб. Вторая индексация пенсий в 2016 г. была заменена единовременной выплатой в размере 5 тыс. руб. в январе 2017 г. Данная норма была предусмотрена Федеральным законом № 385 ФЗ от 22 ноября 2016 г. «О единовременной денежной выплате гражданам, получающим пенсию». Выплату получили все получатели страховых пенсий, государственных пенсий всех видов — по старости, по инвалидности, по случаю потери кормильца.

Важно также подчеркнуть, что если в первой половине 2016 г. величина официально установленного прожиточного минимума, размер которого необходим для определения стипендий, пособий и других социальных выплат, росла, то во второй половине произошло ее снижение. Прожиточный минимум является также ориентиром для региональных и федеральных надбавок к пенсиям. Если в I квартале 2016 г. величина прожиточного минимума в среднем на душу населения составила 9776 руб. (рост по сравнению с предыдущим кварталом на 3,4%), во II квартале — 9956 руб. (рост на 1,8%), то в III квартале — 9889 руб. (снижение на 0,7%), а в IV квартале — 9691 руб. (снижение на 2%). Прожиточный минимум для пенсионеров сократился с 8163 руб. во II квартале до 8000 руб. в IV квартале; для трудоспособного населения — соответственно с 10722 до 10466 руб., а для детей — соответственно с 9861 до 9434 руб. При этом важно подчеркнуть, что изменение прожиточного минимума зачастую происходит формально и не отражает действительную индексацию цен. На протяжении всего 2016 г. федеральный прожиточный минимум заметно отставал от темпов роста цен. Считается, что занижение прожиточного минимума помогает показывать хорошую статистику по бедности, а также держать на низком уровне зарплаты бюджетников и различные социальные выплаты, поскольку формально люди получают не меньше прожиточного минимума.

Согласно данным RLMS-HSE, в декабре 2016 г. произошел очередной рост совокупного денежного и натурального дохода от домашнего производства и неформального сектора, составивший около 10%, что было примерно столько же, сколько в декабре 2015 г., тогда как годом ранее было отмечено его сокращение на 24,9%. Характерно, что максимальной величина данного дохода была в 2008 г., превышавшая уровень 2016 г. более чем на треть.

Денежный доход домохозяйств от домашнего производства и неформального сектора после снижения в конце 2014 г. почти на треть, а именно на 30,7%, в конце 2015 г. вырос на 10,3% и далее в 2016 г. — на 13,6%. После этих изменений величина дохода от домашнего производства и неформального сектора в 2016 г. достигла уровня 2004 г., но была почти в полтора раза меньше, чем в 2008 г.

Натуральный доход обследованных домохозяйств от домашнего производства и неформального сектора после снижения в 2014 г. на 9,6% в 2015 г. вырос на 9,7%. И затем в 2016 г. увеличился еще на 2,8%. В условиях кризиса необходимость сэкономить на покупке продовольствия заставила граждан переходить на натуральное хозяйство. Необходимо учитывать и то, что, хотя себестоимость выращенного на личном участке часто оказывается достаточно высокой, во многих местах у граждан просто нет возможности для регулярных покупок про-

довольствия в магазинах и на рынках. Но несмотря на указанный рост, доход от данного источника был все еще меньше, чем в конце 1990-х и начале 2000-х гг. В конце 2016 г., как и в предыдущие годы, денежный доход от домашнего производства и неформального сектора превышал аналогичный натуральный доход более чем в 2 раза.

Помощь от родственников и благотворительная помощь после стремительного сокращения в 2014 г. на 26,5%, в 2015 г. уменьшилась еще на 2,5%, но в конце 2016 г. выросла на 16,4%. В условиях обострения экономического кризиса многие россияне стали с большей готовностью помогать деньгами своим родственникам и друзьям, что не было случайным. Тесные семейные и дружеские связи, взаимная поддержка деньгами, продуктами в такие трудные периоды как правило усиливаются. Причем получение безвозмездной помощи или заем средств у родственников стали наиболее популярными способами решения финансовых проблем во время кризиса у тех россиян, которые ранее сталкивались с трудностями по выплате кредитов и других долгов. Но, несмотря на все это, в 2016 г. величина дохода российских домохозяйств от частных трансфертов была почти в полтора раза меньше, чем в 2008 г., когда было зафиксировано ее максимальное значение.

Доход домохозяйств от сдачи личной собственности в аренду после увеличения в декабре 2014 г. по сравнению с декабрем 2013 г. на 4,9%, в результате которого было достигнуто его максимальное значение за все время наблюдений, в декабре 2015 г. резко сократился на 30,7%. Но за последний год он вновь увеличился на 27,1%, как бы компенсируя предыдущее падение.

Как и во все предыдущие годы, в 2016 г. доходы обследованных домохозяйств от дивидендов оказались очень низкими. Это объясняется тем, что, с одной стороны, лишь некоторые респонденты в ходе опросов указывали значения данного источника дохода, тогда как абсолютное большинство опрошенных постоянно сообщали, что они не имеют доходов в виде дивидендов или страховых платежей, с другой стороны, подавляющее большинство российских граждан действительно не имели финансовых сбережений, которые бы позволили пережить кризис или, тем более, прилично жить во время потери работы. Замечено также, что по сравнению с другими источниками доходов домохозяйств дивиденды в наибольшей мере подвержены ежегодным колебаниям. Так, если в декабре 2015 г. по сравнению с декабрем 2014 г. доходы обследованных домохозяйств от дивидендов увеличились на 5,5%, то за последний год они сократились на 14,2%, оставаясь на крайне низком уровне. Это сокращение можно объяснить финансовой заторможенностью населения. В условиях экономической нестабильности и неопределенности очень многие российские граждане предпочитали придерживаться выжидательной позиции и не предпринимать ничего резкого и сомнительного по отношению к своим финансам. Огромное количество российских домохозяйств имели непогашенную задолженность по кредитам или долгам. В ситуации падения доходов населения выплаты по кредитам ложились тяжелым бременем на население.

Затянувшийся и обострившийся экономический кризис не позволил многим россиянам сохранить свои сбережения. Наблюдалось снижение доли имеющих сбережения, а в отношении тех, кто еще располагал накоплениями, обнаруживались тенденции к сокращению объемов текущих сбережений и переходу к расходованию отложенных средств. Число домохозяйств, располагающих более или

менее надежной финансовой подушкой безопасности, сократилось до довольно малых значений. В силу ряда причин, обусловленных кризисом и отсутствием внятной экономической политики в стране, снизилась популярность банковских вкладов. Недостаток средств у населения, сокращение доходности самих вкладов, а также уровня доверия к коммерческим банкам — все это замедлило динамику роста банковских вкладов.

В декабре 2016 г. было выявлено очередное сокращение дохода обследованных домохозяйств от продажи личного имущества. За последний год его величина уменьшилась на 14,6%, а по сравнению с декабрем 2008 г. — почти в 7 раз. В результате такого значительного снижения было достигнуто минимальное значение величины дохода от данного источника за все время наблюдений.

Данные RLMS-HSE, отражающие процентное соотношение различных источников дохода обследованных домохозяйств в период с 1992 г. по 2016 г., еще раз показывают, что основными источниками доходов населения на протяжении всех лет мониторинга являлись заработная плата и государственные трансфертные платежи (см. табл. 2; рис. 3–6¹). Но в то же время нельзя не обратить внимание на то, что если за 2011–2016 гг. доля дохода домохозяйств от заработной платы уменьшилась на 6,1 п.п. — с 51,1 до 45%, то доля дохода от государственных трансфертных платежей выросла на 6,6 п.п. — с 35,4 до 42%. При этом за последний год эти доли уменьшились на едва заметные 0,1 п.п.

Разрыв между долей месячного дохода домохозяйств от заработной платы и долей их аналогичного дохода от государственных трансфертных платежей в 2015–2016 гг. сократился до минимальных 3 п.п. (в 2014 г. — 7,6 п.п.), что стало еще одним убедительным свидетельством роста роли государственных трансфертов в обеспечении жизнедеятельности российских семей в условиях затяжного и глубокого экономического кризиса. В 2013 г. доля дохода обследованных домашних хозяйств от заработной платы превышала долю их дохода от государственных трансфертных платежей на 9,2 п.п., что было лишь немного больше, чем в 2012 г. (8,3 п.п.), но существенно меньше, чем в относительно благополучном 2011 г., когда такая разница составляла 15,7 п.п.

В декабре 2016 г. по сравнению с аналогичным периодом 2015 г. доля совокупного дохода домохозяйств от работы на государственных предприятиях, после сокращения на 2,7 п.п. годом ранее, вновь уменьшилась на 0,5 п.п. Таким образом, за последние два года доля дохода от данного источника сократилась на 3,2 п.п. — с 24 до 20,8%. В то же время доля совокупного дохода домохозяйств от работы на предприятиях частного сектора, после небольшого уменьшения в декабре 2015 г. на 0,2 п.п., в декабре 2016 г. увеличилась на 0,4 п.п. — с 21,2 до 21,6%. Доля дохода обследованных домохозяйств от работы на предприятиях смешанной формы собственности в декабре 2016 г. оставалась небольшой и за последний год практически не изменилась, уменьшившись лишь на минимальные 0,1 п.п. — с 2,7 до 2,6%.

¹ Данные, приведенные в таблице 2 и на рис. 3–6, основаны на средних данных о структуре дохода по домохозяйствам и не могут быть напрямую выведены из данных о среднем доходе, содержащихся в таблице 1. При использовании цифр из таблицы 1, соотношение среднего дохода из одного источника к среднему доходу в целом будет соответствовать средневзвешенным долям дохода домохозяйства, где веса пропорциональны общему доходу каждого домохозяйства.

Таблица 2

Распределение доходов по источникам, 1992–2016 гг. (месяц/год), %

Источники доходов	Период сбора данных (месяц/год)								
	9/92	11/98	10/04	10/08	10/09	12/11	12/14	12/15	12/16
Доход от работы на государственных предприятиях	41,5	22,3	22,9	23,9	22,9	24,0	24,0	21,3	20,8
Доход от работы на частных предприятиях	2,3	8,0	16,9	21,1	21,3	24,1	21,4	21,2	21,6
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	5,1	5,3	4,7	3,3	3,5	3,0	2,3	2,7	2,6
Общий доход от заработной платы	48,9	35,6	44,5	48,3	47,7	51,1	47,7	45,1	45,0
Государственные трансфертные платежи	30,9	30,9	34,7	34,6	36,4	35,4	40,1	42,1	42,0
Денежный доход от домашнего производства и неформального сектора	1,6	5,6	7,1	5,3	5,2	3,9	3,5	4,1	4,2
Натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора	7,8	17,8	5,5	3,9	3,8	2,6	2,4	2,6	2,5
Доход от продажи личного имущества	1,2	1,0	0,5	0,4	0,4	0,4	0,4	0,1	0,1
Доход от сдачи личной собственности в аренду	0,0	0,2	0,3	0,3	0,3	0,3	0,4	0,3	0,3
Дивиденды	–	0,3	0,3	0,3	0,1	0,1	0,2	0,2	0,2
Помощь от родственников и благотворительная помощь	9,7	8,5	7,1	6,9	6,1	6,3	5,4	5,3	5,6
Общая сумма месячного дохода	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Совокупная доля дохода российских домохозяйств от государственных или смешанных частно-государственных источников, включая трансферты и заработные платы, в декабре 2015 г. составила 66,1%, что было на 0,3 п.п. меньше, чем годом ранее. В декабре 2016 г. эта доля вновь уменьшилась на 0,7 п.п. — до 65,4%. Примечательно, что с декабря 2014 г. по декабрь 2015 г. общая доля денежного и натурального доходов от домашнего производства и неформального сектора увеличилась на 0,8 п.п. — с 5,9 до 6,7% и за последний год не изменилась. В то же время доля дохода обследованных домохозяйств от помощи родственников и благотворительной помощи после небольшого уменьшения с 5,4% в декабре 2014 г. до 5,3% в декабре 2015 г. за последний год увеличилась до 5,6%.

На рис. 3 представлены данные RLMS-HSE, характеризующие динамику изменения удельного веса доходов от заработной платы и постоянно растущих государственных трансфертных платежей в совокупном доходе российских домохозяйств. Они, в частности, показывают, что во время экономических кризисов роль заработной платы в формировании совокупного дохода домохозяйств снижается,

а роль государственных трансфертных платежей повышается. Так, если в 1996 г. доля дохода домохозяйств от заработной платы составляла 38,9%, то в кризисном 1998 г. она снизилась до 35,6%, но уже в 2000 г. выросла до 38,2%. К концу 2007 г. эта доля увеличилась до 49,6%, но в кризисные 2008 г. и 2009 г. она уменьшилась соответственно до 48,4 и 47,7%. После ослабления кризиса в 2010 г. эта доля вновь выросла до 50,6% и далее в 2011 г. — до 51,1%. Но, начиная с 2012 г., когда наметилось углубление кризиса, доля доходов домохозяйств от заработной платы начала сокращаться. В 2012 г. она снизилась до 47,2%. И затем поступательно к концу 2016 г. упала до 45%, в том числе за последний год на едва уловимые 0,1 п.п.

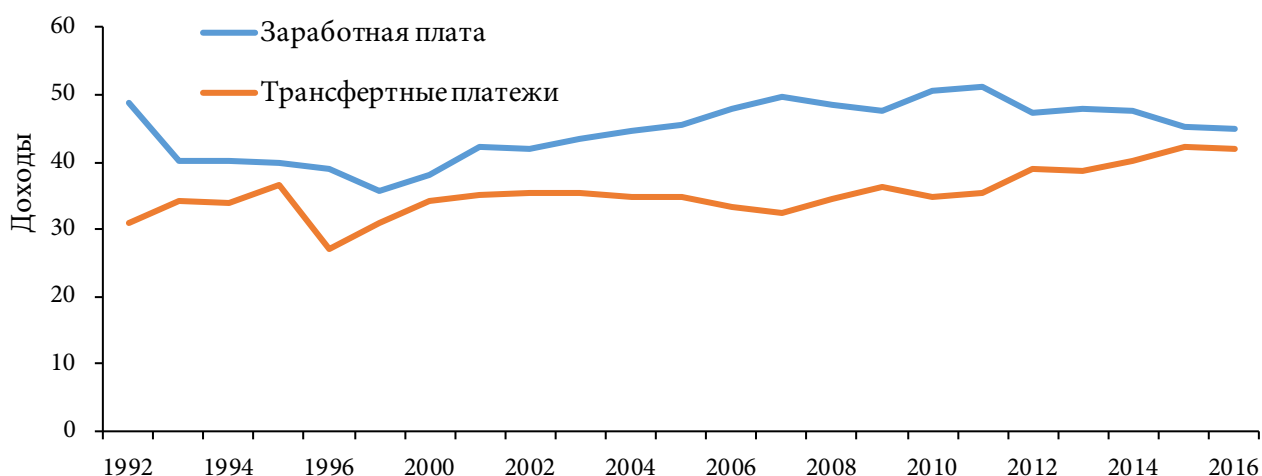

Рис. 3. Распределение доходов по источникам: заработная плата, трансфертные платежи, 1992–2016 гг., %

В то же время общий тренд, характеризующий изменение доли дохода домохозяйств от государственных трансфертных платежей демонстрировал с небольшими отклонениями, обусловленными разными причинами, позитивную динамику на протяжении всех последних лет, независимо от того, как развивалась ситуация в российской экономике. В частности, до 2007 г. эта доля колебалась в пределах 34–35%. Исключение составляет только достаточно трудный для страны 1996 г., когда она упала до 27,1%. Но за 2007–2015 гг. эта доля довольно последовательно выросла на 7,7 п.п. или в 1,3 раза — с 32,4 до 42,1%, существенно приблизившись к доле дохода домохозяйств от заработной платы. В 2016 г. было отмечено едва заметное уменьшение на 0,1 п.п.

Данные мониторинга, представленные на рис. 4, показывают, что доли дохода российских домохозяйств от работы на предприятиях и организациях с разной формой собственности в последние годы менялись очень мало. В частности, доля дохода от работы на предприятиях и в организациях государственного сектора уже длительное время колеблется в границах довольно узкого коридора значений — от 23 до 24%. И только в 2015 г. она резко упала на 2,7 п.п. — до 21,3%, а в 2016 г. уменьшилась еще на 0,5 п.п. — до 20,8%. Доля дохода домохозяйств от работы на предприятиях частного сектора, нараставшая до 2011 г., затем немного уменьшилась и в 2014–2015 гг. стабилизировалась на уровне лишь немного превышающем 21%. В 2016 г. она увеличилась на 0,4 п.п. — до 21,6%. Что касается доли дохода домохозяйств от работы на предприятиях смешанной формы собственности, то она в последние годы находилась на минимальном уровне, меняясь в пределах от 2 до 3%. За последний год она уменьшилась на минимальные 0,1 п.п. — с 2,7% в 2015 г. до 2,6% в 2016 г.

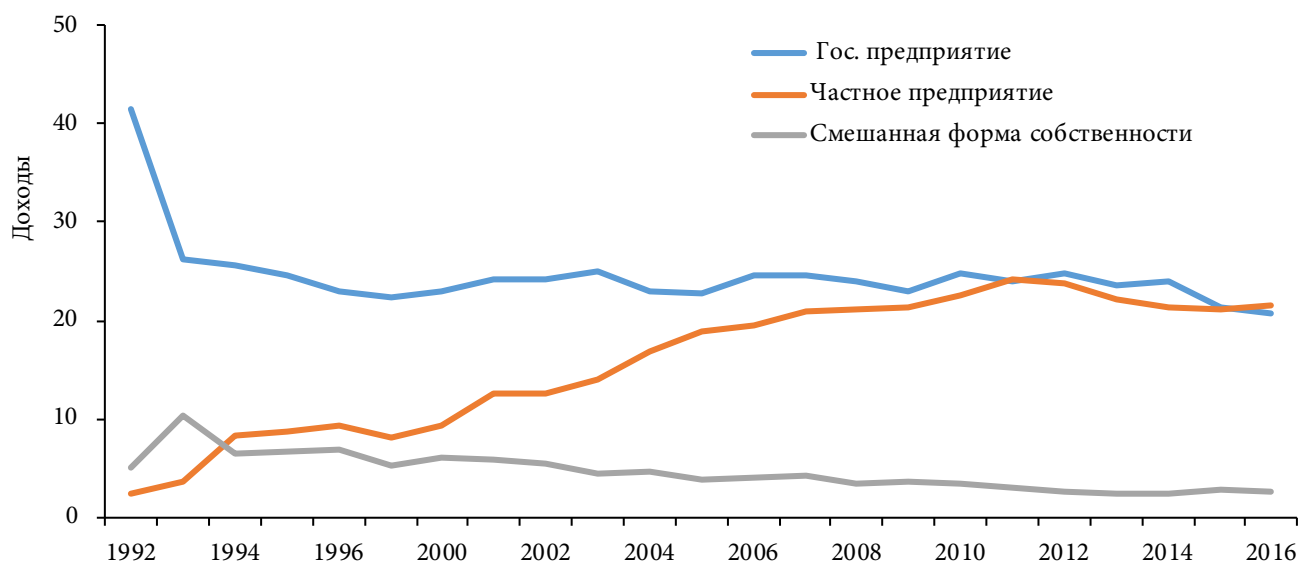

Рис. 4. Распределение доходов по источникам: государственные, частные предприятия, предприятия смешанной формы собственности, 1992–2016 гг., %

Обобщенные сведения, представленные на рис. 5, демонстрируют длительные тренды сокращения значимости денежного и натурального доходов от домашнего производства и неформального сектора в формировании совокупного дохода домохозяйств. Они, в частности, показывают, что доля денежного дохода от домашнего производства и неформального сектора на протяжении пяти последних лет колебалась в довольно узких границах — от 3,5 до 4%, а натурального дохода — в пределах 2,4–2,6%. С 2015 г. по 2016 г. доля денежного дохода домохозяйств от домашнего производства и неформального сектора увеличилась с 4,1 до 4,2%, тогда как доля аналогичного натурального дохода уменьшилась с 2,6 до 2,5%. Более существенно менялась доля дохода домохозяйств от частных трансфертов, т. е. от помощи родственников и благотворительной помощи. В целом, за 2004–2015 гг. она уменьшилась на 2,9 п.п. — с 8,2% до 5,3%, но за последний год увеличилась на 0,3 п.п. — до 5,6%.

Рис. 5. Распределение доходов по источникам: денежный и натуральный доход от домашнего производства, помощь родственников и благотворительная помощь, 1992–2016 гг., %

Весомость ряда источников, играющих наименее значимую роль в формировании совокупного дохода российских домохозяйств (доход от продажи личного имущества, доход от сдачи личной собственности в аренду и дивиденды) на протяжении нескольких последних лет менялась не существенно. Так, из данных мониторинга, представленных на рис. 6, следует, что в течение 2006–2016 гг. суммарная доля дохода домохозяйств от этих источников не превышала 1%. В 2015–2016 гг. эта доля не менялась и составила всего лишь 0,7% (доход от продажи личного имущества – 0,1%; доход от сдачи в аренду личного имущества – 0,3%; дивиденды – 0,2%). И это было самое низкое совокупное значение за все время наблюдений в рамках мониторинга. При этом наибольшей доля дохода домохозяйств от этих источников была в середине 1990-х гг., когда она составляла около 2% совокупного дохода домохозяйств.

Рис. 6. Распределение доходов по источникам: продажа и сдача в аренду личного имущества, дивиденды, 1992–2016 гг., %

В таблице 3 представлены сведения RLMS-HSE о процентном соотношении обследованных домашних хозяйств, имеющих доходы из разных источников. В России продолжает сокращаться число домохозяйств, получающих какой-либо доход от заработной платы, что значительно снижает адаптационные возможности населения в период экономического кризиса. Так, за последний год удельный вес таких домохозяйств уменьшился на 0,3 п.п. – с 64,1 до 63,8%. Но если обратиться к более ранним данным, то можно увидеть, что за последние 6 лет удельный вес домохозяйств, получающих доход от заработной платы, упал на 7,6 п.п. – с 71,4% в 2010 г. до 63,8% в 2016 г. Нечто подобное наблюдалось в середине 1990-х гг. Но затем доля таких домашних хозяйств достаточно последовательно увеличилась с 57,6% в 1998 г. до 71,4% в 2010 г., т. е. на 13,8 п.п., или почти в 1,3 раза, вплотную приблизившись к максимальному значению, достигающему 72,4%, которое было зафиксировано еще во время первого опроса в 1992 г.

Отмеченное сокращение удельного веса домохозяйств, получающих какой-либо доход от заработной платы, происходит главным образом за счет уменьшения числа домохозяйств с доходом от работы на предприятиях или в организациях государственного сектора. Так, с 2011 г. по 2016 г. доля таких домохозяйств сократилась на 5,2 п.п. — с 44 до 38,8%, в том числе только за последний год на 0,8 п.п. Примечательно, что наиболее высокие темпы спада были зафиксированы в 2015 г., когда они составили 4,1 п.п. — с 43,7 до 39,6%. Доля домохозяйств, получающих доход от работы на предприятиях и в организациях частного сектора, после сокращения с 36% в 2014 г. до 34,9% в 2015 г., в 2016 г. вновь увеличилась, но только на 0,2 п.п. — до 35,1%. В целом, число таких домохозяйств в последние годы менялось мало. После стремительного роста в 1990-х гг. в дальнейшем их доля колебалась в пределах 35–39%. Рассматривая данные, следует также обратить внимание на сокращение разрыва между удельным весом домохозяйств, получающих доход от работы на предприятиях государственного и на предприятиях частного секторов. Так, если в 2004 г. этот разрыв достигал 14,6 п.п., в 2008 г. — 9 п.п., в 2011 г. — только 5,1 п.п., то в 2016 г. — всего лишь 3,7 п.п.

Таблица 3

Доля домохозяйств с доходом из данного источника, 1992–2016 гг. (месяц/год), %

Источники доходов	Период сбора данных (месяц/год)								
	9/92	11/98	10/04	10/08	12/11	12/13	12/14	12/15	12/16
Доход от работы на государственных предприятиях	64,9	42,1	43,0	44,7	44,0	43,2	43,7	39,6	38,8
Доход от работы на частных предприятиях	5,3	16,0	28,4	35,7	38,9	35,2	36,0	34,9	35,1
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	10,5	10,7	9,0	6,8	5,7	4,8	4,8	5,2	5,3
Общий доход от заработной платы	72,4	57,6	64,1	67,2	69,9	66,7	66,4	64,1	63,8
Государственные трансфертные платежи	86,5	60,3	76,8	73,1	68,9	72,0	73,0	74,6	74,7
Денежный доход от домашнего производства и неформального сектора	15,2	24,1	24,4	17,8	14,8	15,0	13,8	15,2	15,2
Натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора	56,3	62,9	50,5	44,3	37,9	39,3	39,9	40,4	40,5
Доход от продажи личного имущества	3,8	2,8	1,4	0,9	1,1	0,6	1,5	0,8	0,6
Доход от сдачи личной собственности в аренду	0,2	0,6	1,3	1,5	1,3	1,7	1,6	1,3	1,5
Дивиденды	–	1,1	1,1	1,0	0,9	2,1	2,3	2,2	1,4
Помощь от родственников и благотворительная помощь	34,7	25,5	29,0	27,8	27,5	25,8	26,9	26,9	26,9

Доля домохозяйств, получающих доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности, после роста с 4,8% в 2014 г. до 5,2% в 2015 г., за последний год практически не изменилась, увеличившись в 2016 г. только до 5,3%, т. е. на символические 0,1 п.п. До этого, с 1996 г. по 2014 г. доля указанных домохозяйств сократилась с 12,4 до 4,8%, т. е. более чем в два с половиной раза.

В 2016 г. на фоне сокращения числа домашних хозяйств, получающих какой-либо доход от заработной платы, обнаружен очередной, хотя не большой, рост удельного веса домохозяйств, получающих доход от государственных трансфертов. За последний год доля таких домохозяйств увеличилась всего лишь на 0,1 п.п., но за 2011–2016 г. — на 5,8 п.п. (с 68,9 до 74,7%). Таким образом, за последние годы выросла не только доля социальных выплат в структуре доходов российских домохозяйств, но и доля домохозяйств, получающих государственные трансферты. То есть доходы населения России сегодня все в большей степени зависят от различных государственных выплат и все в меньшей степени от предпринимательских и других заработков.

На протяжении всех лет мониторинга количество домашних хозяйств с натуральным доходом от домашнего производства и неформального сектора намного превосходило число домохозяйств, располагающих соответствующим денежным доходом. В 2016 г. удельный вес домохозяйств, которые получали натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора, составил 40,5%, что было лишь на 0,1 п.п. больше, чем в 2015 г. Но в то же время нельзя не видеть, что за весь кризисный период доля таких домохозяйств увеличилась намного значительнее. Так, если с 1992 г. по 2011 г. она уменьшилась на 18,4 п.п. — с 56,3 до 37,9%, то в дальнейшем вновь увеличилась до 40,5% в 2016 г.

Примечательно, что за постсоветский период доля домохозяйств с денежным доходом от домашнего производства и неформального сектора практически не изменилась. В 2015–2016 гг., как и в 1992 г., доля таких домохозяйств составила 15,2%. Определенный всплеск, свидетельствующий о некотором увеличении удельного веса домохозяйств, получающих денежный доход от домашнего производства и неформального сектора, был отмечен в конце 1990-х — начале 2000-х гг. Но затем ситуация вернулась на первоначальный уровень.

Практически неизменной оставалась также в постсоветский период доля российских домохозяйств, которые имели тот или иной доход от частных трансфертов, т. е. от помощи родственников и благотворительной помощи. Исключение составляет только первая половина 1990-х гг., когда удельный вес подобных домохозяйств достигал одной трети. Но в дальнейшем доля обследованных домохозяйств с доходом от помощи родственников и благотворительной помощи остановилась на уровне около 27%, меняясь в крайне узком коридоре значений. Текущая экономическая ситуация и снижение реальных заработных плат привели к тому, что люди стали осторожнее давать деньги в долг. На повседневные нужды стало уходить больше денег, а значит, свободные средства сократились до минимума или совсем пропали.

В 2016 г., как и во все предыдущие годы, количество домохозяйств, получающих какой-либо доход от продажи личного имущества, сдачи личной собственности в аренду и в виде дивидендов, было относительно небольшим. При этом за последний год доля обследованных домохозяйств, получающих до-

ход от продажи личного имущества, уменьшилась с 0,8 до 0,6%, тогда как доля домохозяйств с доходом от сдачи личной собственности в аренду увеличилась с 1,3 до 1,5%, а удельный вес домохозяйств, имеющих доход в виде дивидендов, уменьшился с 2,2 до 1,4%.

В следующей таблице 4 доходы российских домохозяйств классифицированы по квинтилям душевого дохода. В ней приводится обобщенная информация об уровне реальных доходов внутри квинтилей. В последней строке верхней части таблицы показан средний доход по квинтилям распределения доходов в 2016 г. Нижняя часть содержит обобщенные сведения за 2015 г. о размерах и источниках доходов за этот год по квинтилям.

Таблица 4

Распределение источников дохода в зависимости от квинтилей душевого дохода, декабрь 2016 г., %

Источники доходов	Квинтиль душевого дохода				
	Нижний 20	21–40	41–60	61–80	Верхний 20
Доход от работы на государственных предприятиях	24,0	19,2	17,5	18,2	25,2
Доход от работы на частных предприятиях	19,2	19,7	20,8	19,8	28,7
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	2,4	2,2	2,3	2,7	3,6
Общий доход от заработной платы	45,7	41,2	40,7	40,7	57,5
Государственные трансфертные платежи	36,4	48,3	49,0	47,7	27,5
Денежный доход от домашнего производства и неформального сектора	6,5	3,1	3,0	4,0	4,4
Натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора	3,6	2,2	2,3	2,4	2,2
Доход от продажи личного имущества	0,1	0,1	0,1	0,1	0,3
Доход от сдачи личной собственности в аренду	0,1	0,1	0,2	0,3	1,1
Дивиденды	0,0	0,1	0,2	0,1	0,5
Помощь от родственников и благотворительная помощь	7,5	5,0	4,5	4,7	6,5
Средняя сумма месячного дохода, декабрь 2016 г. (в рублях 2016 г.)	31 875	42 938	51 007	60 800	85 373
Общий доход от заработной платы, декабрь 2015 г.	46,0	41,5	38,8	44,0	56,2
Государственные трансфертные платежи, декабрь 2015 г.	36,8	47,4	50,7	45,2	29,6
Средняя сумма месячного дохода, декабрь 2015 г. (в рублях 2016 г.)	27 992	37 977	44 336	54 712	79 722

За последний год у домашних хозяйств всех квинтилей был выявлен довольно солидный рост реальных доходов. При этом у двадцати процентов домохозяйств с самыми высокими доходами этот рост был значительно ниже, чем у домохозяйств, располагающих меньшими доходами. В декабре 2016 г. по сравнению с декабрем 2015 г.

данный рост составил для домохозяйств нижнего, т. е. малообеспеченного квинтиля 13,9%; для домохозяйств второго квинтиля — 13,1%; для домохозяйств третьего квинтиля — 15%; для домохозяйств четвертого квинтиля — 11,1%; тогда как для домохозяйств верхнего, т. е. самого богатого квинтиля — только 7,1%. Характерно, что в предыдущие годы наблюдалась во многом иная картина, хотя основные тренды принципиально не изменились. Так, в декабре 2015 г. по сравнению с декабрем 2014 г. средняя сумма месячного дохода двадцати процентов наименее обеспеченных домохозяйств увеличилась почти на 2%, домохозяйств второго квинтиля — на 4,2%, домохозяйств третьего квинтиля — на 2,7%, тогда как средняя сумма месячного дохода домохозяйств четвертого квинтиля уменьшилась на 2,1%, а двадцати процентов наиболее обеспеченных домохозяйств сократилась на 6,1%. В предшествующие два года были выявлены изменения, аналогичные по направленности, но более значительные по величине, способствующие в тенденции ослаблению материального неравенства в стране.

В 2016 г., как и годом ранее, преобладание дохода от заработной платы было характерно только для обследованных домохозяйств полярных нижнего и верхнего квинтилей. Причем особенно большую роль заработная плата играла в эти годы при формировании доходов домохозяйств, принадлежащих к верхнему квинтилю. Интересно, что в течение 2009–2011 гг. для домохозяйств всех квинтилей наиболее значимым источником дохода являлась заработная плата. Однако в 2012–2014 гг. для домохозяйств второго и третьего квинтилей наиболее весомым источником дохода стали постоянно растущие государственные трансфертные платежи.

За последний год величина дохода от заработной платы у домохозяйств, принадлежащих ко всем квинтилям, изменились, но незначительно. Так, с декабря 2015 г. по декабрь 2016 г. доля общего дохода от заработной платы у двадцати процентов наименее состоятельных домохозяйств уменьшилась всего лишь на 0,3 п.п. — с 46 до 45,7%; у домохозяйств второго квинтиля сократилась также на 0,3 п.п. — с 41,5 до 41,2%; тогда как у домохозяйств третьего квинтиля эта доля увеличилась на 1,9% — с 38,8 до 40,7%; у домохозяйств четвертого квинтиля уменьшилась на 3,3% — с 44 до 40,7%, а у двадцати процентов наиболее обеспеченных домохозяйств она увеличилась на 1,3 п.п. — с 56,2 до 57,5%. Годом ранее в первых четырех квинтилях наблюдалось такое же скромное по величине сокращение доли общего дохода от заработной платы и только в верхнем — небольшое увеличение.

Доля дохода от работы на государственных предприятиях у домохозяйств самого состоятельного квинтиля в 2016 г. была больше, чем у домохозяйств наименее обеспеченного квинтиля на 1,2 п.п. (25,2 против 24%), в то время как доля дохода от работы на частных предприятиях у домохозяйств верхнего квинтиля была выше, чем у домохозяйств нижнего квинтиля более чем на 9,5 п.п. (28,7 против 19,2%). Подобная картина наблюдалась в предыдущем году, когда доля дохода от работы на государственных предприятиях у домохозяйств верхнего квинтиля была выше, чем у домохозяйств нижнего квинтиля почти на 3 п.п. (26,5 против 23,6%), тогда как доля дохода от работы на частных предприятиях у домохозяйств верхнего квинтиля была выше, чем у домохозяйств нижнего квинтиля более чем на 6 п.п. (25,5 против 19,4%). В 2016 г. доходы от заработной платы, поступающие от работы на государственных и частных предприятиях, оставались важными источниками дохода для домохозяйств всех квинтилей. Но при этом доходы от работы на предприятиях государственного сектора были особенно важны для домохозяйств нижнего и верхнего квинтилей, тогда как доходы от работы

на предприятиях частного сектора — только для домохозяйств верхнего квинтиля. В отношении дохода от работы на предприятиях смешанной формы собственности различия были менее заметны в силу сопоставления малых величин.

В 2016 г., как и в 2015 г., государственные трансфертные платежи были наиболее важны для домохозяйств трех средних квинтилей, а наименее значимы для двадцати процентов домохозяйств с самыми высокими доходами. В конце 2016 г. государственные трансферты составляли немногим более трети доходов домохозяйств в нижнем квинтиле, почти половину доходов домохозяйств средних квинтилей и немногим более четверти доходов домохозяйств верхнего квинтиля. Причем за последний год доля дохода от государственных трансфертов у домохозяйств нижнего квинтиля уменьшилась всего лишь на 0,4 п.п. — с 36,8% в 2015 г. до 36,4% в 2016 г., тогда как у домохозяйств верхнего квинтиля на 2,1 п.п. — с 29,6% до 27,5%. В результате этих изменений зависимость домохозяйств верхнего квинтиля от доходов, формируемых за счет пенсий, стипендий, различных социальных пособий и других государственных выплат, стала еще меньше, чем в предыдущие годы. Небольшими оказались также изменения удельного веса доходов, получаемых от государственных трансфертов домохозяйствами трех средних квинтилей: во втором квинтиле отмечено увеличение на 0,9 п.п.; в третьем квинтиле — уменьшение на 1,7 п.п. и в четвертом квинтиле — рост на 2,5 п.п.

Денежный доход от домашнего производства и неформального сектора оставался для обследованных домохозяйств всех квинтилей более важным источником, чем аналогичный натуральный доход. Значимость как денежного, так и натурального дохода от домашнего производства и неформального была наиболее высока для двадцати процентов наименее обеспеченных домохозяйств (соответственно 6,5 и 3,6%). Представляет интерес также тот факт, что в прошедшем году помощь родственников и благотворительная помощь играли наиболее существенную роль при формировании бюджетов домохозяйств как нижнего, так и верхнего квинтилей (соответственно 7,5 и 6,5%). Поступление доходов в бюджет домохозяйств от продажи личного имущества, от сдачи в аренду личной собственности и в виде дивидендов, как и во все предыдущие годы, в наибольшей мере было характерно для домохозяйств самого высокодоходного квинтиля. Но роль этих источников в формировании бюджетов домохозяйств всех квинтилей оставалась минимальной.

Согласно данным RLMS-HSE, в декабре 2016 г. средняя сумма месячного дохода двадцати процентов домохозяйств с самыми высокими доходами в 2,7 раза превышала среднюю сумму месячного дохода двадцати процентов домохозяйств с самыми низкими доходами. Это было лишь немного меньше, чем 2,8 раза, зафиксированных в 2015 г., но гораздо меньше, чем 3-х кратное превышение, установленное в 2014 г. и 4-кратное превосходство, выявленное в 2013 г. В результате отмеченного снижения в 2016 г. был установлен новый минимум неравенства по доходам между домохозяйствами противоположных квинтилей. Характерно, что подобное уменьшение, но с определенными перепадами, отмечалось, начиная с крайне сложного для населения страны 1998 г., когда доходы российских домохозяйств в верхнем квинтиле были в 7,5 раза больше доходов домохозяйств беднейшего квинтиля. В 2005 г. этот разрыв составлял 5,2 раза, но к 2008 г. вновь вырос до 6,7 раза. В дальнейшем он сократился до 4,1 раза в 2011 г., но в 2012 г. немного вырос — до 4,6 раза. Но, несмотря на отмеченные позитивные сдвиги, нельзя не согласиться с выводами социологов о том, что «экономический кризис усугубил в массовом восприятии проблему неравенств»¹.

¹ Российское общество и вызовы времени. Книга третья / под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2016. С. 399.

Значительным оставался разрыв по уровню доходов между домохозяйствами верхнего и ближайшего к нему четвертого квинтиля. С 2008 г. по 2011 г. он сократился с 2,2 до 1,8 раза. Но в 2012 г. был выявлен новый рост этого разрыва до 2 раз, который, однако, в 2013 г. сменился снижением до 1,8 раза и в 2014–2015 гг. — до 1,5 раза. В 2016 г. было выявлено, хотя и небольшое, но все же очередное сокращение данного разрыва до 1,4 раза. Можно также отметить, что отрыв домохозяйств второго квинтиля от домохозяйств первого квинтиля по уровню доходов в последние годы колеблется в пределах 1,3–1,5 раза.

В [таблице 5](#) представлено распределение обследованных домашних хозяйств, получающих доход от заработной платы из разных источников, по квинтилям душевого дохода. Данные демонстрируют наличие довольно устойчивой картины квинтильной дифференциации домохозяйств по доходам от заработной платы, которая сложилась в последние годы.

Удельный вес домохозяйств с доходом от работы на предприятиях и в организациях частного сектора более или менее последовательно нарастал по мере повышения уровня материальной обеспеченности семей. В 2016 г., как и в 2014–2015 гг., домохозяйства с наибольшими доходами, указывали работу на частном предприятии в качестве основного источника своего дохода почти в полтора раза чаще, чем домохозяйства с наименьшими доходами. Примечательно, что десять лет назад анализируемый разрыв достигал более чем 2,5 раза. Доля домашних хозяйств с доходом из данного источника сначала медленно увеличивается в первых четырех квинтилях и затем резко возрастает в верхнем. Примечательно, что за последний год в верхнем квинтиле удельный вес домохозяйств, получающих доход от работы на частных предприятиях, увеличился на 2,7 п.п. — с 42,8 до 45,5%, тогда как доля домохозяйств, получающих доход от работы на предприятиях и в организациях государственного сектора, уменьшилась на 2,9 п.п. — с 50,8 до 47,9%. В 2016 г. удельный вес домохозяйств, получающих доход от заработков на смешанных государственно-частных предприятиях, нарастал с 4–5% в первых трех квинтилях до 6% в четвертом и до 7% в самом верхнем квинтиле. В целом, для более обеспеченных домохозяйств доход от заработной платы являлся более значимым источником дохода, чем для менее обеспеченных.

Данные Росстата, как и данные RLMS-HSE, демонстрировали отсутствие в 2016 г. каких-либо серьезных изменений в показателях, характеризующих неравенство по доходам. Так, за прошедший год децильный коэффициент фондов, т. е. разрыв в доходах между 10% самых богатых граждан и 10% самого бедного населения не изменился и составил в 2016 г. как и в 2015 г. 15,7 раза. При этом следует напомнить, что с 2014 г. по 2015 г. децильный коэффициент фондов сократился с 16 до 15,6 раза. Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов), свидетельствующий о степени расслоения общества, в 2016 г. по сравнению с 2015 г. увеличился минимально — с 0,413 до 0,414. Примечательно, что с 2000 г. по 2007 г. этот коэффициент вырос с 0,395 до 0,422; в 2008–2010 гг. он стабилизировался на уровне 0,421 и затем начал снижаться. Причем, с 2012 г. по 2015 г. это снижение составило с 0,420 до 0,413. В 2016 г. остались без изменений и данные, характеризующие распределение денежных доходов по двадцати процентным группам населения. Как и годом ранее, доля денежных доходов, приходящихся на первую группу (с наименьшими доходами), составила 5,3%; приходящихся на вторую группу — 10%; на третью группу — 15%; на четвертую группу — 22,6% и на пятую группу (с наибольшими

доходами) – 47,1%. Таким образом, объем денежных доходов двадцати процентов россиян с наибольшими доходами был почти в 9 раз больше, чем объем денежных доходов двадцати процентов граждан с наименьшими доходами.

Таблица 5

Процент домохозяйств с доходом из данного источника по квинтилям дохода, 2006–2016 гг.

Источники дохода	Квинтиль душевого дохода				
	Нижний 20	21–40	41–60	61–80	Верхний 20
Октябрь 2006 г.					
Доход от работы на государственных предприятиях	35,4	36,9	45,2	52,1	54,4
Доход от работы на частных предприятиях	20,5	22,3	29,0	40,9	50,5
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	3,9	6,5	8,0	10,6	8,9
Ноябрь 2008 г.					
Доход от работы на государственных предприятиях	34,0	36,8	44,6	56,5	51,7
Доход от работы на частных предприятиях	20,5	23,2	36,5	44,3	53,8
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	4,4	5,5	6,6	8,3	9,4
Ноябрь 2010 г.					
Доход от работы на государственных предприятиях	40,4	32,9	43,1	48,6	52,5
Доход от работы на частных предприятиях	26,0	27,9	33,2	39,7	52,7
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	4,8	5,2	8,5	9,5	8,2
Декабрь 2015 г.					
Доход от работы на государственных предприятиях	39,8	36,2	34,4	37,7	50,8
Доход от работы на частных предприятиях	30,5	33,0	30,0	38,5	42,8
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	4,9	3,7	3,7	6,0	8,2
Декабрь 2016 г.					
Доход от работы на государственных предприятиях	40,7	35,3	33,8	37,0	47,9
Доход от работы на частных предприятиях	29,9	32,6	33,9	34,3	45,5
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	4,7	4,3	4,8	5,8	7,0

По данным RLMS-HSE, доля домохозяйств с доходом ниже официального прожиточного минимума, в декабре 2016 г. составила 1,6%, что было немного меньше 1,8%, зафиксированных в декабре 2015 г. Доли домохозяйств из числа обследованных с доходом меньше половины прожиточного минимума и с доходом от половины до

100% прожиточного минимума уменьшились за прошедший год одинаково на символически малую величину – с 0,9 до 0,8%. Жили в семьях с доходом меньше прожиточного минимума только около 2% российских детей в возрасте до 7 лет и 0,5% всех пенсионеров. Снижение бедности, т. е. сокращение числа людей с доходами ниже величины прожиточного минимума, не означает, что проблема с социальным неблагополучием ослабевает, поскольку низкие показатели бедности и ее сокращение является следствием заниженного прожиточного минимума. Более существенное значение в данном случае имеет рост доли социально уязвимого населения.

Согласно данным Росстата, число россиян с доходами ниже прожиточного минимума с 2012 г. по 2015 г. выросло с 15,4 млн до 19,5 млн человек или с 10,8 до 13,3% населения. В 2016 г. этот рост замедлился: число граждан с доходами ниже прожиточного минимума увеличилось до 19,8 млн человек или до 13,5%. В результате отмеченного роста бедность за последние пять лет подскочила почти на 30%. При этом бедность в России представляет собой уникальное явление – это бедность работающего населения. 5 млн россиян даже при наличии работы остаются бедными, получая зарплату на уровне минимального размера оплаты труда. Продолжали беднеть не только самые малообеспеченные граждане, семьи с детьми, представители других уязвимых групп, но и население в целом. В регионах наблюдалась довольно противоречивая картина. Так, в республиканских, краевых и областных центрах, других крупных городах доля жителей с доходами ниже прожиточного минимума практически не изменилась. Совершенно иной была картина на периферии, во многих удаленных регионах. В ряде из них уровень бедности подскочил на треть. При этом появились регионы, где доходы ниже прожиточного минимума имел каждый четвертый или даже каждый третий гражданин.

На рис. 7 показаны изменения в распределении душевого дохода в период с декабря 2015 г. по декабрь 2016 г. Здесь отражено соотношение реального дохода от каждого процентиля в 2016 г. к реальному доходу того же процентиля в 2015 г. Рассматривая данные следует иметь в виду, что на рисунке представлены данные душевого дохода, в то время как в предыдущих графиках и таблицах использованы данные по доходам домохозяйств. В 2016 г. реальный душевой доход сначала очень быстро падал, а затем быстро увеличивался (в сравнении с доходами в 2015 г.), но в средних и верхних по душевому доходу процентилях менялся не особенно существенно.

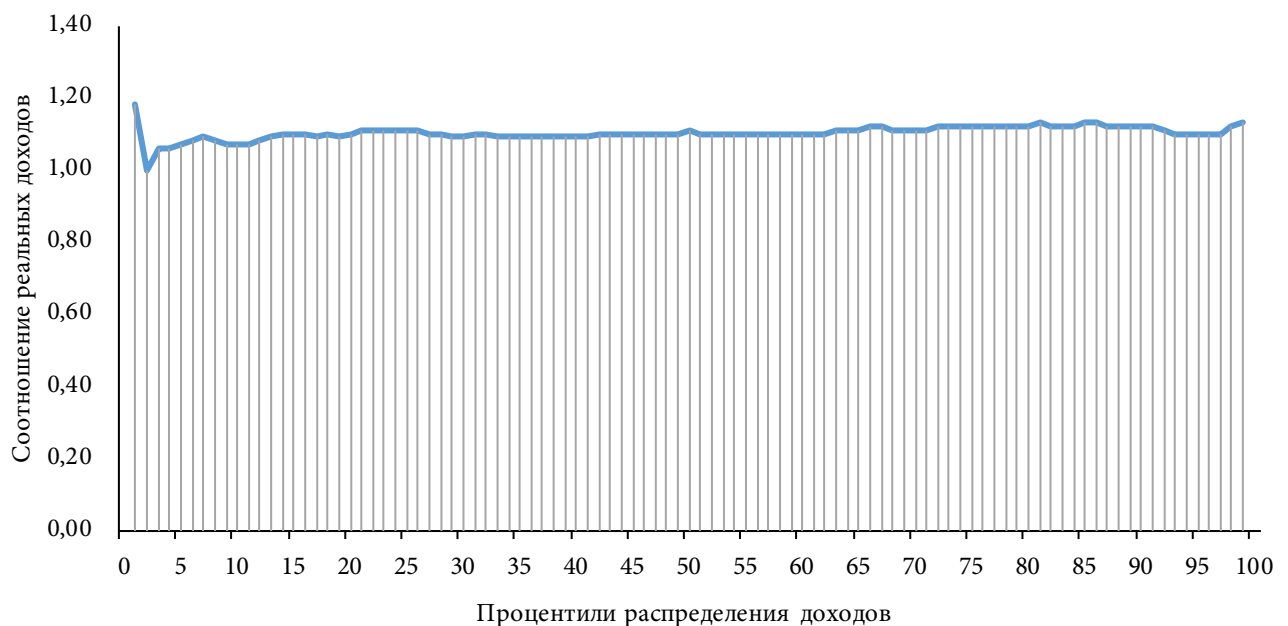

Рис. 7. Соотношение роста доходов каждого процентиля (реальный доход процентиля в 2016 г., деленный на реальный доход процентиля в 2015 г.), декабрь 2015 г. – декабрь 2016 г.

На рис. 8 рассматриваются различия в показателях душевых доходов населения по данным RLMS-HSE и Росстата. Показатели Росстата свидетельствуют о значительных колебаниях в уровне реальных доходов населения. Но при этом результаты RLMS-HSE, как и прежде, демонстрируют более низкий среднедушевой доход, чем соответствующие данные Росстата. Многие значительные колебания могут быть объяснены получением «тринадцатой зарплаты» в конце декабря каждого года, поскольку в течение всех лет, представленных на рисунке, в конце года отмечаются значительные колебания доходов.

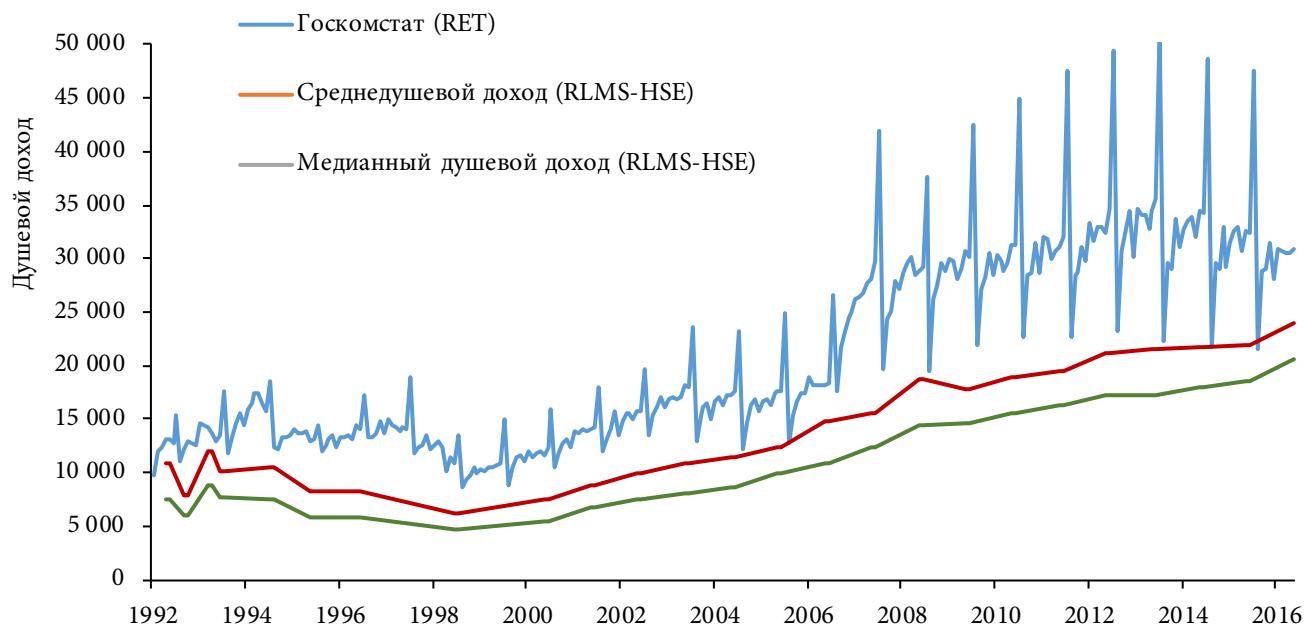

Рис. 8. Сравнение показателей душевых доходов по данным RLMS-HSE и Росстата (ежемесячный доход на душу населения, в рублях 2016 г.), 1992–2016 гг.

На рисунке показан также медианный душевой доход домохозяйств по данным RLMS-HSE. На момент проведения каждого опроса RLMS-HSE медианный душевой доход оказывался на 20–30% ниже среднедушевого дохода. Величина среднего дохода на душу не отражает действительного уровня доходов большей части населения России. Например, в октябре 2016 г. средний душевой доход (в рублях 2016 г.), по данным RLMS-HSE, был равен 24 043 руб., в то время как медианный душевой доход составлял только 20 673 руб., т. е. превышение составляло 16,3%. Примерно таким же это превышение, достигающее 18,3%, было в 2015 г. (соответственно 21921 руб. и 18 528 руб.).

Таким образом, в 2016 г. в экономике России продолжали накапливаться различные кризисные явления, осложненные низкими ценами на энергоносители и финансово-экономическими санкциями. Но в условиях огромного санкционного давления страна все же сумела сохранить экономическую стабильность, а по некоторым направлениям были получены результаты даже лучше ожидаемых, что помогало решать актуальные социально-экономические проблемы. По итогам года инфляция снизилась вдвое, достигнув однозначных значений. После существенного сокращения в предыдущие годы был отмечен рост реальных доходов населения. В условиях экономического кризиса снизилась значимость заработной платы и увеличилась весомость государственных трансфертов в формировании до-

ходов населения. Было отмечено некоторое ослабление неравенства домохозяйств по доходам. Но, несмотря на это, бедность превратившаяся в массовое явление в современной России, сохранялась на опасном уровне. Риск попасть в категорию бедных в кризисной ситуации увеличился не только для пенсионеров и инвалидов, но и для молодых и социально активных граждан. Несправедливое распределение доходов приводит к неравному доступу разных социальных слоев к товарам и услугам, прямо или косвенно способствующим улучшению социального самочувствия и здоровья населения.

Расходы домохозяйств

Непростая экономическая ситуация в стране и тяжелое материальное положение россиян негативно отразились на их потребительском поведении. Испытывая серьезные материальные трудности, большинство граждан ожидали нового подорожания товаров и услуг. И даже замедление инфляции незначительно сказалось на потребительском поведении подавляющего большинства россиян. Во многом это можно объяснить тем, что за время экономического кризиса у людей уже сложились определенные модели охранительного потребительского поведения, на которые замедление инфляции не оказывало сильного влияния. Но в то же время на формирование подобных моделей влияли многие другие факторы, в том числе восприятие покупателями последствий санкций и других важных экономических воздействий, отношение к ценам на рынке товаров и услуг. Крайне вялый потребительский спрос тормозил восстановление экономического роста.

Анализ данных RLMS-HSE показал, что расходы россиян, после замедления темпов роста в 2013–2014 гг. и резкого падения в 2015 г., в 2016 г. продемонстрировали хорошо заметный рост. Так, если в 2015 г. по сравнению с предыдущим годом ежемесячные расходы российских домохозяйств на приобретение продуктов питания и непродовольственных товаров упали на 8%, то в 2016 г. по сравнению с 2015 г., как следует из [таблицы 6](#), они показали рост на 9,2%, компенсировав спад предыдущего года. Но, несмотря на этот рост, подавляющее большинство россиян продолжали жить скромно, занимая выжидательную позицию и стараясь проявлять осторожность при планировании своих расходов.

Поскольку денег у людей было мало, они пытались использовать их с максимальной выгодой. Даже представители верхнего среднего класса и те, кто не потеряли в заработной плате не торопились восстанавливать уровень своих розничных покупок, старались ограничивать потребности, не тратить излишне много на отдых, дорогие товары и услуги. Экономия на потреблении товаров и услуг стала едва ли не самой распространенной стратегией адаптации российских семей к экономическим шокам кризисного периода. Если в начале развития кризиса потребление сжималось позже и медленнее доходов населения, то на стадии перехода к восстановительному росту динамика потребительского спроса все же отставала от динамики реальных доходов. Поскольку уровень материального положения граждан восстанавливался не так быстро, как хотелось бы, многие продолжали экономить, предпочитая приобретать аналоги товаров в более низком ценовом сегменте.

Таблица 6

Ежемесячные расходы домохозяйств по отдельным статьям, 1992–2016 гг. (месяц/год),
в руб. декабря 2016 г.

Категории расходов	Даты сбора данных (месяц/год)						
	9/92	11/98	10/04	10/08	12/11	12/15	12/16
Расходы на продукты питания							
Молочные продукты	1305	830	1066	1457	1577	1787	1978
Мясо, птица, рыба	4333	2430	3312	4437	4446	4882	5147
Картофель	565	126	352	291	249	223	233
Хлеб	2074	1422	1357	1286	1005	1141	1267
Фрукты, овощи	2120	633	1131	1532	1435	1419	1509
Прочие продукты питания	5532	2436	2446	2866	2679	2973	3222
Питание в столовых, ресторанах, кафе	905	685	1570	2178	2291	2165	2278
Продукты домашнего изготовления	1890	2598	1593	1683	1438	1541	1593
Алкоголь	1047	404	472	523	478	439	514
Всего расходов на продукты питания	19 772	11 574	13 300	16 253	15 517	16 567	17 743
Расходы на непродовольственные товары							
Табачные изделия	556	414	436	504	633	937	1144
Одежда	2973	2197	2556	3800	3183	2724	3154
Горючее, топливо ¹⁾	385	527	1134	1722	1793	1910	2139
Электроника и др. товары длительного пользования	1545	1729	4236	7732	6265	4653	5445
Услуги и отдых	485	2346	4530	7936	7461	5658	6304
Оплата обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам	1302	675	1186	5445	6482	9542	9897
Оплата жилья и коммунальных услуг	404	889	1877	3474	4252	4382	4853
Акции, облигации	184	6	0	0	23	6	29
Различные товары (мыло, игрушки, газеты и т. п.)	1764	–	814	1147	1163	1092	1208
Сбережения	601	620	986	2226	2330	1932	1881
Всего расходов на непродовольственные товары	10195	9403	17759	33990	33973	36235	40045
Всего расходов на продукты питания и непродовольственные товары	29 967	20 974	31 059	50 246	49 487	52 805	57 665

1) Начиная с декабря 1994 г., категория «Топливо» включает в себя бензин, газ в баллонах и дрова. Во время предыдущих опросов газ в баллонах и дрова учитывались в категории коммунальных услуг. Опросы указанных выше годов показывают долю каждого вида топлива: 12/1994: бензин – 49%, дрова – 19%, газ в баллонах – 32%; 10/1996: бензин – 56%, дрова – 18%, газ в баллонах – 26%; 11/1998: бензин – 58%, дрова – 16%, газ в баллонах – 26%; 10/2000: бензин – 71%, дрова – 11%, газ в баллонах – 18%; 10/2002: бензин – 72%, дрова – 11%, газ в баллонах – 17%; 10/2003: бензин – 71%, дрова – 13%, газ в баллонах – 16%; 10/2004: бензин – 73%, дрова – 13%, газ в баллонах – 13%; 10/2005: бензин – 73%, дрова – 14%, газ в баллонах – 13%; 10/2006: бензин – 75%, дрова – 12%, газ в баллонах – 12%; 10/2007: бензин – 77%, дрова – 12%, газ в баллонах – 11%; 11/2008: бензин – 83%, дрова – 10%, газ в баллонах – 7%; 11/2009: бензин – 84%, дрова – 9%, газ в баллонах – 7%. 12/2010: бензин – 85%, дрова – 9%, газ в баллонах – 7%; 12/2013: бензин – 88,6%, дрова – 7,6%, газ в баллонах – 3,8%; 12/2015: бензин – 89,4%, дрова – 6,9%, газ в баллонах – 3,7%; 12/2016: бензин – 88,6%, дрова – 7,3%, газ в баллонах – 4,1%.

В течение последнего года расходы на непродовольственные товары росли быстрее, чем на продукты питания. Если в 2015 г. по сравнению с 2014 г. расходы российских домохозяйств на непродовольственные товары сократились почти на 12%, то в 2016 г. по сравнению с предыдущим годом они выросли на 10,5%. Нагрузка на бюджет семей в 2016 г. росла не только из-за того что дорожали товары и услуги. Существовала целая совокупность разноплановых факторов. Так, в 2016 г. начали приходиться платежи по налогу на недвижимое имущество, который с 2015 г. рассчитывается по кадастровой, а не по инвентаризационной стоимости. С 3 до 5 лет вырос срок владения квартирой, который необходим для того, чтобы не платить НДФЛ с ее продажи. И в то же время расходы домохозяйств на продукты питания, после увеличения в 2015 г. по сравнению с 2014 г. на 2%, в 2016 г. по сравнению с предыдущим годом выросли еще на 7,1%. После этого роста ежемесячные расходы домохозяйств на продовольствие достигли максимального значения, уступая только на 10,3% уровню 1992 г.

В течение последнего года произошло увеличение расходов по всем статьям бюджета домохозяйств на продовольствие. Вместе с тем рост расходов на продукты питания не обязательно свидетельствовал о росте потребления продуктов питания, поскольку этот рост зачастую не поспевал за инфляцией. В период обострения экономического кризиса чаще наблюдалось ухудшение рациона россиян. Люди стали меньше покупать фруктов, рыбы и масла и больше картофеля и дешевых овощей — капусты, лука и моркови.

Данные RLMS-HSE свидетельствовали, что ежемесячные расходы домохозяйств на молочные продукты, после увеличения в 2015 г. на 6,4%, в 2016 г. вновь поднялись на 10,7%, продолжив длительную тенденцию роста, которая берет свое начало еще в 1998 г. С 2008 г., т. е. с начала предыдущего экономического кризиса, размер этих расходов вырос более чем на треть, а именно на 35,8%. Гораздо медленнее росли расходы домохозяйств на мясо, птицу и рыбу. Если в 2015 г. по сравнению с предыдущим годом их размер практически не изменился, то в 2016 г. он увеличился на 5,4%. В целом в 2016 г. по сравнению с 2008 г. расходы домохозяйств на мясо, птицу и рыбу выросли на 16%. Ежемесячные расходы домохозяйств на фрукты и овощи в 2015 г. по сравнению с 2014 г. увеличились на 7,9% и далее в 2016 г. еще на 6,3%. Но даже после такого существенного роста расходы домохозяйств по данной статье бюджета в 2016 г. были на 1,5% меньше, чем в 2008 г. Несмотря на рост расходов домохозяйств на эти и некоторые другие категории продуктов питания, их потребление во время экономического кризиса населением в силу существенного роста цен сократилось.

В ходе исследования выявлено также очередное увеличение расходов домохозяйств на хлебобулочную продукцию. Если в 2015 г. по сравнению с 2014 г. эти расходы поднялись на 6,6%, то в 2016 г. их рост оказался еще выше — 11%. Но, несмотря на такой значительный рост, расходы домохозяйств на хлебобулочные изделия оставались меньше, чем до 2009 г. В частности, в 2016 г. эти расходы были все еще на 39% меньше, чем в 1992 г. и на 1,5% меньше, чем в 2008 г. Нарастающий с каждым годом потребительский интерес к здоровому образу жизни и, соответственно, здоровому питанию, является фактором, содействующим снижению потребления хлебобулочной продукции в разных странах, в том числе и в России. Согласно данным официальной статистики, объемы выпуска хлебобулочных из-

делий в нашей стране за последние 10 лет снизились на 1,4 млн тонн: если в 2005 г. производилось 8 млн тонн в год, то в 2015 г. этот показатель был равен 6,6 млн тонн. Помимо этого на динамику развития рынка хлеба влияют и экономические кризисы. В последние два года, как и в 2008–2009 гг., в связи с тяжелым материальным положением населения отмечался рост спроса на хлебобулочные изделия и соответственно увеличивалось их производство. После стабилизации экономической ситуации спрос на данную продукцию начинает падать. Данные факты в совокупности с выявленным ростом расходов домохозяйств на хлеб позволяют нам говорить о росте потребления хлебобулочных изделий населением России в 2016 г. Можно также предположить, что этот рост является скорее всего временным явлением и после стабилизации экономической ситуации в нашей стране данная продукция снова будет менее востребована.

Расходы российских домохозяйств на картофель, после стремительного падения в 2014 г. на 44%, в 2015 г. выросли на 9,8%, а в 2016 г. еще на 4,5%. Вместе с тем в 2016 г. эти расходы оставались на 19,9% меньше, чем в 2008 г. и на 33,8% меньше, чем в 2004 г. Рассматривая эти данные следует учитывать, что в 2016 г. цены на картофель держались на очень низком уровне из-за высокого урожая в предыдущие годы. Самый высокий урожай картофеля за последние 20 лет просто обрушил рынок. Основным фактором такого высокого сбора стало увеличение посевов картофеля. Одновременно с этим значительная часть населения вернулась к практике выращивания агрокультуры на приусадебных участках из-за снизившейся покупательной способности. В целом, данные статистики, указывающие на перепроизводство картофеля, включали результаты деятельности и личных подсобных хозяйств, и мелких фермеров, и крупных холдингов. Увеличение расходов домохозяйств на картофель в ситуации перепроизводства и падения цен на данный продукт могло свидетельствовать о росте потребления картофеля населением, что относилось и к другим дешевым овощам.

В условиях экономического кризиса увеличились расходы российских домохозяйств на продукты домашнего изготовления. В 2015 г. по сравнению с 2014 г. эти траты выросли на 3,7% и затем в 2016 г. по сравнению с предыдущим годом увеличились еще на 3,4%. После этого роста расходы домохозяйств на продукты домашнего изготовления достигли уровня 2004 г., оставаясь меньше на 38,7% максимального значения, зафиксированного в 1998 г.

Как и прежде, значительными остаются ежегодные колебания расходов российских домохозяйств на алкоголь. Так, в 2012 г. они резко взлетели на 30%, но в 2013 г. вновь снизились на 13,6%. В 2014 г. было отмечено очередное увеличение на 6,2%, но в 2015 г. произошло новое падение на 22,8%. И наконец, в 2016 г. расходы домохозяйств на алкоголь вновь выросли на 17,1%. В связи с этим можно отметить, что в прошлом году рынок алкоголя, занимающий ведущую позицию среди других отраслей пищевой промышленности России, продолжал сокращаться. Это снижение происходило на фоне уменьшения потребления алкоголя в стране, наблюдающегося на протяжении нескольких последних лет. Одна из причин таких перемен – последовательная реализация мер, содержащихся в утвержденной правительством Российской Федерации концепции реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения. Но, несмотря на это, уровень по-

ребления алкоголя, особенно крепкого, все еще очень высок и серьезно снижает качество жизни в России. Что касается официальных цен на алкоголь, то они в течение года менялись незначительно. А значительные перепады в показателях расходов домохозяйств на алкогольную продукцию можно объяснить по большей части влиянием неконтролируемого государством «черного» рынка.

К хорошо заметным негативным последствиям экономического кризиса можно отнести сокращение расходов домохозяйств на питание вне дома (в столовых, ресторанах, кафе, барах и т. п.), которое в 2015 г. по сравнению с 2014 г. составило 12,3%. Однако в 2016 г. было выявлено компенсирующее увеличение данных расходов на 5,2%. Примечательно, что в 2016 г. эти расходы были лишь на 0,6% меньше максимального значения, выявленного в 2011 г. Последний год оказался в определенном смысле переломным для российского рынка общественного питания. Еще были довольно сильно ощутимы негативные последствия экономического кризиса, выраженные в снижении потребительской активности населения. Но в то же время предприятия общественного питания уже активно искали и находили новые пути привлечения потребителей. По данным официальной статистики, в 2016 г. в сравнении с 2015 г. ресторанный рынок показал лишь небольшой рост, хотя при этом в ресторанах среднего ценового сегмента наблюдалось снижение, тогда как рост фастфуда оказался весьма значительным. Из-за трудного материального положения многие россияне предпочли ресторанам среднего и высокого сегмента более дешевые демократичные заведения общественного питания. Перераспределение клиентуры в пользу более доступного общепита почувствовали как малые, так и крупные предприятия. А наиболее сильно во время кризиса пострадали заведения, ориентированные только на алкоголь.

Несмотря на выявленный рост расходов российских домохозяйств, стремление к экономии на продуктах питания, подстегиваемое повышением цен, оставалось важным трендом в поведении россиян. Но в то же время этот тренд нельзя было назвать абсолютной доминантой, определяющей потребительское поведение домохозяйств в прошедшем году. В условиях не прекращающегося экономического кризиса люди стали реже покупать определенные продукты, прежде всего, из более дорогого ценового ряда и отказываться от части дорогих услуг, заменять их более дешевыми аналогами. Главным фактором при выборе конкретного продуктового магазина часто становился уровень цен в данной торговой точке. Но говорить о том, что население было одержимо идеей экономии на продовольствии нельзя. Важными факторами, сдерживающими экономию на продуктах питания, явилось сохранение у многих россиян стремления питаться здоровой пищей и нежелание отказываться от привычных моделей потребительского поведения. В более благополучные годы докризисного периода эти люди научились ценить качественное продовольствие. Но в то же время нельзя не отметить, что по мере нарастания экономических трудностей эта привычка стала ослабевать.

Исследование выявило в 2016 г. рост ежемесячных расходов российских домохозяйств по подавляющему большинству статей бюджета на непродовольственные товары, за исключением сбережений. Так, расходы домохозяйств на электробытовую технику и другие дорогостоящие товары длительного пользования (автомобиль, мебель, предметы интерьера, ювелирные изделия и т. п.) в 2013 г. по сравнению с 2012 г. уменьшились на 12,2%, в 2014 г. по сравнению с 2013 г. — на 10,6% и в 2015 г.

по сравнению с 2014 г. — еще на 33,3%. Но в 2016 г. после достаточно продолжительного периода сокращения был выявлен рост ежемесячных расходов домохозяйств на подобные товары, который составил 17%. После всех указанных и некоторых других изменений расходы домохозяйств на эту группу товаров в 2016 г. были на 29,6% меньше, чем в 2008 г. и на 13,1% меньше, чем в 2011 г. Как известно, такие товары длительного пользования, как электробытовые приборы и т. п., оказываются первыми кандидатами при сокращении расходов домохозяйств, поскольку они легко могут послужить еще год-другой. Наиболее защищенными от чрезмерного падения спроса является требующая постоянного обновления компьютерная и мобильная техника. Но в 2016 г. у многих семей электробытовая техника и другие товары длительного пользования после длительной эксплуатации уже потребовали обновления, что привело к росту соответствующих расходов домохозяйств.

Менее существенным оказался в 2016 г. рост ежемесячных расходов домашних хозяйств на услуги и отдых. Если в 2015 г. по сравнению с 2014 г. они снизились на 2,1%, то в 2016 г. выросли на 11,4%. Но даже после этого роста указанные расходы были все еще на 20,6% меньше, чем в 2008 г. и на 15,5% меньше, чем в 2011 г. Несмотря на падение туристического потока, расходы на него выросли. Девальвация рубля и ограничения популярных направлений зарубежного отдыха россиян (Египет и временно Турция), введенные в ноябре 2015 г., привели к увеличению рублевой стоимости услуг в сфере зарубежного туризма. При этом сокращение объема зарубежного отдыха привело к увеличению внутреннего туризма.

Среди наиболее затратных статей бюджета домохозяйств еще менее существенным был рост расходов на оплату обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам. Если за 1998–2014 гг. они последовательно, от года к году, выросли более чем в 16 раз, то в 2015 г. уменьшились на 12,3%. Однако в 2016 г. ежемесячные расходы домохозяйств на оплату обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам вновь выросли, но только на 3,7%. При этом по своей величине данные расходы продолжали занимать первую строку среди всех статей бюджета домохозяйств. При этом количество людей, которые были не способны удовлетворять свои основные социальные потребности, у которых сократились возможности доступа к качественному здравоохранению и образованию, оставалось большим.

Примечательно, что ежемесячные расходы российских домохозяйств на приобретение одежды и обуви в предыдущие годы только уменьшались. В 2014 г. по сравнению с 2013 г. они сократились на 5,5% и затем в 2015 г. — еще на 10,7%. Вместе с тем в 2016 г. эти расходы увеличились сразу на 15,8%. В целом, в 2016 г. ежемесячные расходы домохозяйств на одежду и обувь были на 17% меньше, чем в 2008 г. и всего лишь на 0,9% меньше, чем в 2011 г. Что касается расходов на различные товары повседневного спроса, то они после увеличения в 2015 г. по сравнению с 2014 г. на 1,5% в 2016 г. выросли на 10,6%. В 2016 г. они были на 5,3% меньше, чем в 2008 г. и на 31,5% меньше, чем в 1998 г.

Траты обследуемых домохозяйств на горючее и топливо в 2015 г. по сравнению с 2014 г. сократились на 2,6%, но в 2016 г. вновь увеличились на 12%, достигнув нового максимума. Этот рост был во многом обусловлен повышением цен на топливо. Так, по данным Росстата, средние цены на бензин в России за 2016 г. выросли на 3,8%, а дизельное топливо подорожало на 3,1%.

Обращает на себя внимание восстановление в 2016 г. роста расходов домохозяйств на оплату жилья и коммунальных услуг. Повышение этих расходов наблюдалось на протяжении всех лет мониторинга, за исключением 2015 г. С 1992 г. по 2014 г. траты домохозяйств на оплату жилья и коммунальных услуг выросли более чем в 11 раз, но в 2015 г. внезапно уменьшились на 4,1%. Однако в 2016 г. был отмечен новый рост расходов по данной статье на 10,7%, в результате которого они достигли максимального значения за весь постсоветский период. Увеличение расходов домохозяйств на оплату жилья и коммунальных услуг в 2016 г. было связано прежде всего с повышением коммунальных услуг, которые уже традиционно выросли в цене с 1 июля. По официальным данным, в среднем по стране прибавка составила 4%. Но в действительности рост тарифов на местах был заметно выше. При этом федеральные власти мало интересовались реальным положением дел в регионах, ограничиваясь декларациями общих ориентиров.

Затянувшийся экономический кризис обострил проблему оплаты коммунальных услуг. Федеральные власти декларируют так называемую умеренную тарифную политику, предполагающую в целях развития экономики и повышения доходов граждан рост коммунальных и энергетических тарифов не выше показателей средней инфляции. Однако, несмотря на обещания федеральной власти, в официальных документах сохраняется реальная возможность увеличения платежей за жилищно-коммунальные услуги с большим опережением инфляции. Как показывает практика, в регионах федеральные ограничения на рост тарифов практически не соблюдаются. Тарифы до сих пор устанавливаются весьма произвольно. То есть на местах плата за тепло, энергию, воду, канализацию формируются без оглядки на федеральные указания. Еще несколько лет назад на федеральном уровне прозвучало требование контролировать не только рост отдельных платежей, но и зафиксировать темп роста суммарных платежей граждан. Однако необходимого результата это не принесло: с опережением инфляции растут как отдельные тарифы, так и суммарные платежи.

Расходы обследуемых домохозяйств на табачную продукцию увеличились в 2015 г. по сравнению с 2014 г. почти на 10%. Хотя нельзя пройти мимо того факта, что темпы этого роста были существенно меньше темпов, зафиксированных в 2014 г., когда данные расходы увеличились на 17,8%. Но в 2016 г. был отмечен новый значительный рост, составляющий 22,1%. В целом за 1998–2014 гг. расходы домохозяйств на табачную продукцию выросли более чем вдвое. Рост расходов на табачные изделия выявлен на фоне сокращения рынка табачной продукции, которое наблюдается на протяжении всех последних лет. Главными причинами этого сокращения стали — рост акцизов, ужесточение регулирования и сокращения потребления вследствие роста озабоченности потребителей состоянием своего здоровья. Необходимо учитывать и то, что курение перестает быть необходимым модным символом молодежи. Многих вынуждает отказываться от курения рост цен, обусловленный высокими налогами, инфляцией, колебаниями курсов валют на импортируемое сырье. Акцизы и цены на сигареты растут гораздо быстрее, чем доходы потребителей.

Единственной бюджетной статьей, подверженной новому сокращению, оказались сбережения домохозяйств. Если в 2014 г. по сравнению с 2013 г. они уменьшились на 8,3%, в 2015 г. по сравнению с 2014 г. — на 6,9%, то в 2016 г. они снизились еще на 2,6%. Примечательно, что до 2013 г. увеличение этой статьи бюд-

жета домохозяйств прерывалось только один раз в 2009 г., когда она уменьшилась на 3,5%. Все это может свидетельствовать о том, что в 2016 г. домохозяйства начали отказываться от накоплений в ситуации ухудшения экономических ожиданий. Сберегательная модель поведения семей начала терять популярность. Сберегали в основном представители верхнего среднего класса и те, кто не потеряли в заработной плате. Те же, кто потеряли в зарплате, чаще всего жили скромно и не могли делать сбережения.

В условиях непрекращающегося кризиса экономия на потреблении различных товаров и услуг стала одной из наиболее распространенных стратегий адаптации россиян к экономическим шокам. Одни из них предпочитали сохранять объемы потребления, сокращая расходы; другие отдавали предпочтение экономии на потребляемых объемах при сохранении качества. При этом большинство россиян выбирали первый подход. Главными объектами экономии оставались развлечения, одежда и обувь. Гораздо реже семьи экономили на оплате медицинских услуг и приобретении лекарств.

Выбор конкретной потребительской модели поведения во многом зависел от уровня материальной обеспеченности и состава семьи. Домохозяйства со средними и высокими доходами старались больше сберегать, чем тратить. Если большие по размеру домохозяйства чаще экономили на развлечениях и образовании, то небольшие семьи, состоящие в большинстве случаев из пенсионеров — на оплате медицинских услуг и покупке лекарств. Сэкономленные таким образом деньги стали уходить на покупку дешевых продуктов питания. Семьи с низкими доходами, исчерпавшие ресурс для экономии, наращивали долги, в том числе за счет микрозаймов. Но в целом россияне стали более практичными, приземленными, начали осторожнее относиться к кредитам из-за неуверенности в завтрашнем дне.

В 2016 г. были восстановлены долгосрочные тенденции нарастания в структуре ежемесячных расходов обследованных домохозяйств доли расходов на непродовольственные товары и соответствующего сокращения удельного веса расходов на продукты питания, которые получили развитие в середине 1990-х гг. Как следует из рис. 9, до самого последнего времени средняя доля расходов домохозяйств на продукты питания почти монотонно снижалась: с 1992 г. по 2014 г. она упала с 72,6 до 39,1%, т. е. в 1,9 раза¹. В то же время удельный вес расходов на непродовольственные товары не менее поступательно вырос с 27,4 до 60,9%. В 2015 г. эти тенденции были прерваны. Доля расходов домохозяйств на продукты питания увеличилась сразу на 2,4 п.п. — до 41,5%, а доля расходов на непродовольственные товары снизилась на ту же величину — до 58,5%. В результате указанных перемен разрыв между анализируемыми значениями в 2015 г. по сравнению в 2014 г. уменьшился с 21,8 до 17 п.п. Однако уже в следующем 2016 г. были выявлены изменения, помогающие восстановлению прежних трендов. Так, в 2016 г. доля расходов на продукты питания в бюджете домохозяйств уменьшилась на 1 п.п. — до 40,5%, а доля расходов на непродовольственные товары увеличилась — до 59,5%.

¹ Средние по статьям расходов, представленные на рис. 9–12 и в таблице 7, получены путем расчета средних отдельно по каждой статье по всем домохозяйствам в выборке. Соотношение средних расходов, представленных в таблице 6, соответствует взвешенным средним данным долей в бюджете, где веса пропорциональны общим расходам домохозяйства. Расходы на одежду, электронику и другие товары длительного пользования учитывались за трехмесячный срок.

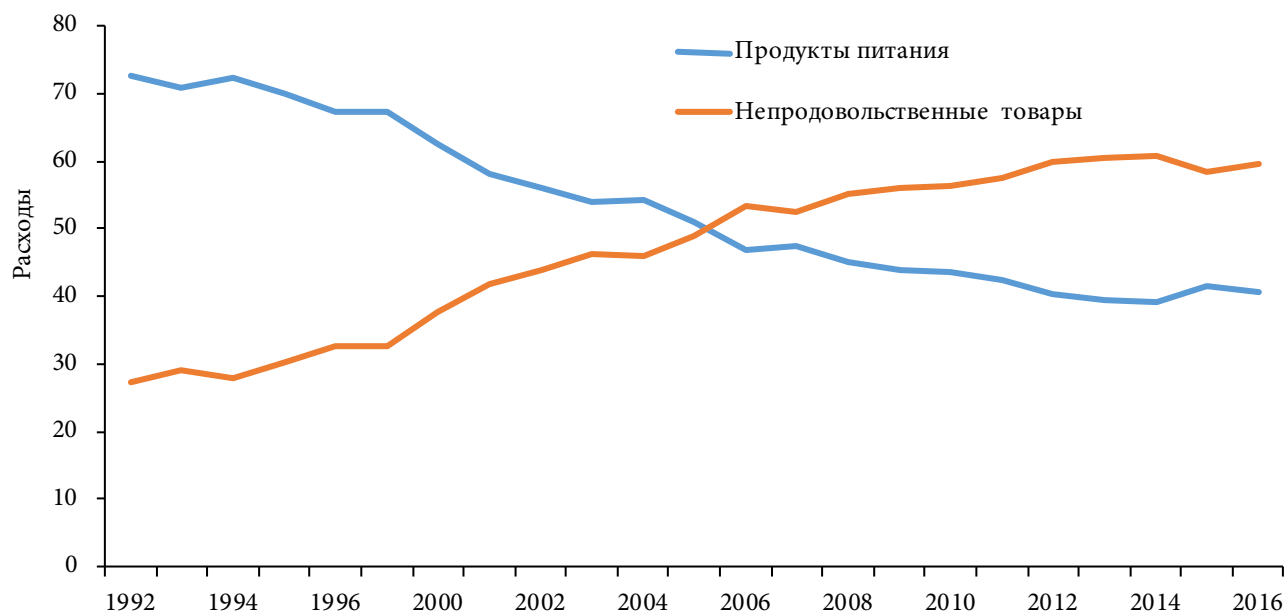

Рис. 9. Структура расходов: продукты питания и непродовольственные товары, 1992–2016 гг., %

На рис. 10–12 представлен подробный иллюстративный материал, демонстрирующий ряд важных тенденций, которые раскрывают долгосрочные изменения в структуре ежемесячных расходов российских домохозяйств.

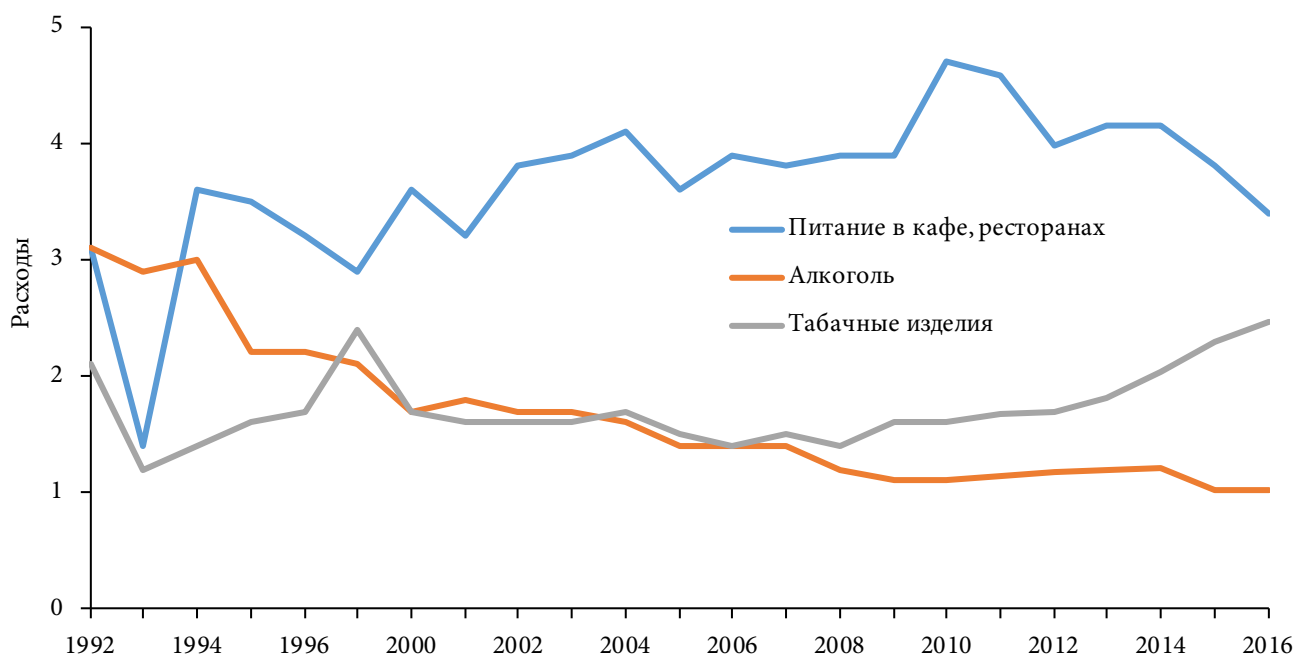

Рис. 10. Структура расходов: питание вне дома, алкоголь, табачные изделия, 1992–2016 гг., %

Из данных мониторинга, приведенных на рис. 10, в частности, следует, что доля расходов на питание вне дома в бюджете домохозяйств после определенных колебаний в предыдущий период за последний год уменьшилась на 0,4 п.п. — с 3,8 до 3,4%. Сокращение весомости этих расходов наблюдается с 2010 г., когда доля трат на питание в ресторанах, кафе, барах, столовых и других пунктах общественного питания в бюджете российских домохозяйств была максимальной, достигая 4,7%. В целом за 2010–2016 гг. она уменьшилась довольно существенно — на 1,3 п.п. В то же время доля бюджета домохозяйств, расходуемая на алкогольную продукцию, после сокращения

в 2015 г. на 0,2 п.п. — с 1,2 до 1%, в 2016 г. не изменилась. Аналогичная доля расходов домохозяйств на табачные изделия после увеличения в 2015 г. по сравнению с предыдущим годом — с 2 до 2,3%, т. е. на 0,3 п.п., в 2016 г. вновь увеличилась на 0,2 п.п. — до 2,5%. При этом важно заметить, что тенденция медленного роста доли расходов домохозяйств на табачную продукцию, обусловленная главным образом существенным ростом цен на табак, выявляется на протяжении всего последнего десятилетия.

Анализ данных, приведенных на рис. 11, показывает, что среди расходов обследованных домохозяйств на непродовольственные товары особенно высокой остается доля трат на оплату услуг, которая наиболее интенсивно росла в 1992–2003 гг., но затем колебалась в довольно узких границах. В последние годы наблюдается медленное нарастание доли этих расходов в бюджете российских домохозяйств, которое составило с 12,5% в 2010 г. до 15,4% в 2016 г., т. е. 2,9 п.п., в том числе только за последний год 0,9 п.п. Доля расходов домохозяйств на одежду и обувь в последние годы постепенно снижается. Данная тенденция довольно четко просматривается с 2008 г. Как видно из рисунка, за 2008–2015 гг. доля расходов обследованных домохозяйств на одежду и обувь сократилась на 2 п.п. — с 6,9 до 4,9%. Вместе с тем в 2016 г. был отмечен рост доли этих расходов до 5,1%. Но считать такое сравнительно небольшое увеличение началом нового тренда скорее всего преждевременно. Примечательно и то, что доля бюджетных расходов обследованных домохозяйств, предназначенных для приобретения электроники и других товаров длительного пользования, уже долгое время подвержена колебаниям в пределах узкого коридора значений. Но в самые последние годы она постепенно сокращалась. Так, с 2013 г. по 2016 г. доля расходов на предметы длительного пользования в бюджете домохозяйств снизилась на 2,1 п.п. — с 5,9 до 3,8%, в том числе за последний год только лишь на минимальные 0,1 п.п.

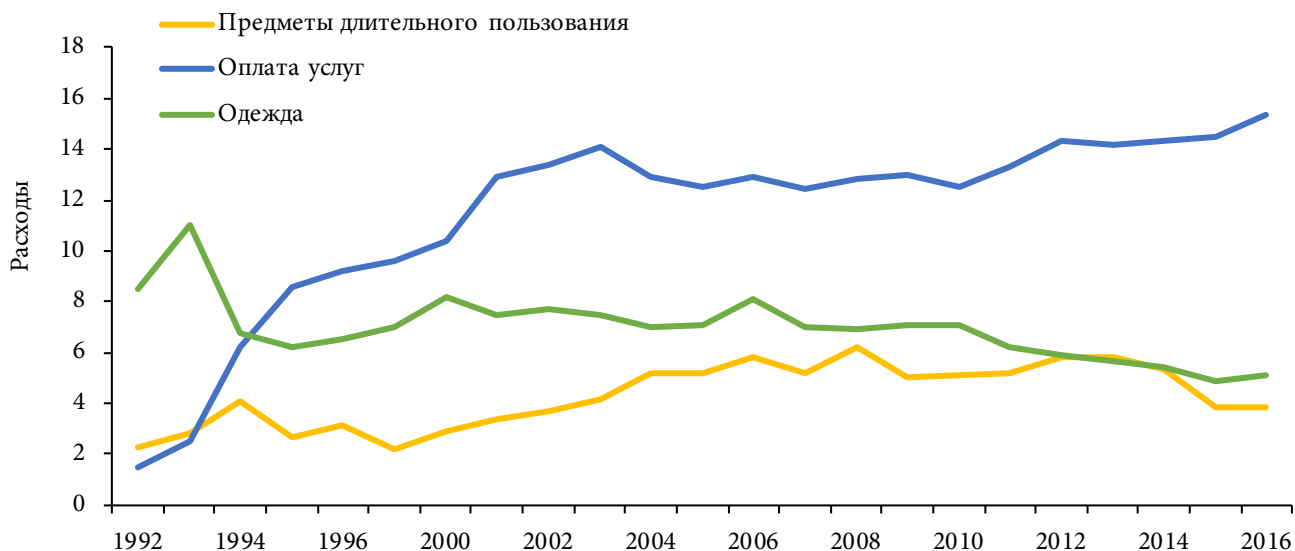

Рис. 11. Структура расходов: предметы длительного пользования, оплата услуг, одежда, 1992–2016 гг., %

Одной из наиболее высоких и не снижающихся на сегодня остается доля расходов в бюджете российских домохозяйств, используемых на оплату жилья и коммунальных услуг, что очень хорошо иллюстрируют данные RLMS-HSE, представленные на рис. 12. Стремительно и непрерывно нарастая с 1994 г., эта доля достигла к концу 2011 г. своего максимума, равного 13,2%, и затем менялась разнонаправленно в гра-

ницах узкого коридора значений. В 2015 г. по сравнению с 2014 г. она увеличилась на 0,2 п.п. — с 12,9 до 13,1%, а в 2016 г. еще на 0,1 п.п. — до 13,2%. Удельный вес расходов на горючее, топливо в бюджете обследованных домохозяйств на протяжении многих лет менялся незначительно. С 2000 г. по 2016 г. доля расходов домохозяйств, используемых на эти цели, колебалась в незначительных пределах — от 3 до 3,7%. В 2015 г. по сравнению с предыдущим годом она увеличилась на несущественные 0,2 п.п. — с 3,4 до 3,6% и в 2016 г. сохранилась на этом же уровне. Не особенно заметными были также изменения в доле расходов, которые используются домохозяйствами для пополнения сбережений и приобретения облигаций. После длительного, но крайне медленного нарастания эта доля расходов обследованных домохозяйств достигла максимума в 2012 г., составлявшего 4,4%. Но затем к концу 2016 г. она последовательно и сравнительно быстро снизилась до 2,9%, в том числе за последний год — на 0,4 п.п.

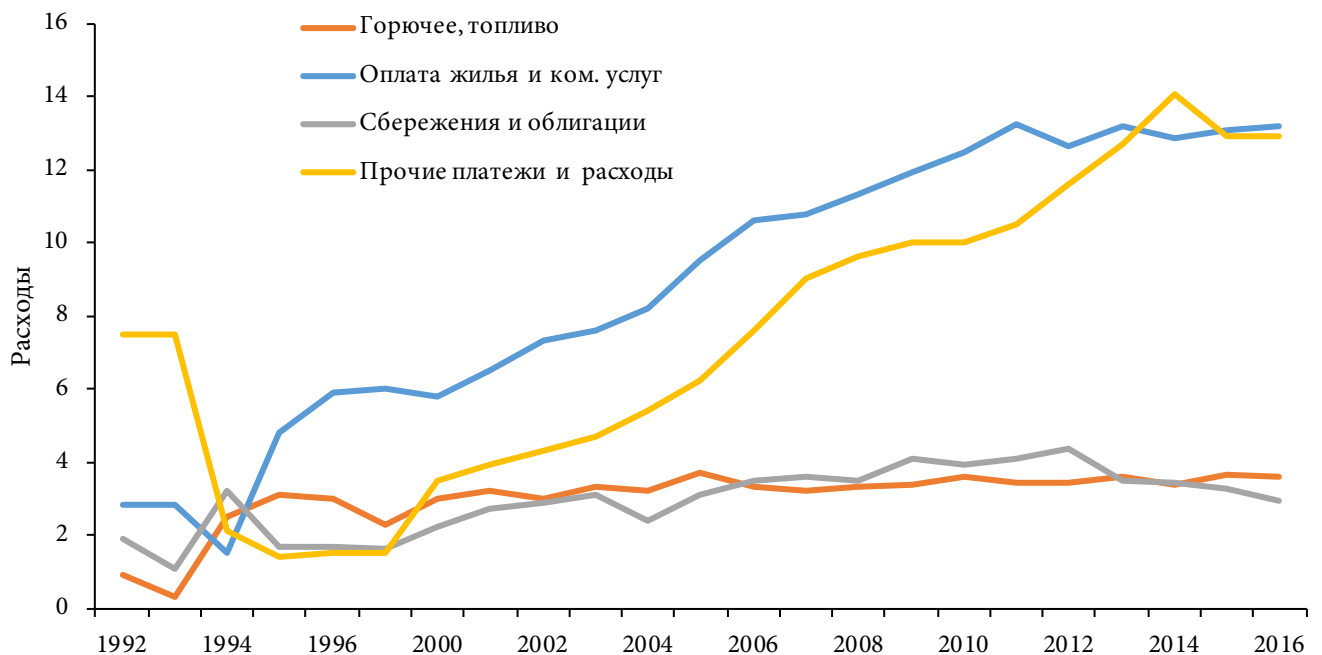

Рис. 12. Структура расходов: топливо, сбережения и облигации, оплата жилья и коммунальных услуг, прочие платежи и расходы, 1992–2016 гг., %

В таблице 7 представлены данные мониторинга о расходах российских домохозяйств из различных квинтилей распределения душевых расходов за декабрь 2016 г. Анализ данных демонстрирует нарастающее в последние годы, отмеченные глубоким экономическим кризисом, снижение дифференциации домохозяйств по уровню расходов. Так, если в 2012–2013 гг. наиболее обеспеченные двадцать процентов домохозяйств тратили на продукты питания и непродовольственные товары в 7,5 раза больше, чем беднейшие двадцать процентов домохозяйств, то в 2014 г. эта разница уменьшилась до 7,4 раза, в 2015 г. — до 6,2 раза, а в 2016 г. — до 6 раз. Напомним, что в 1998 г. данный показатель достигал 10 раз. Довольно значительными остаются различия в величине расходов между самыми богатыми и всеми остальными российскими домохозяйствами. В частности, в 2014 г. расходы обследованных домохозяйств, принадлежащих к верхнему квинтилю, превышали расходы домохозяйств предыдущего четвертного квинтиля приблизительно в 2,4 раза, но в 2015 г. этот разрыв уменьшился до 2,1 раза и в 2016 г. не менялся.

Таблица 7

Ежемесячные расходы домохозяйств по квинтилям распределения душевых расходов,
декабрь 2016 г., в руб. декабря 2016 г.

Категории расходов	Квинтили душевых расходов, %				
	Нижний 20	21–40	41–60	61–80	Верхний 20
Расходы на продукты питания					
Молочные продукты	1223	1895	1967	2221	2573
Мясо, птица, рыба	3190	4512	4866	5858	7341
Картофель	120	173	223	273	375
Хлеб	1165	1200	1309	1387	1291
Фрукты, овощи	686	1087	1405	1919	2458
Прочие продукты питания	1859	2760	3347	3849	4301
Питание в столовых, ресторанах, кафе	841	1537	1819	2810	3766
Продукты домашнего изготовления	1365	1493	1742	1762	1570
Алкоголь	190	332	397	625	1036
Всего расходов на продукты питания	10 641	14 989	17 073	20 704	24 710
Расходы на непродовольственные товары					
Табачные изделия	760	926	1232	1321	1481
Одежда	1534	2178	2758	3762	5536
Горючее, топливо	893	1371	1900	2716	3821
Электроника и др. товары длительного пользования	296	829	1455	3319	21332
Услуги и отдых	2778	4287	6284	9132	27 657
Оплата обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам	632	1952	5459	11741	29715
Оплата жилья и коммунальных услуг	3199	4304	4816	5685	6266
Акции, облигации	0	0	0	0	150
Различные товары (мыло, игрушки, газеты и т. п.)	799	997	1159	1322	1760
Сбережения	122	661	925	2218	5473
Всего расходов на непродовольственные товары	11 013	17 505	25 988	41 217	104 524
Всего расходов на продукты питания и непродовольственные товары	21 653	32 493	43 060	61 919	129 233
Всего расходов на продукты питания. Декабрь 2015 г. (в руб. 2016 г.)	9590	13 966	16 454	19 165	23 663
Всего расходов на непродовольственные товары. Декабрь 2015 г. (в руб. 2016 г.)	9645	16 195	22 444	36 749	96 195
Всего расходов на продукты питания и непродовольственные товары. Декабрь 2015 г. (в руб. 2016 г.)	19 239	30 164	38 901	55 917	119 857

Анализ динамики расходов обследованных домохозяйств за последние годы свидетельствует о дальнейшем сокращении неравенства по данному критерию. В этом еще раз убеждает продолжающийся опережающий рост расходов наименее обеспеченных домохозяйств. Так, расходы на продукты питания и непродовольственные товары у домохозяйств самого бедного квинтиля в последние годы только росли, причем опережающими темпами. В 2013 г. по сравнению с предыдущим годом они выросли на 4,5%, в 2014 г. — на 0,9%, в 2015 г. — на 2,1%, а в 2016 г. — сразу на 12,5%. У домохозяйств второго квинтиля эти расходы в 2013 г. увеличились на 3,8%, но в 2014 г. — уменьшились на 1,3%, в 2015 г. они вновь увеличились на 2,3%, а в 2016 г. — на 7,7%. У более обеспеченных домохозяйств третьего квинтиля расходы на продукты питания и непродовольственные товары выросли в 2013 г. на 4,2%, в 2014 г. — на 2,1%, тогда как в 2015 г. они сократились на 5%, а в 2016 г. вновь увеличились на 10,7%. У домохозяйств четвертого квинтиля в 2013 г. был отмечен рост расходов на 1%, в 2014 г. — на 3,2%, тогда как в 2015 г. было выявлено их сокращение на 5,1%, но в 2016 г. они опять выросли на 10,7%. И наконец, расходы домохозяйств верхнего квинтиля в эти годы чаще всего снижались. В 2013 г. они сократились на 0,4%, в 2014 г. — на 1,4%, а в 2015 г. упали сразу на 13,6%. И только в 2016 г. был отмечен их рост, но только на 7,8%, что было существенно меньше, чем в беднейшем квинтиле.

Двадцать процентов самых богатых домохозяйств расходуют на продукты питания намного больше, чем двадцать процентов беднейших домохозяйств. Но по доле, которую занимают эти расходы в бюджете домохозяйств разных квинтилей, наблюдается противоположная картина. Причем за последний год данные различия изменились очень мало. Можно, в частности, отметить, что в бюджете домохозяйств нижнего квинтиля доля расходов на продовольствие выросла в 2015 г. по сравнению с 2014 г. на 1,8 п.п. (с 48 до 49,8%), но в 2016 г. она уменьшилась на 0,7 п.п. — до 49,1%. У домохозяйств второго квинтиля в 2015 г. по сравнению с 2014 г. был отмечен рост этой доли на 1,5 п.п. (с 44,8 до 46,3%), а в 2016 г. ее уменьшение на 0,2 п.п. — до 46,1%. У домохозяйств третьего квинтиля после роста доли расходов на продукты питания в 2015 г. по сравнению с 2014 г. на 1,8 п.п. (с 40,5 до 42,3%) в 2016 г. было отмечено ее падение на 2,7 п.п. — до 39,6%. У домохозяйств четвертого квинтиля с 2014 г. по 2015 г. доля этих расходов увеличилась на 1,5 п.п. (с 32,8 до 34,3%), но в 2016 г. уменьшилась на 0,9 п.п. — до 33,4%. И наконец, у домохозяйств самого верхнего квинтиля после роста доли расходов на продукты питания в 2015 г. по сравнению с 2014 г. на 3,1 п.п. (с 16,6 до 19,7%), в 2016 г. произошло снижение на 0,6 п.п. — до 19,1%.

Дальнейший анализ показал, что в 2016 г. домохозяйства верхнего квинтиля тратили ежемесячно на питание приблизительно в 2,3 раза больше, чем домохозяйства нижнего квинтиля. И это было немного меньше, чем 2,5 раза, зафиксированных в 2012–2015 гг., что могло свидетельствовать о некотором сокращении неравенства в области расходов домашних хозяйств на продукты питания. Важно заметить, что в 2008–2009 гг. эта дистанция достигала 3,5 раза, а еще ранее в 1998–2000 гг. — около 5–6 раз. Практически не меняется в последние годы величина разрыва в расходах на продукты питания между домохозяйствами самого верхнего квинтиля и домохозяйствами ближнего к нему четвертого квинтиля. В 2012–2016 гг. она составляла около 1,2 раза.

Анализ данных RLMS-HSE выявил в 2016 г. значительный рост расходов на продукты питания у домохозяйств всех квинтилей. Так, если в 2014–2015 гг. расходы на продукты питания у домохозяйств первого и второго квинтилей уверенно снижались, но разными темпами (2014 г. — соответственно на 2,4 и 3%; 2015 г. — на 5,6 и 5,4%), то в 2016 г. они резко выросли — соответственно на 11 и 7,3%. В то же время у домохозяйств третьего и четвертого квинтилей расходы на продукты питания в 2014 г. увеличились на 4,2 и 2,4% соответственно; в 2015 г. — только на 0,7 и 0,8%, тогда как в 2016 г. — на 3,8 и 8% соответственно. Что касается домохозяйств верхнего квинтиля, то у них расходы на продукты питания в 2014 г. уменьшились на символические 0,1%, в 2015 г. они вновь снизились, но уже на 2,4%. И, наконец, в 2016 г. эти расходы увеличились на 4,4%.

Как и в предыдущем году, изменения различий по отдельным статьям продовольственных расходов между домохозяйствами полярных квинтилей за последний год оказались незначительными. Так, если в 2008 г. разница в ежемесячных расходах на молочные продукты между двадцатью процентами самых богатых и двадцатью процентами самых бедных домохозяйств достигала 3,7 раз, то начиная с 2012 г. она из года в год оставалась на уровне 2,2–2,3 раза, а в 2016 г. немного уменьшилась — до 2,1 раза. Аналогичный разрыв в расходах на мясо, птицу и рыбу уменьшился с 3,7 раза в 2008 г. до 2,8 раз в 2012 г. и далее составлял около 2,5–2,7 раза непосредственно до 2016 г., когда эта разница сократилась до 2,3 раза. Что касается различий в расходах на картофель, то они в последние годы менялись более динамично. За 2008–2015 г. эта разница с некоторыми перепадами сократилась почти вдвое — с 5 до 2,7 раза, но в 2016 г. выросла до 4,5 раза. Дистанция в расходах на овощную продукцию и фрукты между домохозяйствами крайних квинтилей, сократившаяся за 2008–2015 гг. с 5,7 до 3,5 раза, в 2016 г. практически не изменилась, увеличившись до 3,6 раза. Как и прежде, одной из самых незначительных была разница между самыми богатыми и беднейшими домохозяйствами в расходах на хлебобулочную продукцию (2013–2015 гг. — от 1,1 до 1,2 раза). Примерно такой же оставалась в последние годы дистанция в расходах этих домохозяйств и на продукты домашнего изготовления.

Разрыв в расходах на алкоголь между домохозяйствами полярных квинтилей на протяжении нескольких последних лет сокращался, но в 2015 г. это снижение прекратилось. Так, с 2012 г. по 2014 г. этот разрыв стремительно уменьшился с 7,8 до 4 раза, но в 2015 г. он вновь увеличился до 4,2 раза и далее в 2016 г. — до 5,5 раза. Подобная картина наблюдалась в отношении изменения разницы в расходах на питание вне дома между домохозяйствами полярных квинтилей. С 2008 г. по 2015 г. эта дистанция сократилась вдвое — с 8,8 до 4,1 раза, но в 2016 г. она увеличилась до 4,5 раза.

В 2016 г., как и во все предыдущие годы, у обследованных домохозяйств всех квинтилей первую строчку по величине расходов на продовольственные товары занимали траты на такие дорогие продукты, как мясо, птица и рыба. Но в то же время, у домохозяйств четырех верхних квинтилей на второй строчке (исключая расплывчатую статью «прочие продукты питания») располагались расходы на питание вне дома, т. е. в ресторанах, кафе, барах, столовых и т. п., тогда как у домохозяйств первого квинтиля, не имеющих значительных доходов, второе место принадлежало расходам на продукты домашнего изготовления. У домохозяйств

практически всех квинтилей, за исключением второго, на третьем месте оказались расходы на молочные продукты, тогда как у домохозяйств второго квинтиля — продукты домашнего изготовления. У домохозяйств второго квинтиля расходы на молочные продукты заняли четвертую строчку. Как и прежде, домохозяйства двух нижних квинтилей расходовали на хлебобулочную продукцию больше денег, чем на фрукты и овощи, тогда как у более состоятельных домохозяйств выявлена противоположная картина. Бросается в глаза и то, что на последнем месте у домохозяйств всех квинтилей расположились расходы на картофель.

За последний год заметно снизилось неравенство между богатыми и бедными домохозяйствами по уровню расходов на непродовольственные товары. Если за 2010—2012 гг. разница в расходах на непродовольственные товары между беднейшими и самыми состоятельными домохозяйствами выросла с 10,3 до 13,2 раза, то к 2015 г. она сократилась до 10 раз и далее в 2016 г. — до 9,5 раза. Самым высоким данный показатель был в 1998 г., когда домохозяйства верхнего квинтиля тратили на непродовольственные товары почти в 20 раз больше, чем беднейшие двадцать процентов домохозяйств.

Если в 2014 г., как и годом ранее, домохозяйства верхнего квинтиля тратили на непродовольственные товары почти в 7 раз больше, чем домохозяйства, принадлежащие ко второму квинтилю, то в 2015 г. эта дистанция сократилась до 6 раз и в 2016 г. не изменилась. Одновременно уменьшился разрыв в расходах на непродовольственные товары между домохозяйствами верхнего и третьего квинтилей — с 5 раз в 2014 г. до 4 раз в 2016 г., а также между домохозяйствами верхнего и четвертого, т. е. ближайшего к нему квинтиля — соответственно с 3 до 2,5 раза.

Предыдущие опросы RLMS-HSE показали, что после финансово-экономического кризиса 2008—2009 гг. в России наблюдался рост расходов домашних хозяйств на непродовольственные товары. Эти расходы росли тем быстрее, чем были выше потребительские возможности домохозяйств. Но в дальнейшем ситуация существенно изменилась. Рост расходов замедлился во всех квинтилях и наибольшим это замедление было у наиболее состоятельных домохозяйств. В 2015 г. во всех квинтилях была выявлена отрицательная динамика, нарастающая по мере перехода от бедных к более состоятельным и более богатым домохозяйствам. Однако в 2016 г. рост расходов на непродовольственные товары возобновился у домохозяйств всех квинтилей.

Если в 2014 г. по сравнению с предыдущим годом расходы домохозяйств самого бедного квинтиля на непродовольственные товары увеличились на 4,1%, а в 2015 г. снизились на 1,5%, то в 2016 г. они вновь выросли, но уже на 14,2%. У домохозяйств второго квинтиля отрицательная динамика, наблюдавшаяся в течение двух предыдущих лет (на 0,7% в 2014 г. и на 0,4% в 2015 г.), в 2016 г. также сменилась ростом на 8,1%. У домохозяйств третьего квинтиля, после увеличения расходов на непродовольственные товары в 2014 г. на 0,7% и последующего снижения в 2015 г. на 8%, в 2016 г. был выявлен новый и весьма существенный рост на 15,8%. Похожая картина наблюдалась в четвертом квинтиле. Здесь после роста анализируемых расходов на 3,6% в 2014 г. и резкого спада на 7,3% в 2015 г., в 2016 г. было отмечено очередное увеличение на 12,2%. И наконец, у двадцати процентов самых богатых домохозяйств расходы на непродовольственные товары последовательно сократились на 1,7% в 2014 г. и на 16,8% в 2015 г. Однако в 2016 г. они также выросли на 8,7%.

Данные RLMS-HSE, полученные в 2016 г., выявляют очередные изменения, характеризующие различия в величине расходов на отдельные виды непродовольственных товаров между богатыми и бедными домохозяйствами. Анализ данных мониторинга, в частности, показывает, что, как и прежде, наибольшим остается разрыв между богатыми и бедными домохозяйствами в величине расходов на электронику и другие товары длительного пользования, но этот разрыв немного сократился. В течение последних лет эта разница колебалась в пределах 82–99 раз, но в 2016 г. она уменьшилась до 72 раз. Вместе с тем дистанция в величине расходов на электронику и другие товары длительного пользования между домохозяйствами верхнего и ближайшего к нему четвертого квинтиля в 2016 г. немного увеличилась. Так, с 2012 г. по 2015 г. эта дистанция последовательно уменьшилась с 9 до 5,9 раза, однако в 2016 г. она выросла до 6,4 раза.

Важно подчеркнуть, что траты на электронику и другие дорогостоящие товары длительного пользования долгое время были самыми большими у домохозяйств с разным уровнем доходов и расходов. Но в последнее время ситуация существенно изменилась. Причем если в 2015 г. эти траты располагались на первом месте среди расходных статей бюджета у домохозяйств четвертого квинтиля, то в 2016 г. они опустились в списке бюджетных статей на пятое место. И только у домохозяйств самого богатого квинтиля расходы на электронику и другие товары длительного пользования в 2016 г. как и в 2015 г. располагались в анализируемой бюджетной иерархии на третьем месте. А у домохозяйств первого, второго и третьего квинтилей они занимали в перечне этих статей уже одно из последних мест.

Как и прежде, значительным остается разрыв в расходах богатых и бедных домохозяйств на обучение, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам. Эти расходы сегодня составляют самую затратную статью семейного бюджета наиболее обеспеченных домохозяйств, относящихся к четвертому и пятому расходным квинтилям. Среди статей бюджета у домохозяйств третьего квинтиля они занимают второе место, у домохозяйств второго квинтиля — четвертое место, а у домохозяйств нижнего, т. е. самого бедного квинтиля — одно из последних мест. За последние годы разница в расходах домохозяйств, принадлежащих к полярным квинтилям, на обучение, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам, заметно сократилась. Так, в 2015 г. по сравнению с 2014 г. она упала с 56 до 47 раз и в 2016 г. сохранилась на этом уровне. В 2016 г. домохозяйства самого богатого квинтиля превосходили по величине этих расходов домохозяйства второго квинтиля в 15,2 раза, домохозяйства третьего квинтиля — в 5,4 раза и домохозяйства четвертого квинтиля — в 2,5 раза.

К наиболее затратным статьям бюджета российских домохозяйств относятся также расходы на услуги и отдых. Среди статей бюджета домохозяйств нижнего, второго, четвертого и верхнего квинтилей они занимают по своей величине второе место, а в бюджете домохозяйств третьего квинтиля они стоят на первом месте. Но в то же время разрыв в расходах на услуги и отдых между домохозяйствами противоположных квинтилей постепенно сокращается. С 2012 г. по 2016 г. этот разрыв поступательно снизился с 13 до 10 раз. В 2016 г. домохозяйства верхнего квинтиля тратили на услуги и отдых больше, чем домохозяйства второго квинтиля в 6,5 раза, домохозяйства третьего квинтиля — в 4,4 раза, домохозяйства четвертого квинтиля — в 3 раза.

К числу наиболее важных и болезненных статей бюджета российских домохозяйств относятся расходы на оплату жилья и коммунальных услуг. У наименее обеспеченных домохозяйств, относящихся к первому и второму квинтилям, эта статья расходов стоит, причем уже длительное время, на первом месте. У домохозяйств третьего и четвертого квинтилей она располагается на третьем месте, тогда как у домохозяйств пятого квинтиля — на четвертом месте. В 2012 г. домохозяйства верхнего квинтиля тратили на оплату жилья и коммунальных услуг в 2,4 раза больше, чем домохозяйства нижнего квинтиля. В 2013–2014 гг. эта разница сократилась до 2,2 раза, а в 2015 г. — до 2 раз и осталась такой же в 2016 г. В 2016 г. домохозяйства самого богатого квинтиля тратили на оплату жилья и коммунальных услуг в 1,5 раза больше, чем домохозяйства второго квинтиля; в 1,3 раза больше, чем домохозяйств третьего квинтиля и только в 1,1 раза больше, чем домохозяйства четвертого квинтиля. Важно подчеркнуть, что в 2016 г. домохозяйства беднейшего квинтиля тратили на оплату жилья и коммунальных услуг более чем в 2 раза больше, чем на одежду и обувь; более чем в 5 раз больше, чем на оплату обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам; на 15% больше, чем на услуги и отдых.

В 2015–2016 г. величина расходов беднейших домохозяйств на покупку одежды и обуви вновь приблизилась к величине соответствующих расходов самых состоятельных домохозяйств. С 2012 г. по 2015 г. разрыв в величине этих расходов между домохозяйствами полярных квинтилей сократился с 4,3 до 3,6 раза и в 2016 г. не изменился. В 2016 г. домохозяйства верхнего квинтиля тратили на одежду и обувь в 2,5 раза больше, чем домохозяйства второго квинтиля; в 2 раза больше, чем домохозяйства третьего квинтиля и в 1,5 раза больше, чем домохозяйства четвертого квинтиля. Если в 2014 г. домохозяйства беднейшего квинтиля расходовали на покупку одежды и обуви в 4,2 раза больше, чем на приобретение электроники и других товаров длительного пользования, то в 2015 г. — в 6,8 раза больше, а в 2016 г. — в 5 раз больше. И в это же время домохозяйства самого обеспеченного квинтиля, наоборот, в 2016 г. тратили на покупку одежды и обуви в 3,9 раза меньше, чем на приобретение электроники и других товаров длительного пользования. Примерно такой же эта разница была в 2015 г., но меньше, чем 5,2 раза, зафиксированных в 2014 г.

Разрыв в расходах на разного рода непродовольственные товары повседневного спроса (мыло, шампуни, игрушки, газеты, журналы и т. п.) между домохозяйствами, принадлежащими к крайним квинтилям, сократился с 2,7 раза в 2013–2014 гг. до 2,3 раза в 2015 г. и до 2,2 раза в 2016 г. В 2016 г. домохозяйства самого богатого квинтиля тратили на эти товары в 1,8 раза больше, чем домохозяйства второго квинтиля; в 1,5 раза больше, чем домохозяйства третьего квинтиля и в 1,3 раза больше, чем домохозяйства четвертого квинтиля. Примечательно, что у домохозяйств беднейшего квинтиля расходы на дешевые товары повседневного спроса были выше, чем траты на дорогостоящую электронику и другие товары длительного пользования, а также на оплату обучения, на выплаты по займам, кредитам и страховым полисам.

В 2016 г. продолжилось сокращение дистанции между домохозяйствами полярных квинтилей в расходах на горючее и топливо. С 2008 г. по 2016 г. она достаточно последовательно уменьшилась с 10 до 4,3 раза. Вместе с тем разница между домохозяйствами противоположных квинтилей в расходах на табачные изделия

в 2016 г. выросла. С 2008 г. по 2015 г. она снизилась с 2,5 до 1,6 раза, но в 2016 г. увеличилась до 1,9 раза. Если в 2015 г. домохозяйства самого бедного квинтиля тратили на табачные изделия в 3,7 раза больше, чем на электронику и другие предметы длительного пользования, то в 2016 г. — только в 2,6 раза больше. Кроме того, в 2016 г. домохозяйства нижнего квинтиля расходовали на табачные изделия, на 20,3% больше, чем на оплату обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам. И это было существенно больше, чем превышение в 7% в предыдущем году.

Расходы на акции, облигации и т. п., как и в предыдущие годы, были характерны только для наиболее богатых домохозяйств, принадлежащих к верхнему квинтилю. Колоссальной оставалась дистанция в объемах средств, направляемых домохозяйствами, принадлежащими к полярным квинтилям, на сбережения. Причем за последние два года она существенно выросла: с 30 раз в 2014 г. до 45 раз в 2016 г. В 2016 г. различия в объеме средств, предназначенных для сбережений, составляли между домохозяйствами верхнего и второго квинтилей около 8 раз; между домохозяйствами верхнего и третьего квинтилей — 6 раз, а между домохозяйствами верхнего квинтиля и ближайшего к нему четвертого квинтиля — 2,5 раза.

Таким образом, если в 2015 г. по мере обострения экономического кризиса произошло быстрое и существенное сокращение ежемесячных расходов российских домохозяйств, то в конце 2016 г. они начали расти. Было отмечено увеличение расходов домохозяйств как на продукты питания, так и на непродовольственные товары практически по всем товарным группам. Во многих случаях этот рост обеспечивался повышением цен на различные товары и услуги. Но при этом весомость абсолютного большинства статей в бюджете домохозяйств практически не изменилась. К хорошо заметным изменениям можно отнести только снижение в бюджете домохозяйств долей расходов на питание вне дома, а также на услуги и отдых. Самой распространенной стратегией адаптации к экономическим шокам оставалась экономия на потреблении товаров и услуг. Ограниченные материальные ресурсы заметно сужали покупательские возможности населения и, следовательно, надежды на быстрое восстановление экономического роста.

Динамика владения предметами длительного пользования

Данные, полученные в ходе опросов RLMS-HSE, свидетельствуют о том, что целый ряд дорогостоящих предметов длительного пользования уже давно являются неотъемлемыми атрибутами жизни значительной части российских семей. При этом в 2016 г., несмотря на постоянное нарастание негативных тенденций на рынках товаров длительного пользования, было выявлено очередное повышение уровня обеспеченности российских домохозяйств различными предметами бытового и культурного назначения. Во многих случаях этот рост являлся продолжением тенденций, берущих свое начало в предыдущих десятилетиях.

Как следует из [таблицы 8](#), в прошедшем году рост уровня оснащенности российских домохозяйств предметами длительного пользования отмечен по всем основным группам товаров. Этот рост свидетельствует о том, что формы участия

семьи в процессе потребления достаточно эластичны, изменчивы и управляемы. Динамика и структура потребления зачастую зависят не только от дохода, но и от других факторов, в том числе от насыщенности домашнего хозяйства бытовой техникой, ее состояния и возраста, жилищных условий, ценностных ориентаций членов семьи.

Таблица 8

**Процент владеющих различными предметами длительного пользования
на момент проведения опроса, 1992–2015 гг. (месяц/год)**

Предметы длительного пользования	Даты сбора данных (месяц/год)								
	9/92	11/98	10/00	10/04	12/08	12/12	12/14	12/15	12/16
Черно-белый телевизор	53,7	34,5	29,8	13,4	–	–	–	–	–
Цветной телевизор	54,6	73,5	75,9	87,8	96,4	97,6	97,7	97,8	97,5
Видеомагнитофон	3,1	32,2	33,4	42,6	35,2	23,8	18,5	16,6	13,9
Компьютер	–	4,0	4,1	16,1	38,2	61,0	67,2	67,4	68,4
Легковой или грузовой автомобиль	16,5	24,8	26,3	27,8	34,5	41,6	44,1	44,2	45,2
Холодильник	93,0	92,4	93,3	94,6	–	–	–	–	–
Холодильник «NO FROST»	–	–	–	–	35,0	51,1	57,1	60,8	61,7
Стиральная машина	76,6	78,5	79,1	80,4	–	–	–	–	–
Автоматическая стиральная машина	–	–	–	–	53,0	72,7	79,5	80,8	82,7
Дача*	17,8	30,9	30,4	27,1	24,4	24,1	23,4	23,2	23,4

*Дача означает садовый домик или дом в деревне, владение дачей учитывается только для городских домохозяйств.

Тяжелая экономическая ситуация и рост жизненных трудностей в период экономического кризиса привели к тому, что многие россияне стали меньше покупать, но в то же время больше экономить, бережнее относиться к тому, что они уже имеют. Бедные и малообеспеченные семьи стали откладывать обновление своей технико-бытовой инфраструктуры или приобретение недостающих средств длительного пользования до лучших времен. Но в то же время было немало семей, которые, испытывая определенные материальные затруднения, продолжали вести привычный образ жизни, не отказываясь от покупок необходимого. Рационализация потребительского поведения позволила семьям, несмотря на снижение уровня жизни, нарастить свою обеспеченность различными предметами бытового и культурного назначения.

Исследование показало, что за последний год доля домохозяйств, владеющих одним или несколькими грузовыми и/или легковыми автомобилями, увеличилась на 1 п.п. – с 44,2 до 45,2%. Темпы этого роста оказались намного выше, чем в 2015 г., когда доля домохозяйств-владельцев автомобилей увеличилась всего лишь на 0,1 п.п. В связи с этим важно заметить, что поступательный рост данного показателя продолжался на протяжении всех лет мониторинга, но темпы роста в разные годы существенно отличались. В целом только за 2000–2016 гг. удельный вес домохозяйств, имеющих в своем распоряжении хотя бы один легковой или

грузовой автомобиль, вырос в 1,7 раза или на 18,9 п.п. Примечательно и то, что в 2016 г., как и годом ранее, рост количества домохозяйств-владельцев автомобилей происходил на фоне огромного падения продаж легковых автомобилей в России.

Анализ данных RLMS-HSE показывает, что на протяжении многих лет постсоветского периода число домохозяйств, владеющих отечественными легковыми автомобилями, превосходило число владеющих легковыми автомобилями иностранных моделей, но дистанция между ними постепенно сокращалась. К 2013 г. число таких домохозяйств выровнялось (приблизительно по 22%), а затем достаточно быстро стало наблюдаться преобладание домохозяйств, владеющих легковыми автомобилями иностранных моделей. В 2014–2015 гг. доля таких домохозяйств выросла до 23,4%, тогда как доля домохозяйств, владеющих отечественными легковыми автомобилями, сократилась до 21%. В конце 2016 г. указанный разрыв, составлявший в конце предыдущего года 2,4 п.п., увеличился почти до 3 п.п. Удельный вес домохозяйств, имеющих в собственности какой-либо грузовой автомобиль, на протяжении всех последних лет сохраняется на уровне 2,5%.

Практически не менялся на протяжении последних лет уровень обеспеченности российских семей малыми средствами передвижения: мотоциклами, мотороллерами, мопедами, квадрациклами моторными лодками и т. д. Согласно данным RLMS-HSE, на протяжении 2012–2016 гг. доля домохозяйств, владеющих такими средствами передвижения, составляла только около 3%. Очень медленно меняется в последние годы и уровень обеспеченности российских домохозяйств велосипедами. С 2012 г. по 2014 г. доля таких домохозяйств увеличилась с 21 до 22%, т. е. всего лишь на 1 п.п. И в 2015–2016 гг. количество домохозяйств, располагающих велосипедами, практически не изменилась. Но в то же время наблюдался хорошо заметный рост числа граждан, имеющих велосипеды. То есть при неизменной доле домохозяйств, располагающих велосипедами, увеличилось количество членов семей имеющих и пользующихся этими не особенно сложными, но эффективными и полезными для здоровья средствами передвижения. В последние годы все больше россиян рассматривают велосипед как наилучшее или очень удобное городское транспортное средство и отказываются, хотя бы на время, от автомобиля в пользу велосипеда.

Обеспеченность семей различными транспортными средствами носит особый, специфический характер. Так, потребность в легковом автомобиле сегодня высока как для родительских, так и для молодых семей. Причем высокая ориентация на покупку автомобиля характерна для молодых семей различных типов. Стремление иметь хороший автомобиль сегодня для многих молодых людей является не модой, а вполне естественной потребностью. Хотя при этом нельзя не заметить, что помимо практического интереса немаловажным фактором в данном случае является и престижность, которая составляет важный элемент механизма формирования потребительских предпочтений, особенно когда речь идет о выборе модели автомобиля. Очевидно также, что практическая потребность в мотоциклах выше в сельской местности, но в последние годы вырос интерес к ним и у городских жителей, особенно молодого возраста. Пользование ими носит избирательный характер и в немалой степени зависит от возрастного-полового состава семьи. Неполные семьи реже приобретают различные транспортные средства.

Длительное время одной из наиболее устойчивых тенденций являлось постепенное сокращение количества российских домохозяйств, владеющих дачами, т. е. садовыми домиками или домиками в деревне (владение дачей учитывается только для городских домохозяйств). В целом, с 1998 г. по 2015 г. удельный вес таких городских домохозяйств сократился на 7,7 п.п. или почти в полтора раза — с 30,9 до 23,2%. Во многом это было обусловлено тем, что на смену традиционным дачам стало приходиться более современное, дорогое и комфортабельное загородное жилье — коттеджи, таунхаусы и т. п. Однако в 2016 г. данная тенденция была прервана: доля городских домохозяйств в России, имеющих дачи, увеличилась на 0,2 п.п. — до 23,4%. Именно таким данный показатель был в 2014 г., что может свидетельствовать об определенной стабилизации доли городских домохозяйств, владеющих дачами.

Обращает на себя внимание довольно высокий уровень обеспеченности российских домохозяйств современными предметами культурного и бытового назначения, которые относятся к категории основных или к предметам так называемого стандартного потребительского набора. При этом на протяжении многих лет наблюдается довольно существенный рост уровня оснащённости домохозяйств средствами так называемой «малой механизации», призванными облегчать домашний труд. Рассматривая данные, полученные в ходе опросов RLMS-HSE, относительно обеспеченности обследованных домохозяйств этими предметами длительного пользования, следует учитывать, что поскольку черно-белые телевизоры, холодильники и стиральные машины старых моделей практически полностью вытеснены цветными телевизорами, современными холодильниками и автоматическими стиральными машинами нового поколения, данные об уровне оснащённости домохозяйств бытовой техникой устаревших моделей после 2004 г. не собираются.

Количество домашних хозяйств, имеющих во владении один или несколько цветных телевизоров, уже достигло своего максимума и практически не меняется на протяжении нескольких последних лет. Доля таких домохозяйств увеличивалась наиболее высокими темпами в 1990-е гг., когда она выросла с 54,6% в 1992 г. до 75,9% в 2000 г., т. е. почти в полтора раза или на 21,3 п.п. за 8 лет. К концу 2012 г. эта доля повысилась до 97,6% и затем практически не менялась. В 2016 г. доля домохозяйств, имеющих хотя бы один цветной телевизор, составила 97,5%, что было, однако, на 0,3 п.п. меньше абсолютного максимума, зафиксированного в 2015 г. Принимая во внимание выше отмеченные обстоятельства, это снижение можно отнести на счет колебаний, обусловленных влиянием случайных факторов или неточностью измерения.

В 2016 г. продолжилось динамичное нарастание количества домашних хозяйств, располагающих современными холодильниками «No Frost» и автоматическими стиральными машинами. В целом, с 2008 г., т. е. с начала фиксации подобных данных, по 2016 г. доля домохозяйств, имеющих холодильник последнего поколения «No Frost», выросла с 35 до 61,7%, т. е. на 26,7 п.п. или в 1,8 раза. Но за последний год данный рост составил всего лишь 0,9 п.п. Эти темпы роста были одними из самых низких за все время наблюдений (примерно такими же, составляющими 1 п.п., они были в 2014 г.), в том числе, вчетверо ниже, чем в предыдущем году — 3,7 п.п. Что касается уровня обеспеченности домашних

хозяйств автоматическими стиральными машинами, то с 2008 г. по 2016 г. он вырос с 53 до 82,7%, т. е. на 29,7 п.п. или в 1,6 раза. За последний год этот рост составил 1,9 п.п., что было немного меньше, чем 1,3 п.п. в 2015 г.

Анализ последних данных RLMS-HSE выявил значительное замедление темпов компьютеризации российских домохозяйств, которое свидетельствует о том, что насыщение домохозяйств компьютерной техникой подходит к своему максимуму. Наиболее высокие ежегодные темпы компьютеризации были отмечены в 2009 г., когда прирост домохозяйств-владельцев компьютеров за год составил 7,3 п.п. Но в дальнейшем это приращение стало постепенно уменьшаться. Примечательно, что в 2015 г. по сравнению с предыдущим годом доля домохозяйств, имеющих у себя какой-либо компьютер (стационарный или переносной), увеличилась только на 0,2 п.п. — с 67,2 до 67,4%, а в 2016 г. по сравнению с 2015 г. — до 68,4%, т. е. на 1 п.п. Такое небольшое приращение в 2015 г. можно объяснить действием фактора так называемого отложенного спроса в период экономического кризиса. Но поскольку очень многие, если не большинство людей не могут сегодня представить свою жизнь без компьютера, действие фактора отложенного спроса в отношении данного технического средства быстро проходит. Поэтому уже в 2016 г. было отмечено возвращение потребительского спроса на прежний уровень.

Согласно данным мониторинга, количество стационарных компьютеров в российских семьях постепенно сокращается, а количество переносных компьютеров поступательно увеличивается. Если обратиться к персональным данным, то можно увидеть, что доля взрослых россиян, которые лично владели и лично пользовались переносным компьютером (ноутбук, лэптоп или нетбук) с 2014 г. по 2015 г. увеличилась на 0,9 п.п. — с 18,8 до 19,7%, а в 2016 г. она выросла еще на 0,3 п.п. — до 20%. Вместе с тем важно отметить, что несколько чаще встречаются ситуации, когда кто-то владеет переносным компьютером, но пользуются им несколько членов семьи. Среди опрошенных взрослых россиян доля таких респондентов в 2014 г. составила 21,4%, в 2015 г. — 21,2%, а в 2016 г. — 23,4%. Таким образом, в конце 2016 г. доля взрослых россиян, которые пользовались для тех или иных целей переносным компьютером, принадлежащим семье, составляла 43,4%.

По мере компьютеризации российских домохозяйств увеличивается число граждан, пользующихся компьютерной техникой. Так, в 2000 г. о пользовании компьютером в течение 12 месяцев, предшествующих опросу, в любых целях, включая печатаное текстов, компьютерные игры, просмотр фильмов и т. п., общались только около трети респондентов в возрасте 14 лет и старше, тогда как в 2014 г. вдвое больше, а именно 58,1%. В 2015 г. этот показатель практически не изменился, но в 2016 г. вырос до 59,1%. При этом 56,1% респондентов пользовались персональным компьютером у себя дома; 28,6% — по месту работы или учебы и 9,6% — в других местах. В общей сложности в 2016 г. пользовались персональным компьютером для работы или учебы 60,4% респондентов.

Одновременно с увеличением числа граждан, пользующихся компьютерами, выросло число лиц, обращающихся к услугам Интернета. В 2015 г. этот рост немного приостановился, но уже в 2016 г. возобновился. Так, в 2015 г., как и годом ранее, доля взрослых граждан, которые пользовались Интернетом в течение последних 12 месяцев, среди опрошенного взрослого населения составила около 58%,

а в 2016 г. она увеличилась до 61,5%, т. е. на 3,5 п.п. При этом 59,8% респондентов обращались к услугам Интернета у себя дома; 27,7% — по месту работы или учебы; 10,3% — в кафе с WI-FI; 13,8% — в других местах. Интересно, что 34,1% всех респондентов для выхода в Интернет пользовались ноутбуком, лэптопом; 39% — персональным компьютером; 12,7% планшетом; 36,8% — мобильным телефоном или смартфоном.

Данные мониторинга об изменении уровня оснащенности семей и отдельных граждан различными гаджетами выглядят противоречиво. Так, в 2015 г. по сравнению с 2014 г. доля взрослых россиян, владеющих планшетом и лично пользующихся им, увеличилась на 1,8 п.п. — с 7,5 до 9,3%, но в 2016 г. она снизилась на 0,3 п.п. — до 9%. Помимо граждан, которые владеют планшетом и лично им пользуются, есть немало людей, которые имеют планшет, но пользуются им несколько членов семьи. В то же время доля респондентов, указавших, что они пользуются планшетом вместе с другими членами семьи, увеличилась с 4,8% в 2014 г. до 5,1% в 2015 г., т. е. на 0,3 п.п., а в 2016 г. она выросла до 5,7%, т. е. на 0,6 п.п.

Удельный вес взрослых россиян, имеющих в личном пользовании смартфон, коммуникатор, I-Phone (айфон), увеличился с 16,7% в 2014 г. до 21,3% в 2015 г., т. е. на 4,6 п.п. Но еще более существенным этот рост оказался в 2016 г. В течение последнего года доля респондентов, владеющих такими гаджетами, выросла на 6,7 п.п. — до 28%. Немного увеличилась доля взрослых граждан, которые являются владельцами указанных гаджетов, но пользуются ими все члены семьи. В 2014 г. она составила 0,6%; в 2015 г. — 0,7%, а в 2016 г. — 1%. Исследование также показало, что в 2015–2016 гг. имели мобильный сотовый телефон в личном пользовании 77,2% взрослых россиян в возрасте 14 лет и старше, а имели мобильный телефон, но пользовались им несколько членов семьи — 0,9% респондентов.

Таким образом, в конце 2016 г., после спада в предыдущие годы экономического кризиса, наметился некоторый рост потребительской активности россиян, который не совпадал с динамикой снижения уровня жизни населения. Выявлен очередной рост уровня оснащенности домохозяйств различными предметами длительного пользования, в том числе легковыми автомобилями, холодильниками и автоматическими стиральными машинами последнего поколения. Обеспеченность домохозяйств цветными телевизорами практически достигла максимально возможного уровня. К хорошо заметным тенденциям относится также рост оснащенности домохозяйств компьютерной техникой, темпы которого, однако, в последние годы снизились в силу высокой насыщенности семей этими техническими средствами.

Безработица, участие в рабочей силе и перемена места работы

В [таблице 9](#) приводится подробная информация RLMS-HSE по безработице, работе без выплаты заработной платы и продолжительности безработицы в период с 1992 г. по 2016 г. В ней содержатся как данные по общей безработице (по определению BLS/ILO), так и сведения по скрытой безработице.

Таблица 9

Уровень безработицы среди экономически активного населения:
мужчины 18–60 лет, женщины 18–55 лет, 1992–2015 гг. (месяц/год), %

Категории	Даты сбора данных (месяц/год)										
	9/92	11/98	10/00	10/02	10/04	10/08	12/10	12/12	12/14	12/15	12/16
Уровень безработицы (по определению BLS/ILO)	5,6	10,8	8,4	6,9	6,9	5,0	6,1	5,1	4,8	5,5	4,7
Уровень безработицы (включая скрытую безработицу)*	-	11,2	8,5	7,0	6,9	5,1	6,1	5,1	4,8	5,5	4,7
Уровень «скрытой безработицы»	-	0,5	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,0	0,1	0,1	0,0
Доля работников, заявивших о невыплате им заработной платы в течение последних 30 дней	5,8	17,1	10,8	8,8	5,1	3,5	3,4	2,9	2,2	1,9	1,6
Длительность периода безработицы (исключая скрытую безработицу)											
- Менее 1 месяца	-	5,4	9,0	6,8	11,4	13,4	9,6	12,6	13,3	10,6	10,2
- 1–3 месяца	-	20,6	15,8	20,9	20,1	20,5	19,7	22,3	20,3	22,7	22,1
- Более 3 месяцев	-	74,0	75,3	72,3	68,5	66,2	70,7	65,1	66,5	66,7	67,7
Участие в рабочей силе	86,7	82,6	82,4	82,4	82,2	82,2	83,2	83,0	82,4	82,3	81,7
Доля работников, заявивших о смене места работы	-	9,9	11,2	13,1	12,9	11,3	11,8	12,1	11,6	9,7	9,5
Доля работников, заявивших о смене профессии	-	7,5	8,1	9,3	7,9	8,3	7,3	7,8	7,5	6,2	6,6

* «Скрытая безработица» определяется как нахождение в вынужденном неоплачиваемом отпуске без альтернативного заработка.

Согласно данным RLMS-HSE, в 2016 г. ситуация с безработицей в России получила позитивную динамику. Если за 2014–2015 гг. доля экономически активного населения, не имеющего работы и ищущего работу, выросла на 1,5 п.п. — с 4 до 5,5%, то в 2016 г. был выявлен ее спад на 0,8 п.п. — до 4,7%. Что касается так называемой «скрытой» безработицы, которая определяется в исследовании как нахождение в вынужденном неоплачиваемом отпуске без альтернативного заработка, то она в 2016 г. практически отсутствовала. Поправки на «скрытую» безработицу играли весьма существенную роль только в первые несколько лет проведения экономических и социальных реформ в России, а в более поздние годы проведения опросов RLMS-HSE они были незначительными.

В 2016 г. замедление экономического роста в России и другие кризисные явления продолжали влиять на российский рынок труда. Вместе с тем снижение уровня безработицы свидетельствовало о том, что бизнес в конечном счете приспособился к экономическим реалиям, а работодатели стали более взвешенно подходить к решению кадровых вопросов. Они полнее, чем во время предыдущего кризиса, осознавали ценность кадровых ресурсов и стремились максимально их сохранить. Большинство компаний не проводили значительных сокращений численности персонала и реже, чем в предыдущие годы экономического кризиса, прибегали

к тактике избавления от «лишних работников». Безусловно, что часть компаний прибегала к сокращению персонала, но в основном это касалось лишь отдельных направлений. Снижению уровня безработицы активно способствовал плавающий курс рубля, поддерживающий отечественных производителей. В результате у предприятий не было необходимости массово сокращать персонал, как в предыдущие кризисы. Сказывался и демографический фактор: количество рабочих мест сокращалось медленнее, чем численность экономически активного населения.

Помимо общих сведений об уровне безработицы в таблице 9 приведены также данные RLMS-HSE относительно длительности периодов безработицы (исключая скрытую безработицу). Эти данные показывают, что в структуре безработицы в течение 2016 г., как и годом ранее, существенных изменений не произошло. В декабре 2016 г. доля «длительной» безработицы, продолжительностью свыше 3 месяцев, составила 67,7%, т. е. только на 1 п.п. больше, чем в декабре 2015 г. Доля «краткосрочной» безработицы (продолжительностью до одного месяца) уменьшилась всего лишь на 0,4 п.п. — с 10,6% в декабре 2015 г. до 10,2% в декабре 2016 г., а доля «среднесрочной» безработицы продолжительностью от одного до трех месяцев сократилась за последний год — соответственно с 22,7 до 22,1%, т. е. на 0,6 п.п. Более значительными различия в структуре безработицы были только в 1990-х гг. Так, в 1998 г. на долю «длительной» безработицы приходилось 74%, тогда как на долю «краткосрочной» — только 5,4%.

На рис. 13 представлены данные RLMS-HSE, которые демонстрируют динамику уровня безработицы (официальной и скрытой) отдельно для мужчин и для женщин за 1992–2015 гг. Приведенные сведения показывают, что различия в уровне безработицы между мужчинами и женщинами проявляются только при сопоставлении данных об официальной безработице, тогда как сведения по скрытой безработице настолько малы, что выявить какие-либо существенные различия не представляется возможным.

Рис. 13. Уровень безработицы среди мужчин и женщин, 1992–2016 гг., %

Анализ данных показал, что если в 2014–2015 гг. уровень безработицы как среди мужчин, так и среди женщин повышался, то в 2016 г. — только снижался. Если в 2014 г. темпы роста безработицы среди мужчин были выше, чем среди женщин, то в 2015 г. наблюдалась противоположная картина. Так, с декабря 2013 г. по декабрь 2014 г. официальная безработица среди мужчин выросла с 3,8 до 5,1%, т. е. на 1,3 п.п., в то время как среди женщин — с 4,2 до 4,4%, т. е. на 0,2 п.п. В конце 2015 г. был отмечен новый рост: у мужчин — до 5,4%, т. е. на 0,3 п.п., тогда как у женщин — до 5,7%, т. е. на 1,3 п.п. Однако в декабре 2016 г. было выявлено падение уровня безработицы среди мужчин на 1,4 п.п. — до 4%, тогда как среди женщин — всего лишь на 0,1 п.п. — до 5,6%. В результате этих изменений уровень безработицы среди женщин стал превышать уровень безработицы среди мужчин на 1,6 п.п.

По данным Росстата численность рабочей силы (экономически активного населения) в возрасте 15–72 лет в декабре 2016 г. составила 76,9 млн человек или 52% общей численности населения страны. В численности рабочей силы 72,8 млн человек классифицировались как занятые экономической деятельностью и 4,1 млн человек — как безработные с применением критериев МОТ (т. е. не имели работы или доходного занятия, искали работу и были готовы приступить к ней в обследуемую неделю). Уровень безработицы (отношение численности безработных к численности рабочей силы) в декабре 2016 г. составил 5,3% (без исключения сезонного фактора). Численность безработных в декабре 2016 г. по сравнению с декабрем 2015 г. уменьшилась на 322 тыс. человек или на 7,3%. Общая численность безработных, классифицируемых в соответствии с критериями МОТ, в 4,6 раза превышала численность безработных, зарегистрированных в государственных учреждениях службы занятости населения. В конце декабря 2016 г. в государственных учреждениях службы занятости населения состояло на учете в качестве безработных 895 тыс. человек, что было на 10,6% меньше по сравнению с декабрем 2015 г. Среди безработных (по методологии МОТ) доля женщин в декабре 2016 г. составляла 48,3%, городских жителей — 64,2%, молодых людей в возрасте до 25 лет — 23,3%, лиц, не имеющих опыта трудовой деятельности — 24,6%. Уровень безработицы среди сельских жителей (8,1%) превышал уровень безработицы среди городских жителей (4,5%) в 1,8 раза. Среди безработных доля лиц, оставивших прежнее место работы в связи с высвобождением или сокращением численности работников, ликвидацией предприятия, организации или собственного дела, составляла 17%, а в связи с увольнением по собственному желанию — 25,4% (в декабре 2015 г. соответственно 20,6 и 25,5%).

Дальнейший анализ данных RLMS-HSE показал, что в прошедшем году проблема долгов по заработной плате, несмотря на экономический кризис, в России продолжала ослабевать. В декабре 2016 г. по сравнению с декабрем 2015 г. удельный вес респондентов, работавших в течение последнего месяца, но не получивших заработка, уменьшился с 1,9 до 1,6%, достигнув нового минимума за все время наблюдений в рамках мониторинга. Если с 1992 г. по 1996 г. доля таких работников выросла почти в 4 раза — с 5,8 до 21,4%, то к концу 2016 г. она существенно сократилась более чем в 13 раз.

Две нижние строки [таблицы 9](#) демонстрируют величины оборота рабочей силы и профессиональной мобильности. Из них, в частности следует, что в 2016 г. только 9,5% (2015 г. — 9,7%) работающих россиян сообщили, что сменили свое

место работы, а 6,6% (2015 г. — 6,2%) занятых указали, что поменяли свою профессию. В результате этих изменений удельный вес работников, заявляющих о смене места работы, достиг нового минимума. В целом, за 2002–2016 гг. доля работников, заявивших о смене места работы, поступательно сократилась на 3,6 п.п. — с 13,1 до 9,5%. В то же время доля работников, заявивших о смене профессии, за 2002–2015 гг. сократилась на 3,1 п.п. — с 9,3 до 6,2%, но в 2016 г. повысилась на 0,4 п.п. — до 6,6%.

Анализ данных мониторинга, которые характеризуют изменения уровня участия в рабочей силе (отношение численности рабочей силы к общей численности взрослого населения, выраженное в процентах), свидетельствует о постепенном снижении данного показателя в самые последние годы. Начиная с 1998 г. показатель участия в рабочей силе колебался границах узкого коридора значений, но начиная с 2010 г. он начал понемногу уменьшаться. За этот период он сократился на 1,5 п.п. — с 83,2 до 81,7%, в том числе за последний год на 0,6 п.п.

Заметим, что по данным Росстата, уровень занятости населения (отношение численности занятого населения к общей численности населения обследуемого возраста) в декабре 2016 г. составил 66%. Численность занятого населения в декабре 2016 г. увеличилась по сравнению с ноябрем на 159 тыс. человек, или на 0,2%, а по сравнению с декабрем 2015 г. — на 462 тыс. человек, или на 0,6%.

Данные RLMS-HSE, представленные на рис. 14, демонстрируют небольшое сокращение показателя участия в рабочей силе, как в отношении мужчин, так и в отношении женщин, выявленное в 2016 г. За последний год коэффициент участия в рабочей силе у мужчин уменьшился на 0,5 п.п. — с 85,2% в 2015 г. до 84,7% в 2016 г., тогда как у женщин — на 0,6 п.п. — с 79% в 2015 г. до 78,4% в 2016 г. В результате этих изменений разрыв между мужчинами и женщинами по данному показателю за последний год увеличился, но всего лишь на 0,1 п.п. — с 6,2 п.п. до 6,3 п.п. Заметим, что в предыдущие два года коэффициенты участи в рабочей силе мужчин и женщин менялись разнонаправлено: в 2014 г. они сближались, а в 2015 г. — расходились.

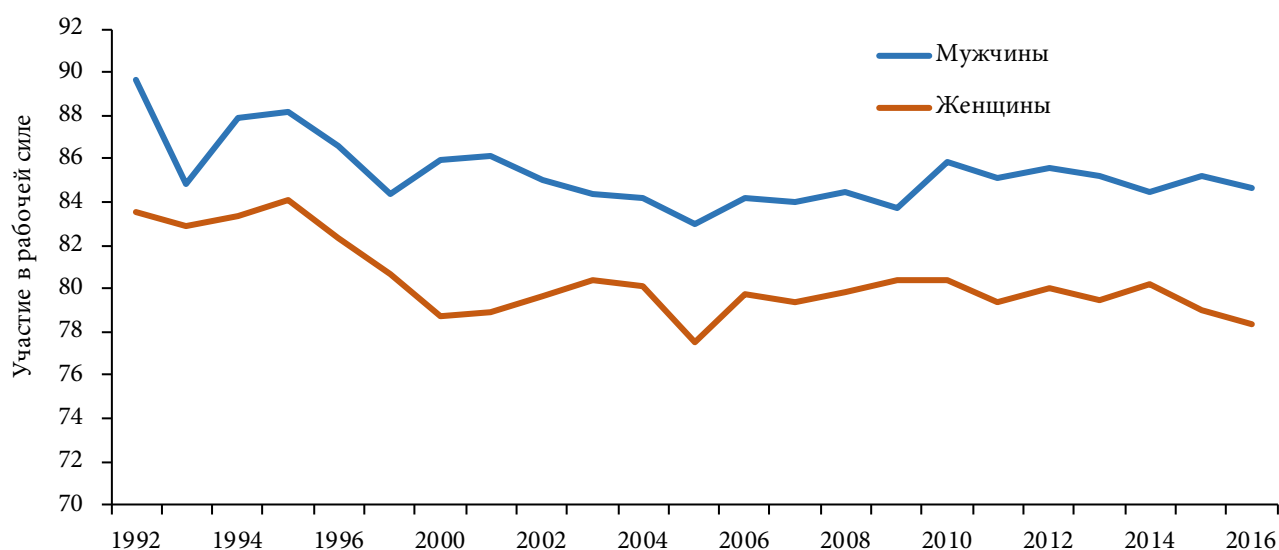

Рис. 14. Участие в рабочей силе населения работоспособного возраста (имеющих работу или ищущих ее), 1992–2016 гг., %

На рис. 15 приведены сведения RLMS-HSE о занятости мужчин и женщин, получающих пенсию, подавляющее большинство которых составляют люди пожилого возраста. За последний год доля занятых среди мужчин-пенсионеров увеличилась на 1,4 п.п. — с 19,3% в 2015 г. до 20,7% в 2016 г., тогда как доля занятых среди женщин-пенсионеров, наоборот, уменьшилась на 0,9 п.п. — с 25% в 2015 г. до 24,1% в 2016 г. И это было первое снижение за последние 7 лет. До этого, с 2010 г. по 2015 г. доля занятых среди женщин-пенсионеров последовательно выросла на 2,7 п.п. — с 22,3 до 25%. Что касается мужчин-пенсионеров, то количество работающих среди них в последние годы менялось разнонаправленно и менее существенно. В итоге, после самых последних изменений, разница по данному показателю между мужчинами-пенсионерами и женщинами-пенсионерами сократилась с 5,7 п.п. в 2015 г. до 3,4 п.п. в 2016 г.

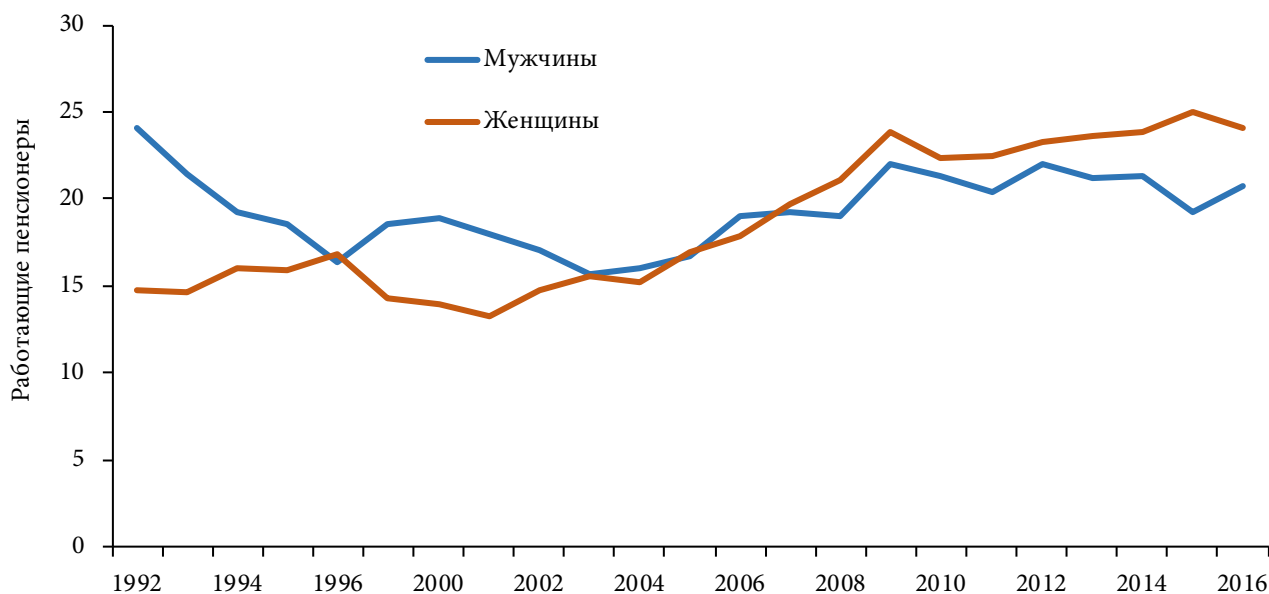

Рис. 15. Процент работающих пенсионеров, 1992–2016 гг.

Таким образом, в 2016 г. по сравнению с предыдущим годом ситуация с безработицей в России получила позитивную динамику. Если в предшествующие два года уровень безработицы среди мужчин и женщин повышался, то в 2016 г. только снижался. При этом безработица среди женщин была выше, чем среди мужчин. Как и в предыдущие годы, более высокую заинтересованность в сохранении работы и продолжении трудовой деятельности среди населения трудоспособного возраста демонстрировали мужчины, тогда как среди пенсионеров — женщины. Несмотря на экономический кризис, продолжала терять свою остроту проблема долгов по заработной плате.

Некоторые другие социально-экономические аспекты

В настоящем разделе представлены данные мониторинга, позволяющие прояснить ряд важных вопросов, характеризующих изменение уровня жизни россиян. К ним относятся сведения о невыплатах заработной платы, пенсионных выплатах, гендерных различиях в размере и источниках заработков, задолженности по квартплате и оплате коммунальных услуг.

Невыплаты заработной платы

Согласно данным RLMS-HSE, за последний год число работников, имеющих определенную задолженность по заработной плате на основной работе, и суммы этой задолженности уменьшились. Как следует из рис. 16, если с 2014 г. по 2015 г. доля работников, не полностью получающих заработную плату, увеличилась на 0,3 п.п. — с 2,5 до 2,8%, то в 2016 г. она уменьшилась на 1 п.п. — до 1,8%. Такой низкой доля работников, имеющих задолженность по заработной плате, за весь постсоветский период не была еще никогда.

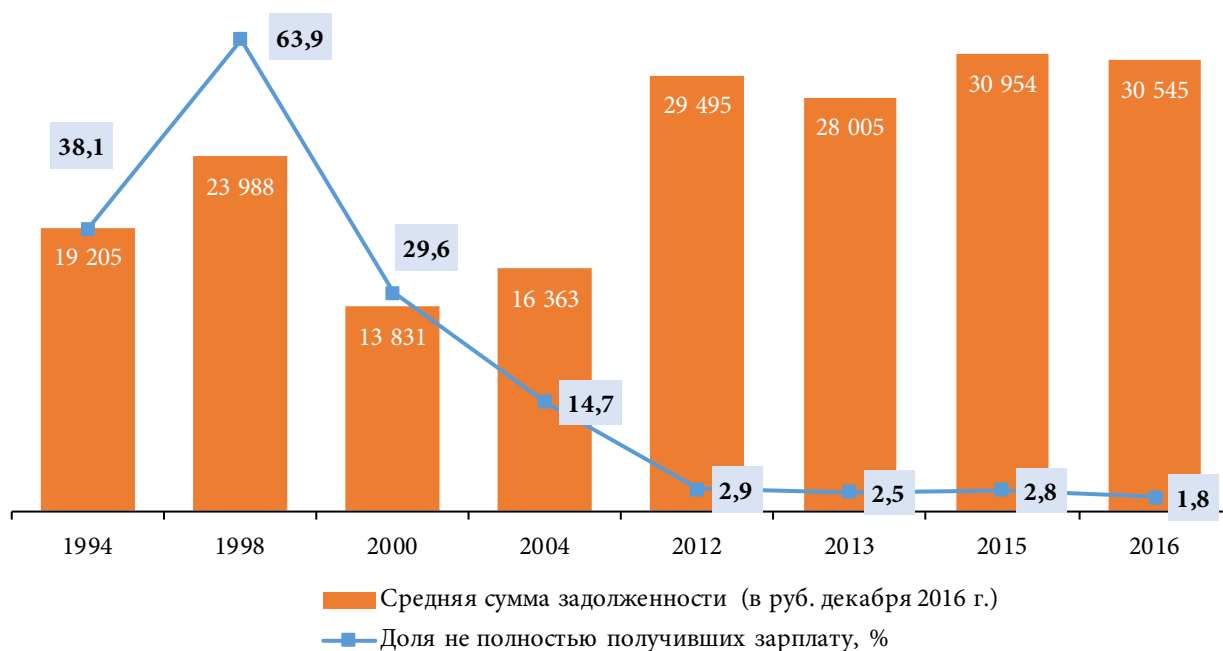

Рис. 16. Невыплаты заработной платы основным работодателем трудоспособному населению, 1994–2016 гг.

По сравнению с 1990-ми гг., когда долги по заработной плате были у двух третей работников предприятий и организаций, в современной России эта проблема не выглядит сверхэкстремальной. В декабре 2016 г. она затрагивала сравнительно небольшую часть работающего населения. Вместе с тем взыскать долги по заработной плате с предприятий-должников было очень трудно из-за отсутствия у них достаточных финансовых средств. Снизить проблему долгов по зарплате помогало ужесточение законодательства, предусматривающего повышение ответственности работодателей за невыплаты заработной платы. С 3 октября 2016 г. вступил в силу Федеральный закон от 03.06.2016 № 272-ФЗ. С этой даты начала действовать новая редакция статьи 136 Трудового кодекса, предусматривающая, что работодатель обязан выдавать работникам заработную плату не позднее 15 числа месяца, следующего за отработанным.

Довольно существенными были в 2016 г. также изменения в сроках задолженности по заработной плате. Об этом свидетельствуют данные мониторинга, представленные в таблице 10.

Таблица 10

**Невыплаты зарплаты основным работодателем трудоспособному населению,
1994–2016 гг., в руб. декабря 2016 г.***

	Процент, не полностью получивших зарплату	Распределение работников по сроку задолженности, %				Средняя сумма задолженности (если имеется)
		1 месяц и менее	1–2 месяца	2–3 месяца	Больше 3-х месяцев	
1994						
Мужчины	40,3	35,6	29,6	16,9	18,0	24 954
Женщины	35,8	41,6	25,4	14,9	18,1	12 871
Всего работников	38,1	38,3	27,7	16,0	18,0	19 205
1998						
Мужчины	65,1	19,4	19,3	18,7	42,6	32 153
Женщины	62,8	21,2	21,0	17,0	40,7	16 541
Всего работников	63,9	20,3	20,2	17,8	41,7	23 988
2000						
Мужчины	33,1	38,0	18,9	10,8	32,4	16 740
Женщины	25,9	46,3	21,8	9,1	22,8	9968
Всего работников	29,6	41,5	20,1	10,1	28,3	13 831
2004						
Мужчины	16,8	42,1	26,9	12,9	18,1	19 212
Женщины	12,6	54,0	22,7	13,2	10,1	12 748
Всего работников	14,7	47,2	25,1	13,0	14,7	16 363
2012						
Мужчины	3,6	56,3	18,4	10,8	14,5	32 730
Женщины	2,1	50,8	13,5	16,7	19,0	23 231
Всего работников	2,9	54,5	16,8	12,8	16,0	29 495
2013						
Мужчины	3,2	56,1	21,0	11,5	11,4	32 475
Женщины	1,8	62,6	23,7	2,5	11,2	19 702
Всего работников	2,5	58,3	21,9	8,4	11,3	28 005
2015						
Мужчины	3,1	52,8	26,6	10,3	10,3	35 400
Женщины	2,5	64,5	19,8	8,9	6,8	23 832
Всего работников	2,8	57,6	23,8	9,7	8,9	30 954
2016						
Мужчины	1,9	76,9	9,2	7,2	6,7	36 678
Женщины	1,8	80,2	7,0	3,2	9,6	20 719
Всего работников	1,8	78,2	8,3	5,6	7,8	30 545

*Мужчины в возрасте 18–60 лет, женщины в возрасте 18–55 лет.

Прежде всего бросается в глаза заметное сокращение общих сроков задержки зарплаты, на что указывает увеличение доли лиц, которым зарплата, задерживалась на 1 месяц и менее и увеличение удельного веса тех, кому зарплата задерживалась на большие сроки. Среди всех, кто не полностью получали заработную плату, доля лиц, которым зарплата задерживалась на 1 месяц и менее, уменьшилась с 58,3% в 2014 г. до 57,6% в 2015 г., тогда как в 2016 г. она увеличилась до 78,2%, т. е. сразу на 20,6 п.п. В то же время доля тех, кому зарплата задерживалась на 1–2 месяца, после небольшого увеличения с 21,9% в 2014 г. до 23,8% в 2015 г., в 2016 г. упала почти в 3 раза — до 8,3%. Доля лиц, которым зарплата задерживалась на 2–3 месяца, после увеличения с 8,4% в 2014 г. до 9,7% в 2015 г., в 2016 г. уменьшилась до 5,6%, т. е. на 4,1 п.п. Что касается тех, кому зарплата задерживалась на максимальный срок, составляющий больше 3 месяцев, то их доля среди имеющих непогашенную задолженность только сокращалась: с 11,1% в 2014 г. до 8,9% в 2015 г. и далее до 7,8% в 2016 г.

Примечательно, что изменение средней суммы задолженности по заработной плате было подвержено тем же тенденциям, которые были характерны для изменения доли лиц, не полностью получавших зарплату. Так, в 2014 г. по сравнению с 2013 г. средняя сумма задолженности на заработной плате уменьшилась почти на 5%, тогда как в 2015 г. по сравнению с 2014 г. она увеличилась сразу на 10,5%, а в 2016 г. по сравнению с 2015 г. — вновь уменьшилась, но только лишь на 1,3%.

В 2016 г. женщинам по-прежнему зарплату задерживают реже, чем мужчинам. Но разрыв между ними сократился до минимума. С 2014 г. по 2015 г. доля мужчин, не полностью получивших заработную плату на основном месте работы, уменьшилась с 3,2 до 3,1% и далее в 2016 г. — до 1,9%. В то же время аналогичная доля женщин поднялась с 1,8% в 2014 г. до 2,5% в 2015 г., но в 2016 г. она также уменьшилась до 1,8%. Кроме того, женщинам чаще, чем мужчинам задерживали зарплату на короткие сроки и на меньшие суммы. В 2016 г. доля лиц, которым заработная плата задерживалась на 1 месяц и менее, среди женщин, не получивших вовремя заработную плату, была на 3,3 п.п. больше, чем среди мужчин данной категории — соответственно 80,2 и 76,9%, тогда как суммарная доля тех, у кого срок задержки составлял 1–2 месяца и 2–3 месяца, среди женщин была на 6,2 п.п. меньше, чем среди мужчин — соответственно 10,2 и 16,4%. Обращает на себя внимание то, что среди женщин, имеющих непогашенную задолженность, была выше доля лиц, которым заработная плата задерживалась на максимальный срок, составляющий больше 3 месяцев — 9,6% против 6,7% среди мужчин, имеющих зарплатную задолженность.

Что касается средних сумм задолженностей, то они менялись по-разному. Так, если с 2013 г. по 2014 г. средняя сумма задолженности по заработной плате уменьшилась у мужчин на 0,8%, а у женщин — на 15,2%, то с 2014 г. по 2015 г. у мужчин она выросла на 9%, тогда как у женщин — почти на 21%. Вместе с тем в 2016 г. у мужчин был отмечен рост средней суммы задолженности на 3,6%, тогда как у женщин — сокращение на 13,1%. Примечательно, что, несмотря на такие значительные изменения, различие между мужчинами и женщинами в величине задолженности по заработной плате постоянно сохраняется на высоком уровне. Так, в 2014 г. средняя сумма задолженности по зарплате у мужчин была больше, чем у женщин почти в 1,6 раза, в 2015 г. — более чем в 1,5 раза, а в 2016 г. — почти в 1,7 раза.

Данные Росстата подтверждают, что в 2016 г. проблема задолженности по заработной плате не была угрожающей. Так, по данным официальной статистики, сумма просроченной задолженности в масштабах страны была небольшой. На 1 ноября 2016 г., по сведениям организаций (не относящихся к субъектам малого предпринимательства), суммарная задолженность по заработной плате по кругу наблюдаемых видов экономической деятельности составила 3790 млн руб. В подавляющем большинстве случаев это было связано с недостаточностью собственных средств организаций. При этом далеко не всегда в задержках заработной платы были виновны непосредственно работодатели. Нередко вина в этом лежала на муниципалитетах и региональных органах власти. Просроченная задолженность по заработной плате из-за отсутствия у организаций собственных средств достигала 3696 млн руб., или 97,5% общей суммы просроченной задолженности. Задолженность из-за несвоевременного получения денежных средств из бюджетов всех уровней составила 94 млн руб. В общем объеме просроченной задолженности по заработной плате 50% приходилось на обрабатывающие производства, 25% — на строительство, 6% — на сельское хозяйство, охоту и предоставление услуг в этих областях, лесозаготовки, 5% — на транспорт, 4% — на добычу полезных ископаемых. Объем просроченной задолженности по заработной плате составлял менее 1% месячного фонда заработной платы работников наблюдаемых видов экономической деятельности. Задолженность по заработной плате имелаась перед 70 тыс. человек (менее 1% работников по обследуемым видам экономической деятельности), из них 43% — работники обрабатывающих производств; 26% — строительства; 10% — сельского хозяйства, охоты и предоставления услуг в этих областях, лесозаготовок; 6% — производства и распределения электроэнергии, газа и воды; 4% — деятельности в области научных исследований и разработок; 3% — добычи полезных ископаемых.

Источники трудового дохода и гендерные различия

В [таблице 11](#) отражены данные RLMS-HSE о распределении мужчин и женщин трудоспособного возраста, имеющих трудовой доход, с разбивкой по источникам дохода (процент сообщивших о получении того или иного вида дохода). Представленные данные показывают, что в России, как и в других странах, женщины, как правило, получают более низкую заработную плату по сравнению с мужчинами и чаще подвержены риску бедности и малообеспеченности. Домашняя занятость оставляет женщинам меньше времени на повышение образования и устройства на высокооплачиваемую работу, что делает их менее защищенными по сравнению с мужчинами.

В 2016 г., как и во все предыдущие годы, мужчины превосходили женщин по доле получающих тот или иной вид дохода от трудовой деятельности и по величине среднего размера получаемого дохода от трудовой деятельности. Причем в 2015–2016 гг. этот разрыв после некоторого сокращения годом ранее вновь увеличился. Так, если в 2013 г. преобладание мужчин над женщинами по доле получающих доход от трудовой деятельности составляло 7,8 п.п. (78,7 против 70,9%), то в 2014 г. — только 5,5 п.п. (77,4 против 71,9%), но в 2015 г. — уже 6,9 п.п. (77,9 против 71%), а в 2016 г. — 9,4 п.п. (79,1 против 69,7%). Увеличение этого разрыва в 2016 г.

произошло главным образом за счет разнонаправленных изменений удельного веса работающих мужчин и женщин, получающих доход от трудовой деятельности. Если за последний год доля мужчин трудоспособного возраста, получающих доход от трудовой деятельности, увеличилась на 1,2 п.п., то аналогичная доля женщин уменьшилась на 1,3 п.п.

Таблица 11

**Источники доходов от трудовой деятельности трудоспособного населения,
1992–2016 гг. (месяц/год)***

	Даты сбора данных (месяц/год)						
	9/92	10/98	10/04	10/08	12/13	12/15	12/16
Мужчины							
Доход от работы на государственных предприятиях	64,2	31,6	30,9	31,2	32,3	29,1	29,9
Средний размер получаемого дохода**	16 328	9733	17 368	28 028	30 177	28 852	32 087
Доход от работы на частных или на предприятиях смешанной формы собственности	15,7	20,9	32,9	38,4	40,2	42,0	42,5
Средний размер получаемого дохода**	15 342	12 120	23 533	33 082	33 999	34 846	38 164
Доход от работы в неформальном секторе	2,4	10,0	12,4	9,0	8,6	9,0	9,2
Средний размер получаемого дохода**	24 176	5467	12 437	2924	18 641	20 803	22 449
Доход от трудовой деятельности	80,3	58,3	72,7	75,9	78,7	77,9	79,1
Средний размер получаемого дохода**	16 770	10 544	20 134	30 522	31 792	31 912	35 278
Женщины							
Доход от работы на государственных предприятиях	60,0	34,4	37,6	37,3	38,1	35,9	34,3
Средний размер получаемого дохода**	10 990	6307	10 653	17 711	21 627	21 976	24 160
Доход от работы на частных или на предприятиях смешанной формы собственности	9,7	17,5	26,0	30,2	30,5	32,0	31,9
Средний размер получаемого дохода**	10 886	9044	15 626	24 667	26 370	25 821	28 842
Доход от работы в неформальном секторе	1,8	5,9	6,6	5,5	4,6	5,6	5,9
Средний размер получаемого дохода**	14 576	2989	7878	14 851	12 007	11 429	13 140
Доход от трудовой деятельности	70,0	55,4	67,7	70,3	70,9	71,0	69,7
Средний размер получаемого дохода**	11 332	7102	12 670	21 136	23 711	23 640	26 231

*Мужчины в возрасте 18–60 лет, женщины в возрасте 18–55 лет.

**Средний размер получаемого дохода рассчитывается по доходу тех, кто имел доход (в рублях декабря 2016 г.)

Обращение к долгосрочным тенденциям показывает, что общим трендом для мужчин и женщин трудоспособного возраста длительное время было нарастание удельного веса лиц, получающих доход от трудовой деятельности. В целом, за 1998–2015 гг. доля респондентов с доходом от трудовой деятельности выросла у мужчин на 19,6 п.п. (с 58,3 до 77,9%); у женщин – на 15,6 п.п. (с 55,4 до 71%). Но в 2016 г. у мужчин был отмечен новый рост данного показателя, тогда как у женщин его снижение.

В 2016 г. вновь увеличилось преобладание мужчин над женщинами по доле лиц трудоспособного возраста, получающих доход от работы на частных предприятиях и предприятиях смешанной формы собственности, т. е. по доле занятых на предприятиях и в организациях, обеспечивающих своим работникам наиболее высокий доход. Так, в 2013 г. это превосходство составляло 9,7 п.п. (40,2 против 30,5%), в 2014 г. — только 8 п.п. (39,4 против 31,4%), в 2015 г. — 10 п.п. (42 против 32%), а в 2016 г. — 10,6 п.п. (42,5 против 31,9%). Из этих данных хорошо видно, что за последний год доля лиц, занятых на частных предприятиях и предприятиях смешанной формы собственности, среди мужчин трудоспособного возраста увеличилась на 0,5 п.п., обновив предыдущий максимум, тогда как аналогичная доля женщин уменьшилась на 0,1 п.п.

Примечательно и то, что среди опрошенных мужчин доля лиц, которые работали на предприятиях государственного сектора, за последний год увеличилась на 0,8 п.п. — с 29,1% в 2015 г. до 29,9% в 2016 г. В то же время среди женщин трудоспособного возраста доля лиц, занятых на государственных предприятиях, за этот год уменьшилась на 1,6 п.п. — с 35,9% в 2015 г. до 34,3% в 2016 г. В результате этих изменений преобладание женщин над мужчинами трудоспособного возраста по доле занятых на предприятиях государственного сектора несколько сократилось. Так, если в 2013 г. доля женщин, получающих доход от работы на государственных предприятиях, превышала аналогичную долю мужчин на 5,8 п.п., в 2014 г. — на 5,5 п.п., в 2015 г. — на 6,8 п.п., то в 2016 г. — только на 4,4 п.п.

Довольно устойчивым остается преобладание мужчин трудоспособного возраста над женщинами трудоспособного возраста по доле лиц, получающих доход от работы в неформальном секторе. В 2014 г. по сравнению с 2013 г. доля таких работников среди мужчин трудоспособного возраста сократилась с 8,6 до 8%, но в 2015 г. она выросла до 9%, а в 2016 г. — до 9,2%. В то же время доля лиц, занятых в неформальном секторе, среди женщин трудоспособного возраста увеличилась с 4,6% в 2013 г. до 4,8% в 2014 г., и далее до 5,6% в 2015 г. и до 5,9% в 2016 г. Таким образом, преобладание мужчин над женщинами по доле указанных респондентов в 2016 г. составило 3,3 п.п.

В России по-прежнему существует значительный разрыв в доходах между мужчинами и женщинами. Как известно, очень часто работая больше, женщины зарабатывают меньше мужчин. Разница между заработками мужчин и женщин наблюдается практически во всех отраслях экономики и среди работников разных специальностей. Сегодня встречаются лишь отдельные области занятости, где зарплаты женщин приближаются к мужским. Даже такой сектор женского доминирования, как образование, не отличается равными зарплатами для обоих полов.

Разница в заработках мужчин и женщин объясняется разными причинами, в том числе особенностями структуры экономики и занятости. Так, структура экономики России сейчас такова, что наибольшее количество рабочих мест на предприятиях и производствах, связанных с добычей полезных ископаемых и их переработкой, в связи с тяжелой работой, заняты мужчинами. А значит, и зарплата у них будет выше — за счет надбавок за вредные и тяжелые условия работы, ненормированный рабочий день. Но нередко причина разрыва в оплате труда оказывается далеко не только в том, что женщины в целом работают на менее оплачиваемых должностях. Даже на одних и тех же позициях мужчинам платят больше. Немаловажное значение имеет и то, что россияне в последнее время стали чаще обращаться к традиционным ценностям, в основе которых лежит доминирующая роль мужчины, и он же считает-

ся главным добытчиком в семье. При трудоустройстве женщины чаще соглашаются на меньшую зарплату и очень редко торгуются. Они чаще выбирают не высокий заработок, а коллектив, комфорт и стабильность.

Вместе с тем важно отметить, что в России отмечается высокая занятость женщин, в том числе на высокооплачиваемых должностях. Российские женщины отличаются высоким уровнем образования и составляют около половины от общей численности занятых в экономике. По данным официальной статистики, в 2016 г. среди лиц, занимающих высшие управленческие позиции, около 40% были женщины. Соблюдается гендерное равенство в назначении представительниц слабого пола на директорские посты – доля женщин-руководителей составляет 47,5%, что является одним из самых высоких показателей в Европе. Около 53% финансовых директоров – женщины, 28% женщин-руководителей возглавляют службы персонала и подразделения внутреннего контроля и аудита. На данный момент в России действует около 5,6 млн субъектов малого и среднего предпринимательства, из которых не менее 35% возглавляют женщины.

Согласно данным RLMS-HSE, в среднем российские женщины получают примерно на четверть меньше, чем мужчины. В 2016 г. средний размер дохода от трудовой деятельности, получаемого женщинами, составлял 74,4% от среднего дохода мужчин. Это было немного больше, чем 72,8%, зафиксированных в 2014 г., но лишь немного меньше, чем 74,1%, зафиксированных в 2015 г.

Длительное время наименьшими различия в заработках между мужчинами и женщинами были на предприятиях частного сектора и смешанной формы собственности. Вместе с тем в последние годы показатели соотношения доходов, получаемых мужчинами и женщинами от трудовой деятельности на частных и на государственных предприятиях, выровнялись.

Так, в 2014 г. и в 2015 г. средний размер дохода от трудовой деятельности на частных предприятиях и предприятиях смешанной формы собственности, получаемого женщинами, составлял около 74% от соответствующего дохода мужчин. Но в 2016 г. данный показатель немного вырос – приблизительно до 75%. В то же время на предприятиях государственного сектора это соотношение в 2014 г. составляло около 73%, а в 2015 г. и в 2016 г. – около 76%. Что касается неформального сектора, традиционно являющегося сферой женского доминирования, то здесь длительное время наблюдалось постепенное увеличение преобладания мужчин над женщинами по уровню доходов. Так, если в 2012 г. средний размер дохода, получаемого от работы в неформальном секторе, у женщин составлял около 69% от аналогичного дохода мужчин, то в 2013 г. данный показатель снизился до 64%, в 2014 г. – до 63%, а в 2015 г. – уже до 55%. И только в 2016 г. был выявлен небольшой рост до 59%.

Пенсии и невыплаты пенсий

На рис. 17 представлены данные RLMS-HSE относительно среднего размера пенсий и масштаба невыплаты пенсий мужчинам и женщинам в России с ноября 1993 г. Они, в частности, убеждают, что в последние годы проблема невыплат (задержек выплат) пенсий в стране практически отсутствует. Эта проблема была важным социально-экономическим фактором только лишь в 1996 г., когда более трети российских пенсионеров не получили пенсии за месяц, предшествующий опросу.

Рис. 17. Процент пожилых людей, не получивших пенсию за последний месяц, и средний размер ежемесячной пенсии для получающих пенсию, 1993–2016 гг., в руб. декабря 2016 г.

После небольшого снижения в 2006 г., в дальнейшем размер пенсий как для мужчин, так и для женщин в основном увеличивался. Особенно значительным этот рост был в период экономического кризиса 2008–2009 гг., когда государственные трансфертные выплаты рассматривались в качестве важнейшего фактора сохранения стабильности в стране. В 2014 г. средний размер пенсии для мужчин немного снизился, тогда как для женщин практически не изменился. В 2015 г. по сравнению с 2014 г. средний размер пенсии у мужчин увеличился на 8,2%, а в 2016 г. — еще на 16,2%. Что касается женщин, то в 2015 г. по сравнению с 2014 г. этот рост составил 6,6%, а в 2016 г. — уже 10,5%.

В результате изменений, произошедших в самые последние годы, средний размер пенсии для женщин немного приблизился к среднему размеру пенсии для мужчин, но не превзошел предыдущий максимум. Так, если в 2011 г. средний размер пенсии для женщин составлял 85,7% от среднего размера пенсии для мужчин, то в 2012 г. данный показатель уменьшился до 85,1% и в 2013 г. сохранился на том же уровне. В 2014 г. по сравнению с 2013 г. этот показатель увеличился до 86,1%, но в 2015 г. вновь уменьшился до 84,7%, т. е. на 1,4 п.п. И наконец, в 2016 г. было отмечено очередное увеличение до 86,1%.

Задолженность по квартплате и оплате коммунальных услуг

В таблице 12 приведены обобщенные сведения о распределении обследованных домохозяйств, имеющих задолженность по квартплате и/или коммунальным услугам, за 1995–2016 гг. Эти данные показывают, что в самые последние годы доля домохозяйств, имеющих задолженность по квартплате и/или коммунальным

услугам, колебалась в узком коридоре значений. Но при этом в 2016 г. количество семей, испытывающих трудности со своевременной оплатой услуг жилищно-коммунального хозяйства немного уменьшилось. Как следует из таблицы 12, за 2011–2013 гг. доля домохозяйств-должников уменьшилась с 8,1 до 6,5%, но с началом нового кризиса, который вызвал снижение уровня жизни россиян, она вновь выросла в 2014 г. до 7,2%. В 2015 г. по сравнению с 2014 г. эта доля вновь увеличилась до 8,4%, но затем в 2016 г. уменьшилась до 7,9%.

Таблица 12

Распределение домохозяйств, имеющих задолженность по квартплате и/или оплате коммунальных услуг, 1995–2016 гг.*

	Все домохозяйства	В том числе			
		Домохозяйства во главе с мужчиной работоспособного возраста	Домохозяйства во главе с женщиной работоспособного возраста	Домохозяйства во главе с мужчиной пенсионного возраста	Домохозяйства во главе с женщиной пенсионного возраста
1995					
Процент домохозяйств-должников	22,0	25,2	30,6	7,6	13,4
Сумма задолженности (если есть)	2524	2727	2640	1218	944
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги	1364	1599	1351	892	821
1998					
Процент домохозяйств-должников	37,5	43,1	43,4	19,6	24,9
Сумма задолженности (если есть)	4928	5655	4721	2107	1367
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги	1396	1748	1364	840	733
2004					
Процент домохозяйств-должников	16,3	19,3	23,8	3,7	7,2
Сумма задолженности (если есть)	10 883	11 959	10 708	1800	3335
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги	2766	3341	2772	1852	1512
2014					
Процент домохозяйств-должников	7,2	8,6	11,8	3,2	2,6
Сумма задолженности (если есть)	18 279	18 321	19 187	5251	24 706
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги	4624	5260	4996	3703	3351
2016					
Процент домохозяйств-должников	7,9	10,1	12,6	2,7	2,8
Сумма задолженности (если есть)	27 611	23 220	48 217	12 932	23 423
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги	5112	5719	5693	4378	3848

*Средние суммы месячной платы за жилье и коммунальные услуги и суммы задолженности указаны в рублях декабря 2016 г.

Что касается средней суммы задолженности российских домохозяйств по квартплате и/или оплате коммунальных услуг, то она в последние годы чаще росла. В частности, в 2012 г. по сравнению 2011 г. эта сумма выросла на 4%, в 2013 г. она вновь увеличилась на 3,2%, но в 2014 г. уменьшилась на 0,5%. В 2015 г. был выявлен новый относительно умеренный рост на 5,4%, а в 2016 г. резкий рост — на 43,3%. Таким образом, за два последних кризисных года средняя сумма задолженности российских домохозяйств по квартплате и/или оплате коммунальных услуг выросла более чем в 1,5 раза, а по сравнению с 1998 г. — в 5,6 раза.

В 2016 г. было выявлено также увеличение средней суммы месячной платы домохозяйств за жилье и коммунальные услуги. В 2014 г. по сравнению с 2013 г. произошло существенное уменьшение данного показателя, которое составило 3,4%, и дальнейшая его стабилизация на этом уровне в 2015 г. (зафиксирован исключительно символический рост на мизерные 0,1%). Но в 2016 г. средняя сумма месячной платы домохозяйств за жилье и коммунальные услуги резко выросла на 10,6%.

Самые высокие расходы на оплату жилья и/или коммунальных услуг как правило несут домашние хозяйства во главе с мужчинами трудоспособного возраста. С 2014 г. по 2016 г. средняя сумма таких расходов у домохозяйств, возглавляемых мужчинами трудоспособного возраста, выросла на 8,7%. За этот же период средняя сумма месячной платы за жилье и/или коммунальные услуги домохозяйств во главе с женщинами трудоспособного возраста увеличилась на 14%. Что касается домохозяйств во главе с мужчинами пенсионного возраста, то эти расходы выросли на 18,2%, а у домохозяйств, возглавляемых женщинами пенсионного возраста — на 14,8%.

В 2016 г. расходы на жилье и/или коммунальные услуги, которые несут домохозяйства во главе с мужчинами трудоспособного возраста, превышали расходы домохозяйств, возглавляемых женщинами трудоспособного возраста, только на 0,5%, что было гораздо меньше, чем превышение на 5,9%, зафиксированное годом ранее. В отношении домохозяйств, возглавляемых мужчинами пенсионного возраста, это превалирование в 2016 г. составило 30,6%, что было меньше, чем 37,3% в 2015 г. и 42,1% в 2014 г. Еще более существенным было это превышение при сопоставлении расходов на жилье и/или коммунальные услуги, которые несут домохозяйства во главе с мужчинами трудоспособного возраста, с аналогичными расходами домохозяйств, возглавляемых женщинами пенсионного возраста: 48,6% в 2016 г. против 48,7% в 2015 г. и 57% в 2014 г. Характерно также, что в 2016 г. у домохозяйств во главе с мужчинами пенсионного возраста расходы на жилье и/или коммунальные услуги были выше, чем у домохозяйств, возглавляемых женщинами-пенсионерами, на 13,8%.

Как правило, домохозяйства во главе с мужчинами или женщинами трудоспособного возраста гораздо чаще попадают в разряд должников по квартплате и/или оплате коммунальных услуг, чем домохозяйства, возглавляемые мужчинами или женщинами, достигшими пенсионного возраста. При этом, если в 2015 г. по сравнению с 2014 г. доля должников среди домохозяйств во главе с мужчиной трудоспособного возраста увеличилась на 2,2 п.п. — с 8,6 до 10,8%, то в 2016 г. она уменьшилась на 0,7 п.п. — до 10,1%. В то же время удельный вес должников среди домохозяйств во главе с женщиной трудоспособного возраста вырос в 2015 г. по сравнению с 2014 г. на 0,4 п.п. — с 11,8 до 12,2%, но в 2016 г. уменьшился на

0,2 п.п. — до 12,6%. Среди домохозяйств, возглавляемых мужчинами-пенсионерами, рост доли должников составил с 3,2% в 2014 г. до 3,4% в 2015 г. и далее в 2016 г. снижение до 2,7%. И, наконец, среди домохозяйств во главе женщинами-пенсионерами удельный вес домохозяйств, имеющих задолженность по квартплате и/или оплате коммунальных услуг, увеличился в 2015 г. по сравнению с 2014 г. с 2,6 до 3,1%, а в 2016 г. уменьшился до 2,8%.

Средние суммы задолженности домохозяйств по оплате жилья и/или коммунальных услуг меняются от года к году на значительную величину. Так, в 2016 г. по сравнению с 2014 г. у домохозяйств во главе с мужчинами трудоспособного возраста средняя сумма задолженности выросла на 26,7%; у домохозяйств во главе с женщинами трудоспособного возраста — на 51,3%; у домохозяйств, возглавляемых мужчинами пенсионного возраста — на 46,3%. И только у домохозяйств, возглавляемых женщинами пенсионного возраста, было отмечено небольшое сокращение средней задолженности по оплате жилья и/или коммунальных услуг за указанный период на 5,2%.

Представляет интерес тот факт, что в 2016 г. средняя сумма задолженности по оплате жилья и/или коммунальных услуг самой высокой была у домохозяйств во главе с женщинами трудоспособного возраста, более чем вдвое превышая аналогичные суммы задолженности домохозяйств, возглавляемых как мужчинами трудоспособного возраста, так и женщинами пенсионного возраста. А самой низкой средняя сумма задолженности по оплате жилья и/или коммунальных услуг была у домохозяйств, возглавляемых мужчинами-пенсионерами. Эта сумма была в 3,7 раза меньше, чем у домохозяйств во главе с женщинами трудоспособного возраста.

Удовлетворенность жизнью и оценка жизненных перспектив

Прошедший 2016 г. запомнился большинству граждан России как очередной год глубокого экономического кризиса. В непростой экономической ситуации многим вновь пришлось менять свои финансовые планы, экономить на самом необходимом, в очередной раз пересматривать свои текущие расходы в сторону их сокращения. Как показывали исследования Института социологии РАН, в списке самых сложных или наиболее острых проблем, которые беспокоили население, по-прежнему лидировали бедность и угроза безработицы. Здоровоохранение стало самым насущным вопросом для пенсионеров, которые жаловались на дороговизну лекарств, отсутствие в больницах бесплатных препаратов. Но в то же время все кризисные события в 2016 г. проходили на фоне достаточно высокой поддержки населением антикризисных мер. И хотя эта поддержка постепенно ослабевала по мере продолжения экономического спада, нарастания нестабильности и неопределенности, большинство по-прежнему считало, что страна движется в правильном направлении.

В ходе анализа данных RLMS-HSE в 2016 г. было выявлено новое, но сравнительно небольшое снижение уровня удовлетворенности россиян своей жизнью. Вместе с тем, несмотря на это, тех россиян, которые выражали умеренный

оптимизм было больше, чем тех, кто демонстрировали умеренный пессимизм. Как следует из данных, приведенных в таблице 13, в декабре 2016 г. по сравнению с декабрем 2015 г. доля россиян, полностью или скорее удовлетворенных своей жизнью в целом, уменьшилась на 1,5 п.п. — с 49,6 до 48,1%. Это сокращение было практически полностью компенсировано увеличением доли респондентов, выбравших промежуточный вариант ответа «и да, и нет» — с 23,3 до 24,7%. При этом доля лиц, в той или иной степени недовольных своей жизнью в целом, увеличилась с 26,4 до 26,7%. В целом с декабря 2013 г. по декабрь 2016 г., т. е. за период, в течение которого россияне постоянно ощущали на себе последствия тяжелого экономического кризиса, доля респондентов, в большей или меньшей степени удовлетворенных своей жизнью, уменьшилась на 4,3 п.п. — с 52,4 до 48,1%, тогда как доля тех, кто были в той или иной мере недовольны своей жизнью, увеличилась на 2,3 п.п. — с 24,4 до 26,7%. Но даже несмотря на все отмеченные негативные изменения, в конце 2016 г. довольных своей жизнью в стране было почти вдвое больше, чем недовольных.

Во многом это объясняется тем, что по мере углубления экономического кризиса изменилось восприятие людьми разного рода сложных проблем. Поэтому сохранение текущего довольно сдержанного оптимизма в крайне сложной ситуации невозможно объяснить только рациональными мотивами. Долгосрочный характер нынешнего кризиса, в отличие от предыдущих, дал время привыкнуть к сложной и малопредсказуемой ситуации. При этом в новых условиях главным для многих россиян стало отсутствие наиболее сильных потрясений.

Население постепенно приспосабливалось к динамично обновляющейся экономической ситуации, к необходимости постоянной экономии, к отказу от необходимых покупок и использованию сбережений. Сложная экономическая ситуация становилась не просто знакомой, а привычной и поэтому воспринималась не особенно болезненно. Граждане России накопили определенный опыт повседневного функционирования в условиях нового кризиса, что вместе с рядом других факторов сглаживало их беспокойство по поводу происходящего¹. Многие россияне, независимо от того, как протекала их жизнь, были склонны рассматривать неблагоприятную ситуацию, в которой они оказались, как временное явление, которое следует пережить, перетерпеть, не прилагая серьезных усилий для того, чтобы приспособиться к изменившимся условиям жизни. У людей не было ни целостной стратегии, ни внятных ответов на множащиеся вопросы. Откладывая принятие стратегических решений до лучших времен, люди продолжали решать повседневные проблемы, стараясь адекватно реагировать на те или иные ситуативные факторы.

Примечательно, что, несмотря на усиление экономических трудностей, в среде пожилых людей, по-прежнему преобладали позитивные настроения. В 2016 г., как и годом ранее, были полностью удовлетворены и скорее удовлетворены своей жизнью около 43% опрошенных пенсионеров, тогда как были совсем не удовлетворены или не очень удовлетворены — немногим более 32% респондентов данной категории. Хотя при этом нельзя не отметить, что уровень удовлетворен-

¹ Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М.: Весь Мир, 2017. С. 13–14.

ности своей жизнью в целом у пенсионеров, подавляющее большинство которых получают трудовую пенсию по старости, по возрасту, включая досрочные пенсии по старости за работу в особых условиях труда или в районах Крайнего Севера, был существенно ниже, чем у респондентов, не получающих пенсию. Так, среди респондентов, не относящихся к категории пенсионеров, доля лиц, в той или иной мере удовлетворенных своей жизнью, достигала 51,8%, тогда как доля недовольных собственной жизнью была в 2,3 раза меньше – только 22,6%.

Таблица 13

Удовлетворенность своей жизнью в целом, 1994–2016 гг. (месяц/год), %

Оценка	Даты сбора данных (месяц/год)											
	10/94	11/98	10/00	10/02	10/04	10/06	10/08	12/10	12/12	12/14	12/15	12/16
Полностью удовлетворены	3,6	2,2	3,8	6,9	5,2	7,0	6,7	9,0	9,1	9,3	8,4	7,8
Скорее удовлетворены	10,8	9,7	13,8	26,7	30,3	29,8	36,1	37,0	43,0	42,0	41,2	40,3
И да и нет	20,5	18,0	22,1	23,9	24,1	23,3	22,0	22,8	21,6	22,7	23,3	24,7
Не очень удовлетворены	40,2	33,4	36,6	30,6	28,8	27,4	24,2	22,2	19,4	18,6	19,3	19,6
Совсем не удовлетворены	23,6	35,9	22,7	11,5	11,1	12,0	10,3	8,3	6,4	6,4	7,1	7,1
Затруднились ответить	1,3	0,8	1,0	0,4	0,5	0,5	0,7	0,7	0,5	1,0	0,7	0,5

Как и в прошлом году, экономический кризис мало отразился на общем уровне социального самочувствия молодежи. Так, если в 2013–2015 гг. доля респондентов, в большей или меньшей степени удовлетворенных своей жизнью в целом, среди молодых людей в возрасте 14–29 лет составила около 63%, то в 2016 г. – 60,8%, т. е. на 2,2 п.п. меньше. Не удовлетворены своей жизнью были в 2016 г. только 15,9% опрошенных молодых людей. При этом среди респондентов более старшего возраста уровень удовлетворенности своей жизнью был существенно ниже. В 2016 г. удельный вес лиц, в той или иной мере довольных и недовольных своей жизнью, среди респондентов этой категории составил соответственно 44,7 и 29,5%.

Население, принявшее на себя значительную, если не основную часть негативных последствий экономического кризиса, испытывало все большие материальные трудности. Увеличилось количество россиян, которые считали, что они или их семьи довольно серьезно пострадали от кризиса. Представители более обеспеченных слоев полагали, что кризис коснулся их гораздо более ощутимо, чем в 2008–2009 гг., а представители малообеспеченных слоев всерьез даже стали беспокоиться, что уровень и качество жизни их семей уже никогда не будет таким, как в период так называемого восстановительного экономического роста в начале 2000-х гг.

Именно этим во многом объясняется резкое снижение уровня удовлетворенности россиян своим материальным положением. Как следует из рис. 18¹, в 2015 г. по сравнению с 2014 г. доля респондентов, которые были полностью или

¹ Вопрос «Скажите, пожалуйста, насколько вы удовлетворены своим материальным положением в настоящее время?» задавался с 2000 г.

скорее удовлетворены своим нынешним материальным положением, сократилась с 26,3 до 23,8% и затем в 2016 г. — до 20,2%. В то же время доля тех, кто были в той или иной степени недовольны материальной стороной своей жизни, выросла с 54,6% в 2014 г. до 58% в 2015 г. и далее в 2016 г. — до 60,7%. В итоге количество респондентов, недовольных материальной стороной своей жизни, стало превышать число, удовлетворенных своим материальным положением, более чем в 3 раза.

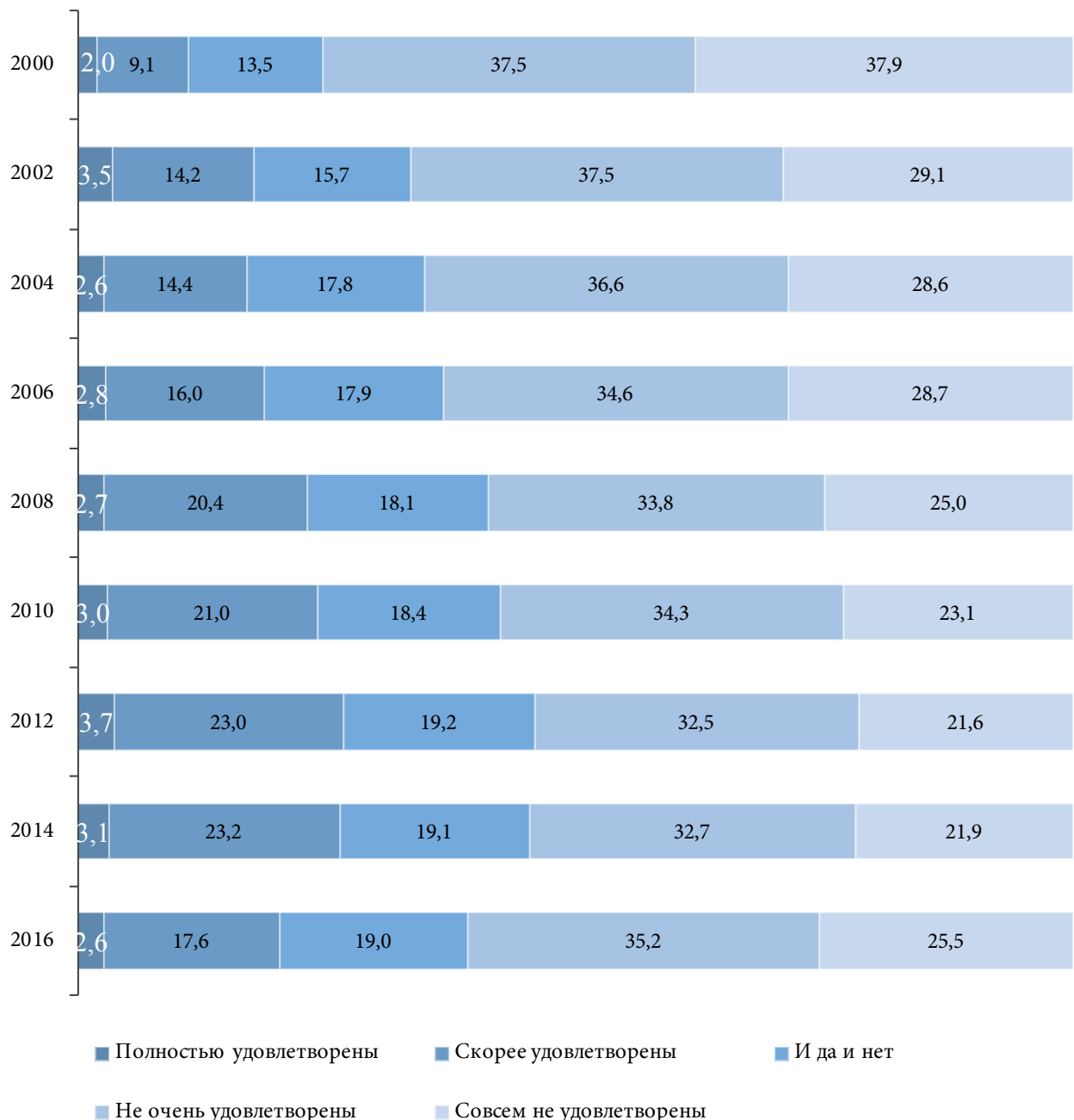

Рис. 18. Удовлетворенность своим материальным положением, 2000–2016 гг., %

Не менее значительными оказались сдвиги в самооценках изменения материального положения семей респондентов за последние 12 месяцев, о которых позволяют судить сведения, представленные на рис. 19¹. Данные мониторинга показывают, что удельный вес респондентов, заметивших то или иное ухудше-

¹ Вопрос «Скажите, пожалуйста, как изменилось материальное положение вашей семьи за последние 12 месяцев?» задавался с 2001 г.

ние материального положения своей семьи, увеличился с 23% в 2014 г. до 31,8% в 2015 г. и в 2016 г. сохранился приблизительно на том же уровне – 31,5%. В то же время доля тех, кто указал на улучшение материального положения, снизилась с 20,4% в 2014 г. до 16% в 2015 г. и до 15,4% в 2016 г. В целом за последние два года доля россиян, заметивших снижение уровня материального благосостояния своих семей, увеличилась почти в полтора раза или на 8,5 п.п., тогда как доля тех, кто указывал на повышение материального достатка, снизилась более чем в полтора раза или на 5 п.п.

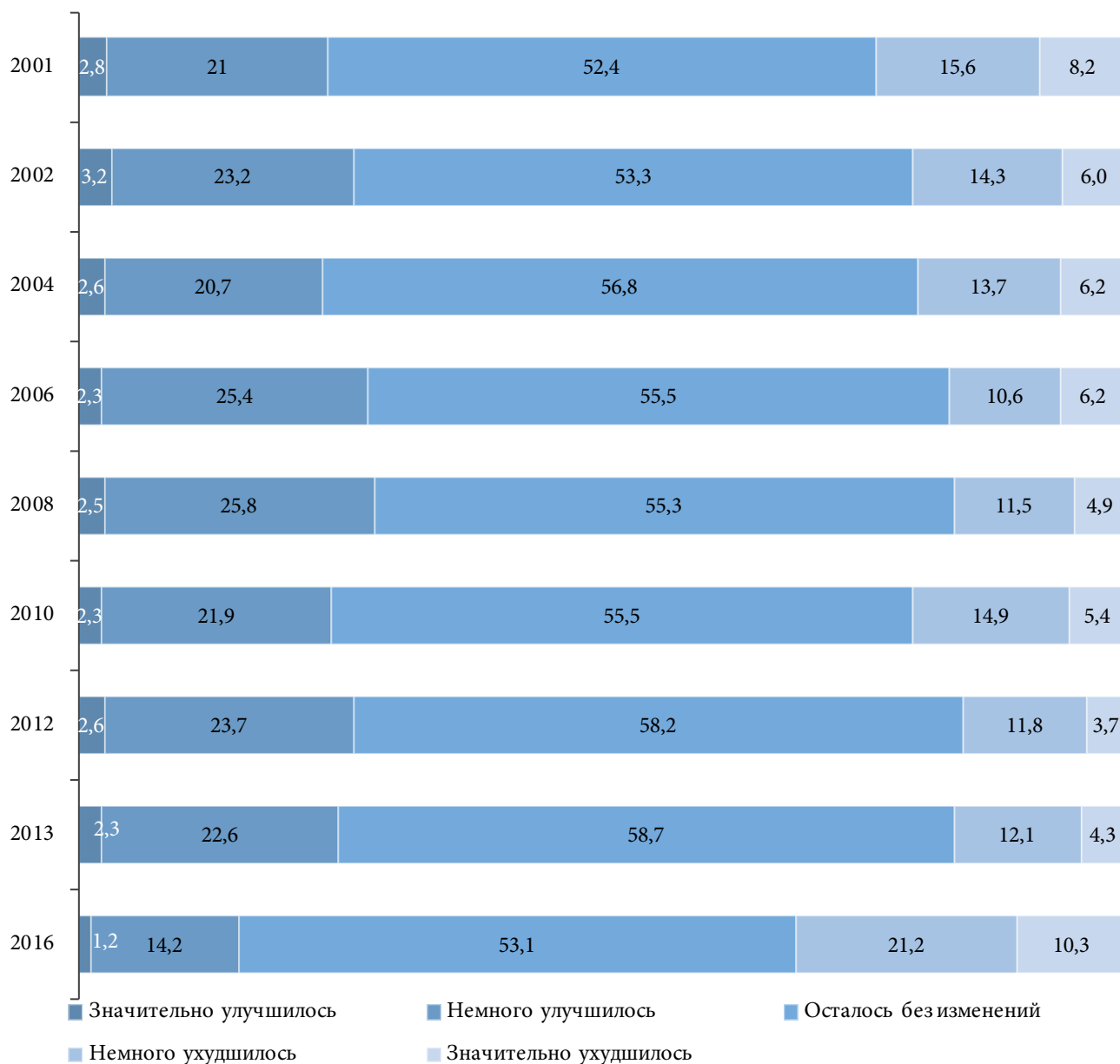

Рис. 19. Оценка изменения материального положения своей семьи за последние 12 месяцев, 2001–2016 гг., %

Нельзя пройти мимо и того факта, что свыше половины опрошенных россиян постоянно, из года в год не видят каких-либо значительных изменений в материальном положении своих семей. Большинство из них убеждены, что уровень их материального благосостояния остановился на низком уровне, соответствующем бедности или малообеспеченности. Но удельный вес таких респондентов

за последние годы все же уменьшился: с 58,7% в 2013 г. до 53,1% в 2016 г., т. е. на 5,6 п.п. Примерно такой же эта доля была уже в далеких 2001–2002 гг. В результате указанных сдвигов оценки респондентов изменения материального положения своей семьи достигли наихудших значений за все время измерения данного параметра, т. е. начиная с 2001 г.

На протяжении многих последних лет самооценки покупательских возможностей россиян выглядели достаточно противоречиво. Если по одним анализируемым направлениям отмечалось падение, то по другим, хотя и небольшой, но рост. Но в 2016 г. ситуация изменилась в лучшую сторону одновременно по всем направлениям. Об этом свидетельствуют данные RLMS-HSE, представленные на рис. 20, которые содержат обобщенные сведения, характеризующие оценки респондентами (к кому это относится) своих возможностей по приобретению дорогостоящих предметов и услуг (вопрос включен в «Вопросник для взрослых» в 2005 г.).

Эти данные демонстрируют, в частности, рост количества россиян, которые могут оплачивать учебу своих детей в каком-либо высшем учебном заведении. Так, если в 2015 г. по сравнению с 2014 г. доля респондентов, не потерявших способности оплачивать обучение своих детей в том или ином вузе (из числа тех, к кому это относится), снизилась на 6,7 п.п. — с 36,8 до 30,1%, то в 2016 г. она вновь выросла на 5,1 п.п. — до 35,2%. В результате была прервана достаточно длительная тенденция, снижения данного показателя, которая наблюдалась с 2010 г. В целом, за 2010–2015 гг. число россиян, которые способны платить за учебу своих детей в том или ином высшем учебном заведении, сократилось почти на 10 п.п. или на четверть.

Аналогичная картина наблюдалась и в отношении самооценок способности россиян покупать дорогие товары или откладывать деньги на крупные покупки, такие как легковой автомобиль, дача, мебель, ювелирные изделия и другие дорогостоящие предметы культурного и бытового назначения. Если с 2010 г. по 2015 г. доля таких респондентов уменьшилась на 2,7 п.п. — с 17 до 14,3%, то в 2016 г. она увеличилась на 3,6 п.п. — до 17,9%. За счет этого роста доля россиян, положительно оценивающих свои возможности по приобретению дорогих товаров, достигла максимального значения за все время измерения данного показателя, т. е. начиная с 2005 г.

Увеличилась также доля респондентов, указывающих, что они могут провести всей семьей отпуск за границей. С 2005 г. по 2014 г. доля таких респондентов выросла более чем в 2,5 раза — с 5,8 до 15,4%, но затем в 2015 г. она уменьшилась на 3,2 п.п. — до 12,2%. Однако в 2016 г. было выявлено увеличение доли респондентов, которые могут провести всей семьей отпуск за границей, на 1,6 п.п. — до 13,8%. Хорошо заметным оказался и рост доли опрошенных россиян, указавших, что их семьи способны радикально улучшить свои жилищные условия, т. е. купить квартиру, комнату, дом (часть дома), коттедж и т. п. В 2005–2015 гг. доля таких респондентов колебалась в пределах от 6,1 до 7,2%, но в 2016 г. выросла до 8,3%.

Представляет интерес также увеличение в 2016 г. доли респондентов, которые способны оплачивать дополнительные занятия своих детей в музыкальной школе, спортивной секции, изостудии, творческом кружке и т. п. С 2005 г. по 2013 г. удельный респондентов, представляющих такие домохозяйства, вырос на

12,7 п.п. — с 51,1 до 63,8%, но затем к концу 2015 г. уменьшился буквально за один год на 6,3 п.п. — до 57,5%. Однако в 2016 г. было выявлено новое увеличение до 61,1%, т. е. на 3,6 п.п.

Рис. 20. Оценка возможности по приобретению дорогостоящих предметов и услуг, 2005–2016 гг., в % к тем, к кому это относится

Кроме того, в 2016 г. подавляющее большинство респондентов, достигшее 86,8%, заявили, что, несмотря на ухудшение условий жизни в период экономического кризиса, могут как минимум через день употреблять в пищу мясо, курицу или рыбу.

Самоопределение респондентов в социальном пространстве в RLMS-HSE осуществляется в трех основных измерениях — по шкалам богатства (материального благосостояния), власти и уважения, которые включают 9 ступеней (от низшей до высшей). Ответы на идентификационные вопросы служат основанием для определения субъективных статусов, точнее, статусных характеристик, которые фиксируют положение людей на социальной лестнице и отражают переплетающиеся, но в то же время относительно автономные системы неравенства: собственности, власти и уважения.

Анализ данных, приведенных в таблице 14¹, показывает, что за 1998–2015 гг. доля респондентов, которые относят себя к бедным и малообеспеченным слоям населения, сократилась более чем в полтора раза или на 22 п.п. – с 59,5 до 37,5%, тогда как доля лиц, занимающих, по их же собственному мнению, ступени среднего уровня, выросла на 19,3 п.п. – с 38,7 до 58%, а доля респондентов, относящих себя к наиболее состоятельным слоям, увеличилась на 2,7 п.п. – с 1,8 до 4,5%.

Таблица 14

Распределение респондентов по уровням и ступеням шкалы материального благосостояния: текущие самооценки, 1994–2016 гг., в % от ответивших

Год	Уровни и ступени шкалы								
	Нижний уровень			Средний уровень			Верхний уровень		
	Низшая ступень	2-я ступень	3-я ступень	4-я ступень	5-я ступень	6-я ступень	7-я ступень	8-я ступень	Высшая ступень
1994	12,6	15,4	24,1	22,5	19,4	4,1	1,5	0,3	0,1
1995	14,2	16,6	22,7	20,9	19,3	4,6	1,4	0,3	0,1
1996	14,3	16,1	22,4	20,4	20,4	4,4	1,6	0,3	0,1
1998	16,8	19,0	23,7	19,2	16,7	2,8	1,2	0,4	0,2
2000	10,4	14,4	22,6	20,3	22,9	6,5	2,3	0,4	0,2
2001	6,9	11,3	23,1	25,0	23,8	6,5	2,4	0,5	0,3
2002	6,3	12,4	24,0	25,0	23,1	6,2	2,5	0,4	0,1
2003	6,7	13,0	23,5	25,5	21,9	6,0	2,5	0,5	0,5
2004	5,2	11,9	22,3	24,0	24,6	7,0	3,6	1,2	0,2
2005	4,6	12,6	22,6	24,6	23,5	7,2	3,7	1,0	0,2
2006	5,8	11,4	23,2	25,2	23,8	7,0	2,9	0,4	0,3
2007	5,0	12,5	22,4	24,3	23,8	8,2	3,0	0,7	0,1
2008	3,8	10,6	22,1	25,1	25,0	8,5	3,7	0,6	0,6
2009	3,6	10,9	23,6	25,8	24,0	8,1	3,3	0,5	0,2
2010	3,1	10,4	22,0	27,6	24,2	8,4	3,5	0,7	0,1
2011	4,1	11,1	21,9	24,5	23,7	9,7	4,2	0,7	0,1
2012	3,6	10,1	22,0	23,4	25,5	9,9	4,3	1,0	0,2
2013	4,6	10,5	21,4	22,8	24,5	10,7	4,5	0,7	0,3
2014	4,1	10,8	22,0	24,1	24,4	10,1	3,7	0,7	0,1
2015	4,4	10,7	22,4	23,8	23,3	10,9	4,0	0,4	0,1
2016	5,5	13,4	25,5	23,5	21,2	8,1	2,5	0,3	0,0

Эти изменения не всегда носили позитивный характер, но в тенденции наблюдалось улучшение самооценок своего материального положения. При этом за 2015 г. доля респондентов, занимающих ступени нижнего уровня шкалы матери-

¹ В таблице представлены ответы респондентов на вопрос: «Представьте себе, пожалуйста, лестницу из 9 ступеней, где на нижней, первой ступени стоят нищие, а на высшей, девятой – богатые. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня вы лично?». В ходе анализа полученных данных респонденты были распределены не только по ступеням, но и по трем иерархическим уровням материального благосостояния.

ального благосостояния, увеличилась на 0,6 п.п. — с 36,9 до 37,5%, тогда как доля респондентов, располагающихся на ступенях среднего уровня, уменьшилась на те же 0,6 п.п. — соответственно с 58,6 до 58%. В то же время удельный вес наиболее обеспеченных и богатых респондентов, располагающихся на трех верхних ступенях шкалы материального благосостояния, не изменился, остановившись на уровне 4,5%.

Вместе с тем в 2016 г. получили четко выраженное развитие негативные тенденции. В условиях непрекращающегося экономического кризиса, оказывающего возросшее давление на все слои населения страны, все больше россиян стали ощущать снижение уровня своего материально благосостояния и уровня благосостояния своих семей. Доля респондентов, занимающих три ступени нижнего уровня шкалы материального благосостояния, увеличилась на 6,9 п.п. — с 37,5% в 2015 г. до 44,4% в 2016 г. В то же время удельный вес респондентов, располагающихся на трех ступенях среднего уровня шкалы, уменьшился на 5,2 п.п. — с 58 до 52,8%, а доля тех, кто занял три ступени верхнего уровня шкалы, уменьшилась на 1,7 п.п. — с 4,5 до 2,8 п.п.

Данные мониторинга о распределении респондентов на основании самооценок по шкалам материального благосостояния («бедные» — «богатые»), власти («совсем бесправные» — «те, у кого большая власть») и уважения («совсем не уважают» — «очень уважают»), полученные в 2016 г., отражены на рис. 21.

В 2016 г. как и прежде, респонденты лишь немного чаще относили себя к людям, обладающим минимальной или незначительной властью, чем к бедным и малообеспеченным категориям населения. А наиболее высокими оставались самооценки своего положения на шкале уважения. В 2016 г. 43,3% респондентов (2015 г. — 47%) расположили себя на трех верхних ступенях этой шкалы, соответствующих наиболее высокому уровню уважения со стороны окружающих их людей, и только 7,2% опрошенных (2015 г. — 4,7%) отнесли себя к категории людей, которых посторонние по большому счету не уважают или почти не уважают.

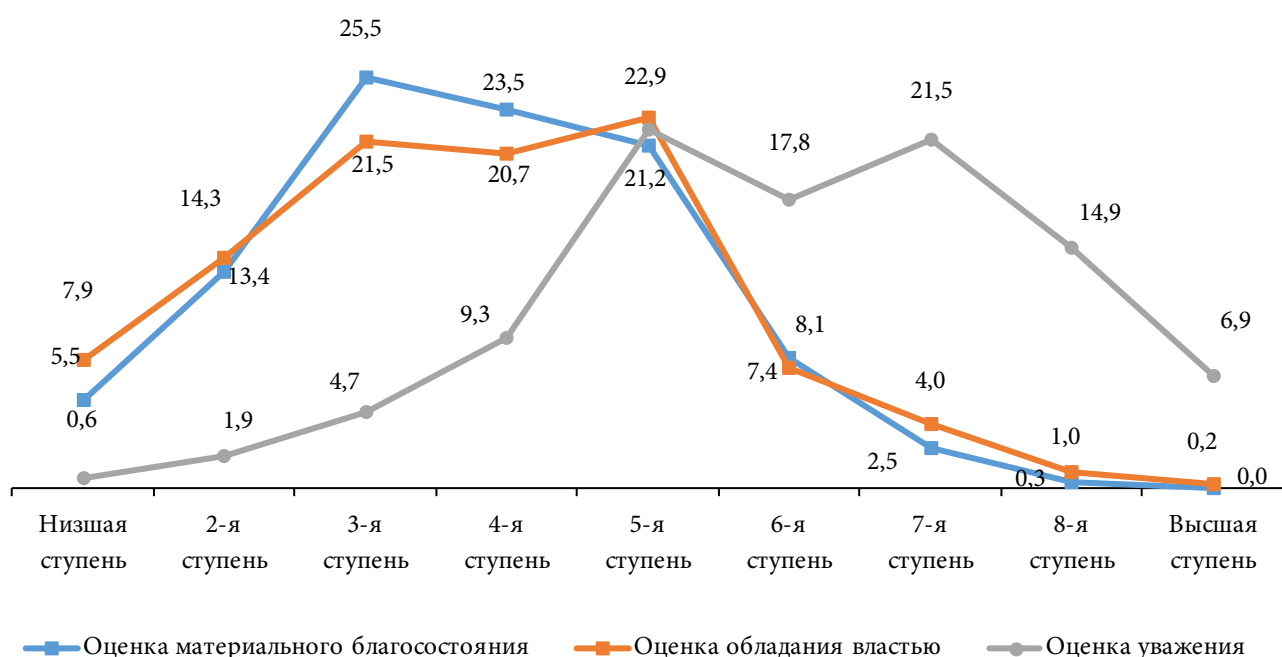

Рис. 21. Распределение респондентов по ступеням шкал материального благосостояния, власти и уважения: текущие самооценки, 2016 г., в % от ответивших

Как и прежде, значительное большинство респондентов (к кому это имеет отношение) достаточно высоко оценивают уровень своей профессиональной квалификации. При этом на протяжении многих лет наблюдался рост самооценок уровня профессионального мастерства трудоспособного населения, который приостановился только в самые последние годы. Данные RLMS-HSE о распределении респондентов по ступеням шкалы профессионального мастерства («начинающие, ученики» – «профессионалы высокого класса») за 2014 г. и 2016 г., представленные на рис. 22, демонстрируют довольно близкие, но все же разнящиеся значения.

Анализ данных мониторинга показал, что доля респондентов, относящих себя к наиболее подготовленному в профессиональном плане контингенту, т. е. занимающих три верхние ступени на шкале профессионального мастерства, уменьшилась с 51,3% в 2013 г. до 47,5% в 2014 г., но затем в 2015 г. немного выросла – до 50,8%. Однако 2016 г. было отмечено новое, причем более значительное сокращение доли таких респондентов, достигающее 6,3 п.п. – до 44,5%. В то же время удельный вес респондентов, занимающих ступени среднего уровня шкалы профессионального мастерства, увеличился с 34,4% в 2013 г. до 37,7% в 2014 г. и не изменился 2015 г., но в 2016 г. он вырос до 39%. Доля тех, кто располагает на трех нижних ступенях увеличилась с 14,3% в 2013 г. до

14,9% в 2014 г., но уменьшилась до 11,5% в 2015 г. А в 2016 г. был отмечен новый рост на 5 п.п. – до 16,5%.

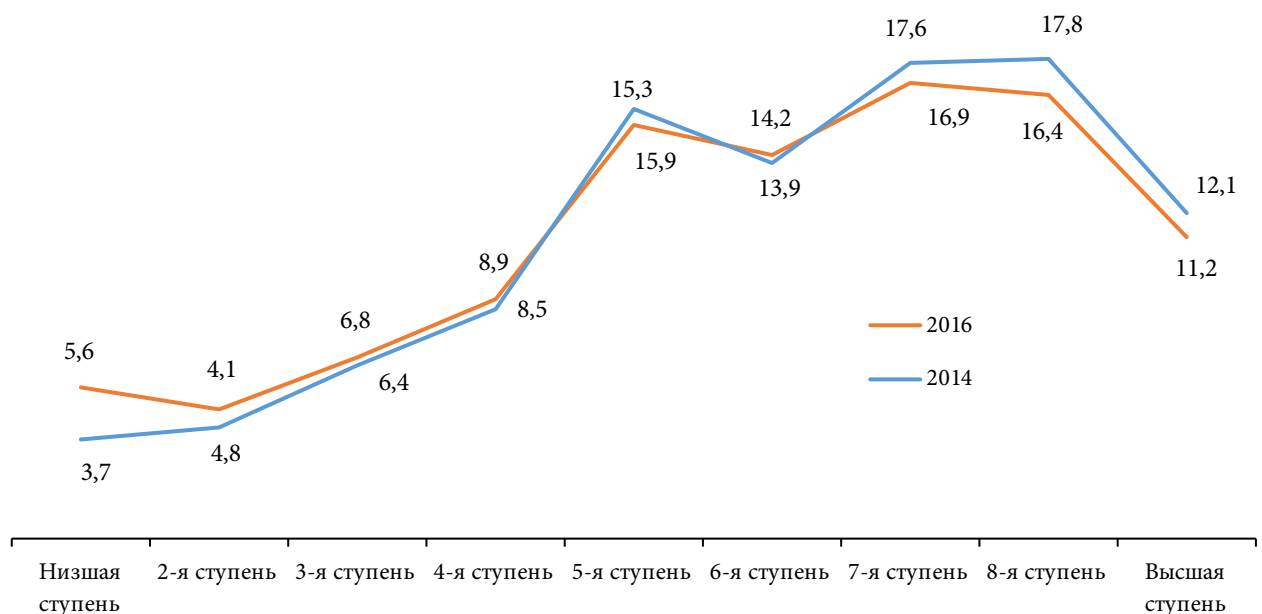

Рис. 22. Распределение респондентов по ступеням шкалы профессионального мастерства: текущие самооценки (к кому это относится), 2013–2016 гг., в % от ответивших

Годы жесткого экономического кризиса лишили очень многих россиян надежд на лучшее будущее или поселили в их сознание серьезные сомнения относительно возможности быстрых позитивных изменений. Одной из главных причин для роста негативных оценок своего будущего стали низкие доходы населения. Не только данные RLMS-HSE, но и многие другие социологические исследования показывали, что у россиян было налицо снижение уровня оптимизма в отношении будущих изменений своего материального положения, которое происходило

в 2014–2016 гг.¹ Убавилось число оптимистов, считающих, что кризис скоро закончится. Эти перемены в наибольшей степени затронули бедные и малообеспеченные слои населения. Усугубляли ситуацию постоянные и невнятные изменения в экономической политике государства, которые не добавляли уверенности в завтрашнем дне.

Об отмеченных сдвигах в социальном самочувствии россиян свидетельствовали ответы респондентов на вопрос «Как вы думаете, через 12 месяцев вы и ваша семья будете жить лучше или хуже, чем сегодня?» (см. табл. 15). Анализ этих данных показывает, что в конце 2015 г. по сравнению с аналогичным периодом 2014 г. доля россиян, полагающих, что через 12 месяцев они и их семьи будут жить намного или немного лучше, чем сегодня, уменьшилась на 2,9 п.п. — с 23,6 до 20,7%, а в конце 2016 г. еще на 1 п.п. — до 19,7%. В целом, с 2012 г. доля таких респондентов сократилась на 10 п.п. Примечательно, что, если в конце 2015 г. по сравнению с тем же периодом 2014 г. доля считающих, что они и их семьи будут жить немного или намного хуже, увеличилась на 0,7 п.п. — с 17,4 до 18,1%, то в конце 2016 г. она уменьшилась до 15,4%, т. е. на 2,7 п.п.

Но вряд ли это сокращение можно отнести к разряду позитивных фактов, если учесть, что оно произошло за счет увеличения доли лиц, не рассчитывающих на какие-либо изменения. С 2014 г. по 2015 г. доля таких респондентов увеличилась 40,1 до 41,2% и затем в 2016 г. — до 46,5%. Немалая их часть, заявляя о том, что в их жизни ничего не изменится, считала, что уже достигла дна, ниже которого упасть практически невозможно. Важно также учитывать, что почти каждый пятый опрошенный не смог оценить свои жизненные перспективы.

Таблица 15

Оценка личных и семейных жизненных перспектив, 1994–2016 гг. (месяц/год), %

Оценка	Даты сбора данных (месяц/год)											
	10/94	11/98	10/00	10/02	10/04	10/06	10/08	12/10	12/12	12/14	12/15	12/16
Будут жить намного лучше	2,4	1,5	3,0	3,8	3,6	3,1	3,0	4,0	4,1	2,7	2,0	1,7
Будут жить немного лучше	14,4	9,1	15,7	21,6	20,4	22,1	20,5	24,6	25,6	20,9	18,7	18,0
Ничего не изменится	34,7	28,3	44,1	46,8	46,0	47,1	41,3	45,3	44,2	40,1	41,2	46,5
Будут жить немного хуже	20,0	17,7	11,1	8,3	9,7	5,8	8,9	6,9	7,0	12,4	11,9	9,7
Будут жить намного хуже	20,8	25,7	7,7	3,4	4,0	2,5	4,4	2,5	2,2	5,0	6,2	5,7
Затруднились ответить	7,7	17,7	18,4	16,1	16,3	19,4	21,9	16,7	16,9	18,9	20,0	18,4

В таблице 16 приведены обобщенные сведения, характеризующие ответы респондентов на вопрос «Насколько вас беспокоит то, что вы не сможете обеспечивать себя самым необходимым в ближайшие 12 месяцев?». Из таблицы следует, что с конца 2014 г. по конец 2015 г. доля россиян, в большей или меньшей степени обеспокоенных тем, что не смогут обеспечивать себя самым необходимым в течение ближайшего года, увеличилась на 1,5 п.п. — с 66,5 до 68% и в конце 2016 г.

¹ Российское общество и вызовы времени. Книга пятая. С. 18.

не изменилась. В то же время доля тех, кто выражали противоположные настроения, уменьшилась с 2014 г. по 2015 г. на 2,4 п.п. — с 22,1 до 19,7%, а в 2016 г. еще на 0,6 п.п. — до 19,1%. Это сокращение в 2016 г. произошло полностью за счет увеличения доли респондентов, выразивших «промежуточное» мнение «и да, и нет».

Таблица 16

Обеспокоенность невозможностью обеспечить себя самым необходимым в ближайшие 12 месяцев, 1994–2016 гг. (месяц/год), %

Оценка	Даты сбора данных (месяц/год)											
	10/94	11/98	10/00	10/02	10/04	10/06	10/08	12/10	12/12	12/14	12/15	12/16
Очень беспокоит	53,6	64,0	49,6	41,6	40,1	39,2	37,3	32,4	30,4	33,0	34,1	32,9
Немного беспокоит	22,1	20,2	22,8	31,0	31,0	31,3	31,5	32,4	34,4	33,5	33,9	35,1
И да и нет	7,8	6,3	10,7	9,1	11,1	11,8	11,0	11,8	12,1	11,4	12,3	12,9
Не очень беспокоит	11,2	6,6	11,4	12,6	12,1	12,3	14,4	16,1	15,5	14,7	14,3	12,9
Совсем не беспокоит	5,3	2,9	5,5	5,7	5,7	5,4	5,8	7,3	7,6	7,4	5,4	6,2

Таким образом, в 2016 г. многие показатели, характеризующее социальное самочувствие россиян, стабилизировались, но на низком уровне, или изменились незначительно. Несмотря на сохраняющиеся трудности кризисного периода, рост недовольства населения медленным решением накопившихся социальных проблем, было выявлено сравнительно небольшое снижение уровня удовлетворенности респондентов своей жизнью в целом. Но в то же время произошло существенное снижение уровня удовлетворенности россиян своим материальным положением и возросшими трудностями решения материальных проблем. Негативные ожидания от кризиса выражались в боязни ухудшения личных и семейных жизненных перспектив, обеспокоенности невозможностью обеспечить себя самым необходимым в ближайшем будущем. Перед людьми стояло множество вопросов, на которые они не находили адекватных ответов. Жизненные планы большинства россиян не простирались далеко и не складывались в единую стратегию.

Проблемы адаптации в сфере занятости и труда

В конце 2016 г. был выявлен новый рост обеспокоенности россиян проблемами трудоустройства и занятости, но темпы этого роста стали значительно медленнее. Об этом позволяют судить, в частности, ответы респондентов на вопрос «Насколько вас беспокоит то, что вы можете потерять работу?». Как показал анализ данных RLMS-HSE, с 2014 г. по 2015 г. удельный вес респондентов из числа занятого населения, которых очень или немного тревожит угроза потери своего рабочего места, увеличился на 8,8 п.п. — с 55,5 до 64,3% и затем в 2016 г., как следует из рис. 23, еще на 1,1 п.п. — до 65,4%, тогда как доля лиц, не очень или совсем не обеспокоенных этой проблемой, с 2014 г. по 2015 г. уменьшилась на 7,7 п.п. — с 30,8 до 23,1% и далее в 2016 г. еще на 1,3 п.п. — до 21,8%.

В результате указанных изменений уровень тревожности угрозой потери работы у россиян в 2016 г. оказался самым высоким, начиная с 2000-го г. Выше он был только в крайне тяжелом 1998 г., когда доля лиц, в большей или меньшей обеспокоенных возможной потерей работы, достигала 68,9%.

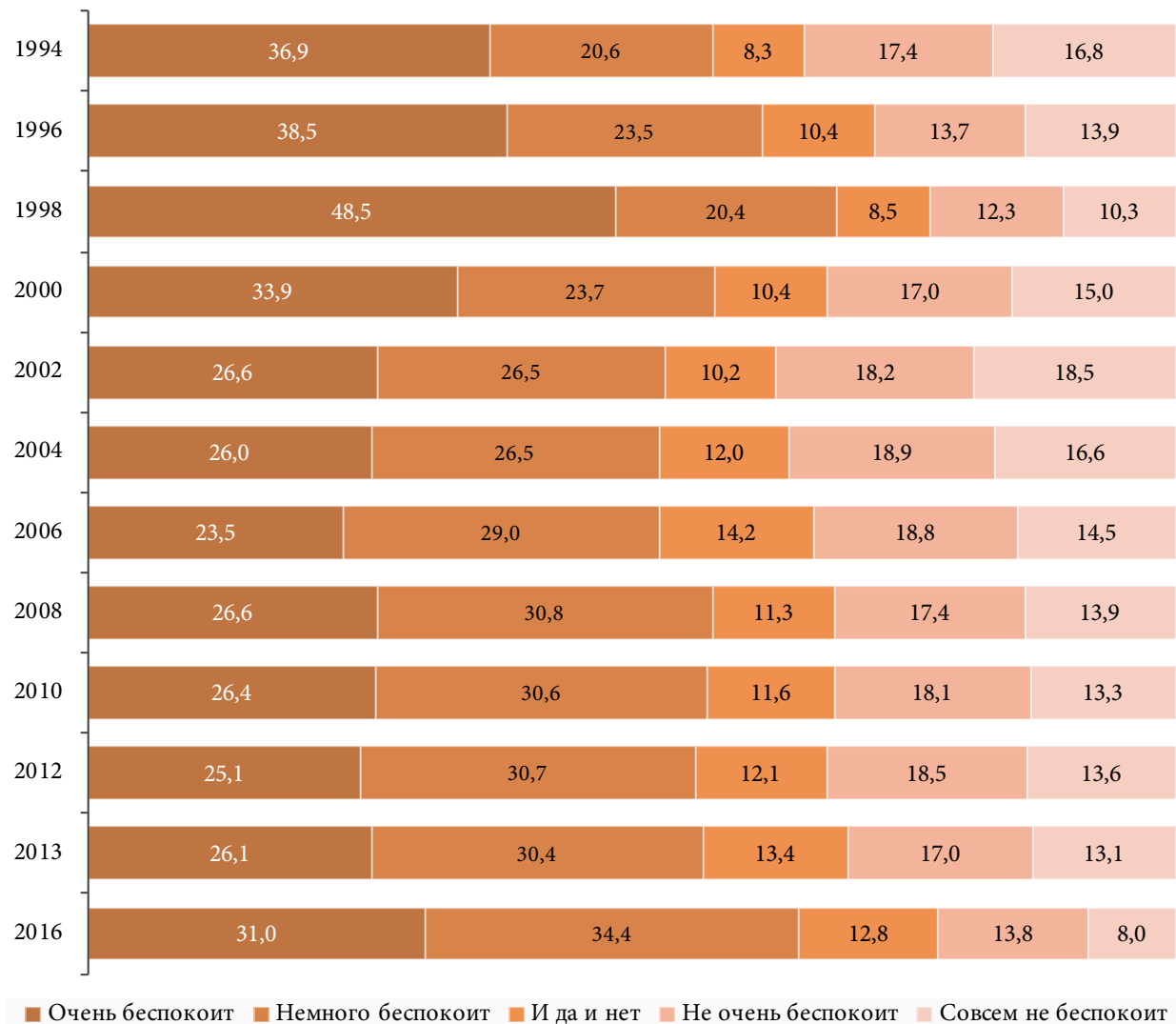

Рис. 23. Обеспокоенность угрозой потери работы, 1994–2016 гг., %

На рис. 24 представлены обобщенные сведения о распределении ответов респондентов на следующий вопрос: «Представьте себе не очень приятную картину: предприятие, организация, где вы работаете, по каким-то причинам завтра закроется, и все работники будут уволены. Насколько вы уверены в том, что сможете найти работу не хуже той, на которой работаете сейчас?».

Согласно полученным данным, доля респондентов, полностью или скорее уверенных в возможности трудоустройства в случае потери работы, с 2014 г. по 2015 г. уменьшилась на 4,3 п.п. — с 41,1 до 36,8%, и затем в 2016 г., как следует из рис. 24, еще на 0,2 п.п. — до 36,6%, в то время как доля лиц, не очень или совсем не уверенных в этом, сначала увеличилась на 4 п.п. — с 40,2 до 44,2%, но в 2016 г. уменьшилась на 0,4 п.п. — до 43,8%. Такое снижение уверенности в возможности нового трудоустройства в случае потери работы наблюдается с 2012 г.

В целом за 2012–2016 гг. удельный вес респондентов, которые в той или иной степени уверены в возможности нового трудоустройства, сократился на 8,8 п.п., а доля тех, кто не уверен в этом, выросла на 6,5 п.п. Но, несмотря на эти изменения, доля респондентов, убежденных в возможности положительного решения проблемы трудоустройства в случае потери нынешнего рабочего места, оставалась в 2015 г. все еще вдвое выше, чем в наиболее тяжелом 1998 г.

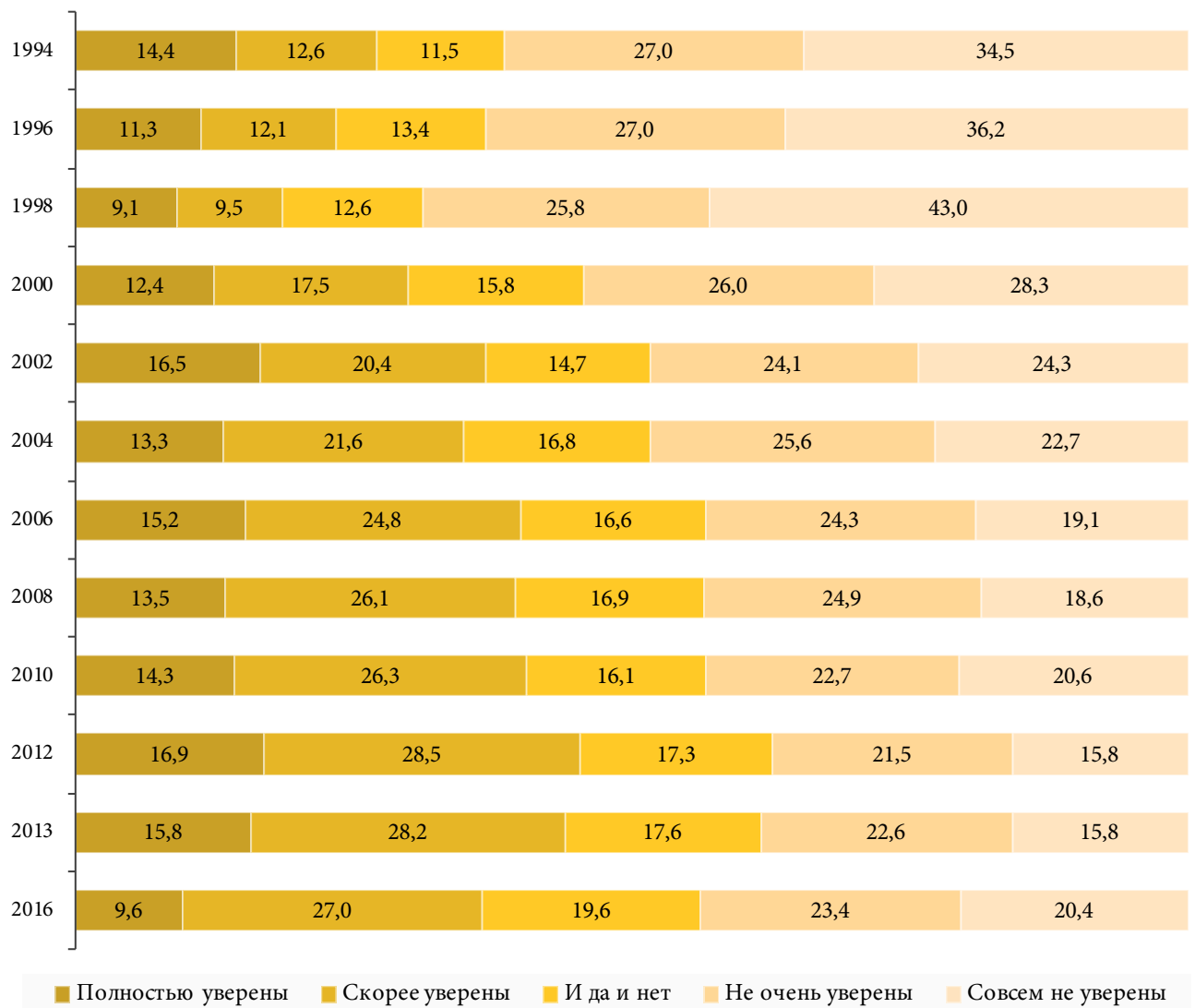

Рис. 24. Степень уверенности в возможности трудоустройства в случае потери работы, 1994–2016 гг., %

Данные RLMS-HSE, раскрывающие основные причины увольнений работников в 2011–2015 гг., которые были получены в процессе анализа ответов респондентов на два взаимосвязанных вопроса: «В каком году и в каком месяце вы ушли с вашей последней работы, перестали работать?» и «По какой основной причине вы перестали работать на вашей последней работе?», представлены на рис. 25.

Анализ полученных данных свидетельствует о том, что в 2016 г. серьезного ухудшения ситуации на рынке труда не наблюдалось. Наоборот, во многих компаниях происходили изменения в лучшую сторону. Пошли на убыль тенденции по сокращению штата сотрудников и зарплат. Многие люди начали чувствовать себя увереннее на рынке труда, что стало еще одной причиной улучшения настроений. Если после нескольких волн увольнений во время экономического кризиса сотрудник остался на рабочем месте, то у него вольного или невольно возрастала уверенность в собственном профессионализме и своей ценности для компании.

Как следует из рис. 25, если за 2011–2015 гг. удельный вес респондентов, уволенных с основной работы из-за сокращения должности или закрытия предприятия, организации, последовательно увеличился с 10,8 до 17,7%, т. е. более чем в полтора раза, или на 6,9 п.п., то в 2016 г. он уменьшился до 16%, т. е. на 1,7 п.п. И в то же

время работники стали реже объяснять свое увольнение тем, что их не устраивала заработная плата. Среди тех, кто ушли с основной работы в год опроса, доля таких работников уменьшилась с 14,6% в 2011 г. до 11,1% в 2014 г., т. е. на 3,5 п.п., но в 2015 г. вновь увеличилась до 13,4%. Вместе с тем в 2016 г. было отмечено новое уменьшение доли уволившихся из-за низкой зарплаты на 2,1 п.п. — до 11,3%.

Рис. 25. Причины прекращения работы, 2011–2016 гг., %

Довольно медленно меняется доля работников, которые увольняются, потому что их не устраивали условия труда на основной работе — график работы, удаленность от дома, вредное производство, ненормированный рабочий день, питание и т. п. С 2011 г. по 2014 г. доля работников, уволившихся по этой причине, уменьшилась на 0,9 п.п. — с 8,2 до 7,3% и в 2015 г. практически не изменилась, увеличившись только на символические 0,1 п.п. И наконец, в 2016 г. было отмечено новое увеличение на 0,4 п.п. — до 7,8%.

Довольно умеренными по величине были изменения доли респондентов, уволившихся с основной работы по такой причине, как сложные взаимоотношения с руководством предприятия, организации или с коллегами, сослуживцами. С 2011 г. по 2015 г. удельный вес респондентов, уволившихся из-за того, что у них сложились взаимоотношения в коллективе, уменьшился на 0,8 п.п. — с 5,7 до 4,9%, тогда как в 2016 г. он увеличился на 1,5 п.п. — до 6,4%.

Доля респондентов, которые прекратили работу по состоянию здоровья уменьшилась с 12,7% в 2011 г. до 10,7% в 2015 г., т. е. на 2 п.п., но в 2016 г. она увеличилась до 13,2%, т. е. на 2,5 п.п. Аналогичными по величине и направленности были изменения весомости такой причины увольнения, как выход на пенсию. С 2011 г. по 2015 г. доля респондентов, прекративших работу по этой причине, сократилась с 10,9 до 7,8%, т. е. на 3,1 п.п., тогда как в 2016 г. выросла на 2,1 п.п. — до 9,9%. Большинство этих респондентов после достижения пенсионного возраста сами решили прекратить трудовую деятельность и только небольшая часть уволилась потому, что их вынудили сделать такой шаг руководители предприятия или организации (соответственно 8,5 и 1,4%).

Удельный вес лиц, уволившихся с работы по тем или иным семейным обстоятельствам, увеличился — с 5,5% в 2011 г. до 7,5% в 2014 г., т. е. на 2 п.п., а в 2015 г. практически не изменился, уменьшившись только лишь на 0,1 п.п. — до 7,4%. Вместе с тем в 2016 г. весомость данной причины вернулась на уровень 2011 г., уменьшившись до 5,7%. Подобными оказались также изменения степени распространенности такой причины прекращения работы, как возможность заняться другими делами. Доля респондентов, которые бросили работу, потому что имели возможность не работать и могли заняться своими делами, увеличилась с 2,6% в 2011 г. до 4,9% в 2015 г., но в 2016 г. вновь снизилась до 2,6%.

Практически не меняется доля респондентов, которые увольняются для того, чтобы продолжить обучение в техникуме, вузе или другом учебном заведении. Из года в год удельный вес таких респондентов составляет немногим более 9% от числа прекративших работу. Доля тех, кто прекратил работу, потому что закончился контракт, в 2011–2015 гг. колебалась вокруг показателя в 6%, но в 2016 г. она выросла до 7,3%. Среди других изменений обращает на себя внимание последовательное и сравнительно динамичное сокращение в течение нескольких предыдущих лет доли респондентов, которые прекратили работу, потому что вынуждены были переехать на новое место жительства. Их доля поступательно уменьшилась с 2,6% в 2011 г. до 0,4% в 2015 г., т. е. на 2,2 п.п. и только в 2016 г. увеличилась до 0,9%. И наконец, доля респондентов, которые перестали работать, поскольку ликвидировали или продали собственное дело или семейный бизнес, с 2011 г. по 2016 г. увеличилась с 0,4 до 0,9%.

В 2016 г. после относительно длительного периода сокращения удельного веса лиц трудоспособного возраста, выражающих желание найти новую или другую работу, было выявлено его некоторое увеличение. Так, если с 2011 г. по 2015 г. доля таких респондентов последовательно сократилась на 3,4 п.п. — с 19,4 до 16%, то в 2016 г. она увеличилась до 16,9%. Примечательно также, что, как и годом ранее, немногим более 3% респондентов не смогли выразить какое-либо определенное мнение в отношении данной проблемы.

Дальнейший анализ показал, что если в 2015 г. из тех, кто хотели бы найти новую или другую работу, прилагали реальные усилия для поиска работы только 29,4% респондентов, то в 2016 г. их стало еще меньше — 28,8%. За прошедший год с 12,4 до 10,8% уменьшилась также доля респондентов, которые уклонились от определенного ответа. Что касается остальных респондентов, то они указали, что, несмотря на наличие желания найти какую-либо или другую, новую работу, они пока не занимаются решением этой проблемы. В 2016 г. из числа лиц, которые старались найти работу, обращались в целях поиска рабочего места куда-либо или к кому-либо в течение 30 дней, предшествующих опросу, 74,2% респондентов. Это было немного меньше, чем 76% в 2015 г., но практически столько же, сколько в 2014 г., когда эта доля составляла 74,1%. Среди всех респондентов, которые выражали желание найти новую или другую работу, доля таких лиц составила 29,8%, тогда как в 2015 г. она достигала 32%. Примерно такой же эта доля была в 2013 г. и 2014 г. (соответственно 27,4 и 28,5%), но гораздо меньше, чем в 2009—2012 гг. (2009 г. — 34,1%; 2010 г. — 34,7%; 2011 г. — 34,2%; 2012 г. — 33,7%). В 2016 г. из числа этих граждан наиболее активно занимались поиском работы 60,7% респондентов, которые обращались куда-либо или к кому-нибудь в поисках работы в течение последних 7 дней. В 2015 г. доля таких респондентов составляла 56%, тогда как в 2014 г. — 67%.

О том, какие способы поиска работы являются сегодня наиболее популярными, дают представление данные мониторинга, приведенные в [таблице 17](#). Сопоставление этих сведений с данными предыдущих волн RLMS-HSE свидетельствует о стабилизации в самое последнее время активности лиц, желающих найти работу или сменить рабочее место, на рынке труда. Они, в частности, показывают, что на протяжении всех лет мониторинга ведущее место среди способов поиска работы принадлежало обращениям за помощью к друзьям, товарищам и знакомым. Причем длительное время среди обращавшихся к различным способам поиска работы доля респондентов, воспользовавшихся для решения проблемы трудоустройства помощью друзей и знакомых, колебалась около 80-процентной отметки. При этом если в 2014 г. помощью друзей и знакомых при поиске работы воспользовались 81,7% респондентов из числа граждан, обращавшихся куда-нибудь или к кому-нибудь в поисках работы в течение последних 30 дней, то в 2015 г. — 86,6%, т. е. на 4,9 п.п. больше. Однако в 2016 г. доля таких респондентов вновь снизилась, но уже на 6,8 п.п. — до 79,8%.

На второй позиции прочно закрепились обращения к рекламным объявлениям в Интернете. Доля лиц, обращавшихся к этому способу поиска работы, стремительно выросла с 13,1% в 2006 г. до 53,8% в 2016 г., т. е. более чем в 4 раза, в том числе за последний год на 1,7 п.п. Многие, ранее более популярные способы поиска работы стали уступать по степени распространенности современным интернет-ресурсам. В настоящее время огромная часть коммуникаций происходит

в виртуальном мире, и поэтому молодые специалисты даже не задумываются о том, где искать работу. Большинство сразу же входят в Сеть и пользуются услугами наиболее раскрученных рекрутинговых ресурсов. Работодатели также предпочитают экономить время и искать кадры удаленно. Такая ситуация в наибольшей мере характерна для крупных городов. Что касается провинции, то там ситуация иная. Отделения государственной службы занятости зачастую становятся там едва ли не единственным посредником между соискателем и работодателем.

Таблица 17

Распространенность способов поиска работы, 1994–2016 гг., %*

Обращались в поисках работы	Даты сбора данных (месяц/год)											
	10/94	11/98	10/00	10/02	10/04	10/06	10/08	12/10	12/12	12/14	12/15	12/16
В государственные службы занятости	38,2	35,1	26,0	30,5	31,0	24,4	20,4	27,7	19,7	20,0	39,7	34,2
В негосударственные службы занятости	13,1	15,6	15,9	16,7	13,1	13,4	10,1	9,2	9,8	8,1	12,9	12,1
К друзьям, знакомым	60,5	75,6	76,5	78,8	76,0	82,9	78,2	81,9	81,3	81,7	86,6	79,8
К родственникам	29,5	40,6	42,7	37,3	36,5	42,1	39,4	50,0	46,1	50,5	49,4	40,6
Непосредственно на предприятия	45,0	47,8	52,0	48,9	48,3	50,5	47,7	47,2	45,7	39,7	43,4	44,5
К рекламным объявлениям	29,6	41,5	41,0	44,2	40,9	51,8	44,2	40,1	33,8	37,9	41,7	40,2
К рекламным объявлениям в Интернете	–	–	–	–	–	13,1	19,6	32,9	44,8	48,8	52,1	53,8

*Доля обратившихся к способам поиска работы оценивается в этой таблице относительно всех лиц, обратившихся куда-нибудь или к кому-нибудь в поисках работы в течение последних 30 дней.

На третьей позиции в 2016 г. расположились обращения кандидатов непосредственно на предприятия, которые до этого занимали четвертое место. В 2014 г. этим способом воспользовались 39,7% респондентов, тогда как в 2015 г. — 43,4%, т. е. на 3,7 п.п. больше, а в 2016 г. — уже 44,5%. Обращения к родственникам, значимость которых как способа поиска работы за ряд последних лет практически не менялась, в 2016 г. резко снизилась. Если в 2014 г. к нему обращались 50,5% респондентов анализируемой категории, то в 2015 г. — 49,4%. Вместе с тем в 2016 г. доля таких респондентов резко упала до 40,6%.

В то же время за последний год очень мало изменилась популярность обращений к традиционным рекламным объявлениям — печатным и распространяемым через электронные средства массовой информации. С 2014 г. по 2015 г. доля респондентов, обратившихся к этому способу поиска рабочего места, увеличилась на 3,8 п.п. — с 37,9 до 41,7%, но в 2016 г. она снизилась на 1,5 п.п. — до 40,2%. Примечательно, что это снижение оказалось первым после поступательного роста, наблюдающегося с 2012 г.

И наконец, на последних позициях расположились такие способы поиска работы, как обращения в государственные и негосударственные службы занятости. При этом в 2016 г. в государственные службы занятости респонденты обраща-

лись чуть ли не в три раза чаще, чем в негосударственные. В 2015 г. по сравнению с 2014 г. доля респондентов, обращавшихся в негосударственные службы занятости, увеличилась с 8,1 до 12,9%, т. е. на 4,8%. Однако в 2016 г. она сократилась 0,8 п.п. — 12,1%. Но наиболее существенным оказался рост в условиях экономического кризиса распространенности такого способа поиска работы, как обращения в государственные службы занятости. С 2014 г. по 2015 г. доля лиц, воспользовавшихся им, выросла почти вдвое — с 20 до 39,7%. В результате такого стремительного роста был достигнут новый максимум, превышающий на 1,5 п.п. прежнее наибольшее значение, зафиксированное еще в 1994 г. Вместе с тем в 2016 г. доля таких респондентов уменьшалась — до 34,2%, т. е. на 5,5 п.п.

Считается, что большинство россиян относится к работе государственных служб занятости скептически. Официальные биржи труда среди россиян не популярны. Недовольство у граждан вызывают трудности при регистрации на бирже, преобладание вакансий с крайне низкой заработной платой. Очень многие отмечают, что служба не помогла им решить проблему трудоустройства. Многие кандидаты воспринимают центры занятости скорее как возможность получить пособие, нежели найти реальную работу. Вместе с тем официальная точка зрения заметно отличается от мнений обычных граждан. В Минтруда утверждают, что государственные биржи занятости работают довольно эффективно и предлагают нуждающимся не только низкооплачиваемую работу. На бирже труда можно найти завидные вакансии в сферах управления, информационных технологий, в нефтегазовом, правовом и финансовом секторах, в авиации, медицине, торговле и т. д. Как показывает практика, трудоустройство через государственную службу занятости может быть эффективно для работников, не имеющих опыта, начинающих специалистов, а также граждан предпенсионного и пенсионного возраста. И надо признать, что данные мониторинга подтверждают официальную точку зрения, демонстрируя рост популярности государственных служб занятости.

Вопросы об удовлетворенности работников предприятий и организаций работой в целом и отдельными ее сторонами (условиями труда, оплатой труда и возможностями для своего профессионального роста), раскрывающие эмоциональные аспекты отношения к трудовой деятельности, включаются в «Вопросник для взрослых» RLMS-HSE с 2002 г.

На рис. 26, представлены данные, характеризующие ответы занятых на вопрос «Скажите, пожалуйста, насколько вы удовлетворены или не удовлетворены вашей работой в целом?». Из них, в частности, следует, что, после снижения в 2015 г., тенденция роста уровня удовлетворенности занятых своей работой в целом в 2016 г. возобновилась. Доля работников предприятий и организаций, полностью или скорее удовлетворенных своей нынешней работой в целом, уменьшилась с 67,6% в 2014 г. до 65,6% в 2015 г., т. е. на 2 п.п. Однако в 2016 г. она увеличилась на 2,6 п.п. — до 68,2%. Одновременно с 10,6% в 2014 г. до 11,3% в 2015 г. увеличилась доля работников, которые совсем или скорее не удовлетворены своей работой. Вместе с тем в 2016 г. доля таких респондентов немного сократилась — до 10,1%.

Таким образом, в 2016 г. был достигнут самый высокий уровень удовлетворенности работников российских предприятий и организаций своей работой в целом, начиная с 2002 г. Доля работников, удовлетворенных своей работой, превысила долю тех, кого нынешняя работа не устраивает, в 6,8 раза. В 2014 г. этот разрыв составлял около 6,4 раза, а в 2015 г. — около 5,8 раза.

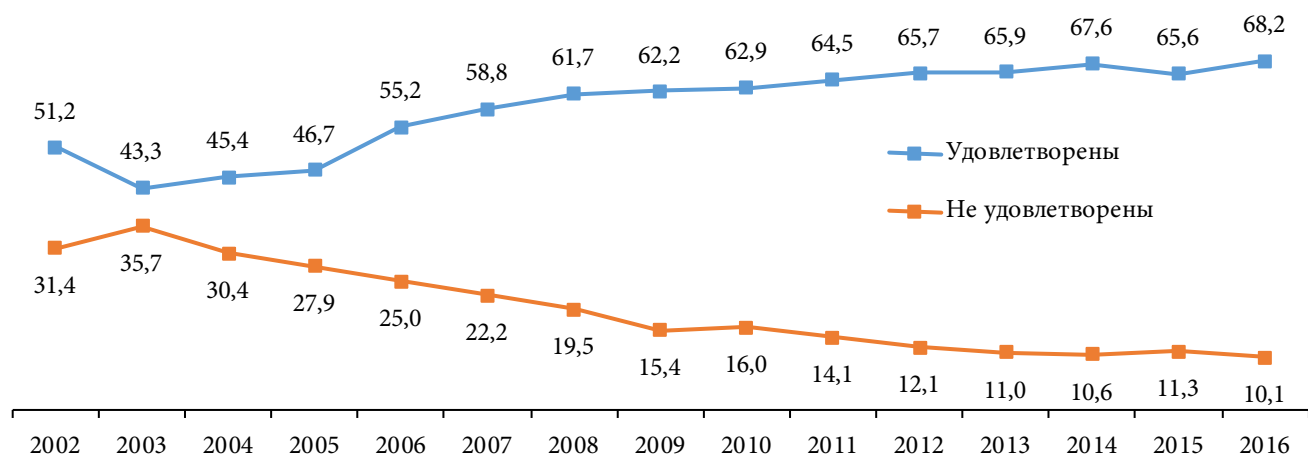

Рис. 26. Удовлетворенность работой в целом, 2002–2016 гг., %

Данные мониторинга, характеризующие динамику уровня удовлетворенности российских работников отдельными сторонами своего труда (частные удовлетворенности) за 2002–2016 гг., представлены на рис. 27–29. Как следует из рис. 27, с 2014 г. по 2015 г. удельный вес работников, полностью или скорее удовлетворенных условиями своего труда, уменьшился на 1,2 п.п. — с 66 до 64,9%, однако в 2016 г. вновь увеличился до 66,3%. В то же время доля лиц, которых совсем или скорее не устраивают условия своего труда, увеличилась с 12,2% в 2014 г. до 12,9% в 2015 г., т. е. на 0,7 п.п. И затем в 2016 г. она уменьшилась на 1,1 п.п. — до 11,8%.

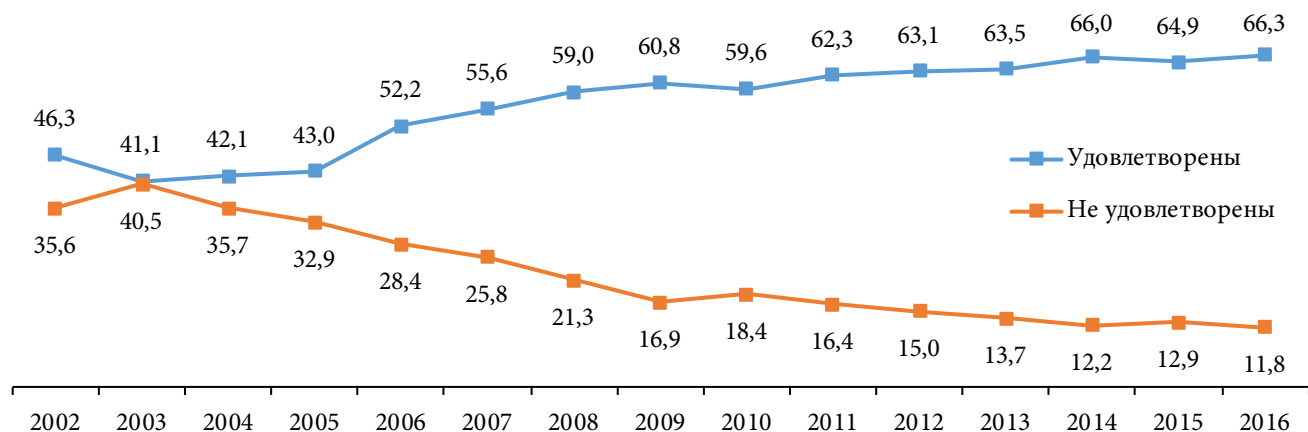

Рис. 27. Удовлетворенность условиями труда, 2002–2016 гг., %

После этих изменений уровень удовлетворенности работников условиями труда достиг своего нового максимума. Разрыв между группами, объединяющими респондентов, в большей или меньшей степени удовлетворенных и неудовлетворенных условиями своего труда, после сокращения с 5,4 раза в 2014 г. до 5 раз в 2015 г., в 2016 г. увеличился до 5,6 раза.

Анализ данных RLMS-HSE, представленных на рис. 28, показал, что, если в 2014 г. впервые начиная с 2002 г. доля работников предприятий и организаций, удовлетворенных оплатой своего труда, превысила долю тех, кто недоволен своими заработками, то в 2015 г. ситуация вернулась к предкризисному состоянию и в 2016 г. практически не изменилась. Так, удельный вес респондентов, в большей или меньшей степени неудовлетворенных заработной платой, сначала уменьшился с 40,3% в 2013 г. до 37,5% в 2014 г., т. е. на 2,8 п.п., но затем увеличился на 1,8 п.п. — до 39,3% в 2015 г., а в 2016 г. вновь немного уменьшился — до 38,3%. В то же время

удельный вес работников предприятий и организаций, которых в большей или меньшей степени устраивает размер заработной платы, после увеличения с 36,9% в 2013 г. до 39,5% в 2014 г., т. е. на 2,6 п.п., в 2015 г. сократился на 3,1 п.п. — до 36,4%. В 2016 г. доля таких респондентов уменьшилась до 35,5%.

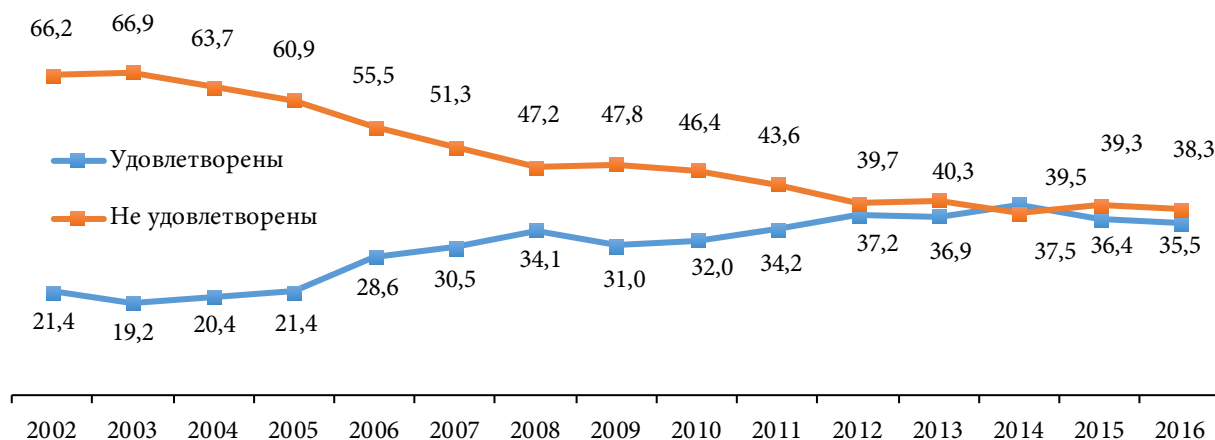

Рис. 28. Удовлетворенность оплатой труда, 2002–2016 гг., %

В 2015–2016 гг. были выявлены новые изменения, характеризующие динамику уровня удовлетворенности работников предприятий и организаций возможностями для своего профессионального роста, которые можно охарактеризовать как противоречивые. В этом убеждают данные RLMS-HSE, приведенные на рис. 29. Из рисунка, в частности, следует, что доля респондентов, которые в большей или меньшей степени удовлетворены данной стороной труда, после роста с 45,3% в 2013 г. до 49% в 2014 г. т. е. на 3,7 п.п., в 2015 г. вновь увеличилась на 1,7 п.п. — до 50,7%, а в 2016 г. уменьшилась до 49,8%. В то же время удельный вес работников предприятий и организаций, которых не устраивают возможности профессионального роста, сначала уменьшился с 26,7 в 2013 г. до 23,9% в 2014 г. т. е. на 2,8 п.п. В 2015 г. доля таких работников увеличилась на 2,2 п.п. — до 26,1%, но в 2016 г. вновь сократилась на 0,5 п.п. — до 25,6%.

Самым большим разрыв между группами, объединяющими респондентов, которые в большей или меньшей степени удовлетворены и неудовлетворены возможностями профессионального роста, достигающей 2,1 раза был зафиксирован в 2014 г. В 2015–2016 гг. этот разрыв составлял около 1,9 раза.

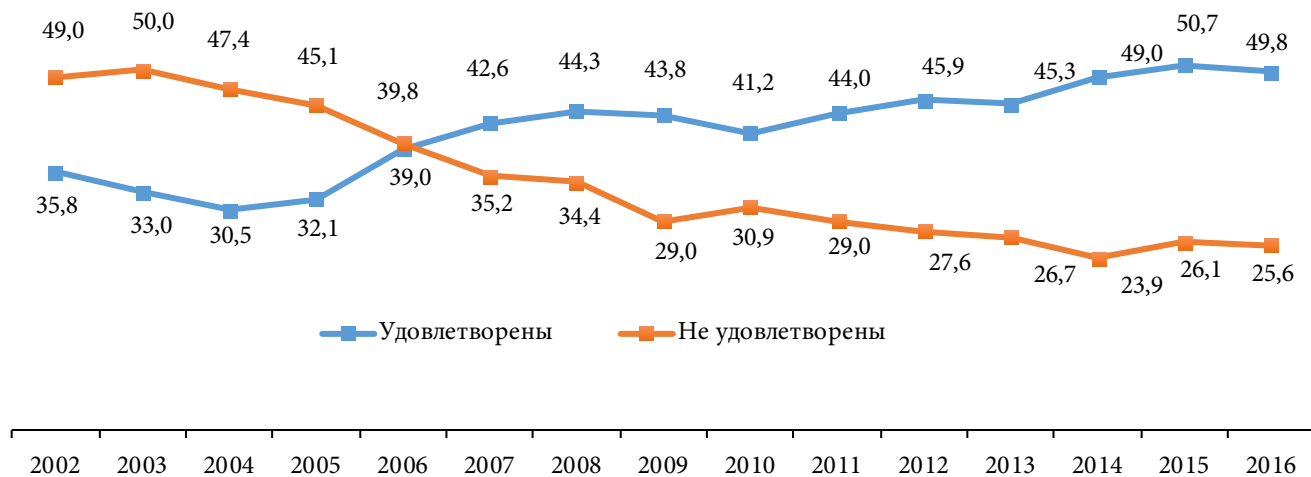

Рис. 29. Удовлетворенность возможностями профессионального роста, 2002–2016 гг., %

Особенности обращения россиян к различным формам личного или семейного рыночного приспособления, которые основаны на собственном производстве и использовании личных материальных ресурсов, иллюстрируют сведения RLMS-HSE за 2000–2016 гг. (см. табл. 18).

Таблица 18

Некоторые формы рыночного поведения, 2000–2016 гг. (месяц/год), %

Формы рыночного поведения	Даты сбора данных (месяц/год)										
	10/00	10/02	10/04	10/06	10/08	12/10	12/12	12/13	12/14	12/15	12/16
Работали на дополнительной работе	8,6	10,1	10,0	9,3	6,3	6,4	6,3	8,5	7,5	6,4	6,7
Выращивали что-то на своем участке на продажу или на обмен	8,6	7,1	6,8	6,2	4,4	4,1	3,6	4,0	4,1	4,3	4,8
Разводили скот, птицу, рыб на продажу	7,8	6,1	6,6	5,8	5,2	4,5	4,0	3,9	4,1	3,8	3,1
Оказывали услуги за плату	4,1	5,8	4,4	5,0	4,7	5,2	5,4	4,0	4,1	4,5	2,6
Охотились или собирали грибы, ягоды, травы и т. п. на продажу	–	–	–	–	–	–	–	2,0	1,0	1,1	1,4
Помещали в банк деньги, давали деньги займы под проценты	1,2	0,9	1,0	1,4	1,2	1,6	1,5	3,1	1,3	1,5	1,5
Сдавали внаем квартиру, комнату, гараж, автомобиль	0,6	1,4	1,0	0,8	0,6	0,7	0,8	1,0	0,7	0,7	0,7

Трудности материального характера вынуждают многих россиян обращаться к дополнительным заработкам. При этом самая высокая вторичная занятость начиная с 2000 г. наблюдалась в 2002–2004 гг. Принято считать, что российские граждане особенно активно берутся за дополнительные заработки в условиях экономического кризиса. Но в действительности эта закономерность проявляется далеко не всегда и не в полном объеме. Исследования показывают, что в кризисные периоды какого-либо резкого всплеска дополнительной занятости обычно не наблюдается. Так, с 2013 г. по 2014 г. среди наших респондентов, доля лиц, занятых одновременно и на основной, и на дополнительной работе, не только не выросла, а, наоборот, уменьшилась на 1 п.п. – с 8,5 до 7,5% и далее в 2015 г. еще на 1,1 п.п. – до 6,4%. Надо заметить, что нечто подобное наблюдалось и в 2008–2009 гг. И только в 2016 г., когда появились робкие признаки улучшения экономической ситуации, был выявлен небольшой рост вторично занятых на 0,3 п.п. – до 6,7%.

Кроме экономии самой распространенной реакцией на кризис в России стала работа на приусадебных участках. В последние годы к ней как к решению материальных проблем прибегали очень многие россияне. Производимая на приусадебных участках сельскохозяйственная продукция предназначалась чаще всего для личного или семейного потребления, но не для продажи. Доля респондентов, которые выращивали овощи, фрукты, ягоды или что-то другое на своем участке для продажи или на обмена, с 2012 г. по 2016 г. увеличилась только на 1,2 п.п. –

с 3,6 до 4,8%, в том числе за 2016 г. на 0,5 п.п. Но в целом начиная с 2008 г. доля респондентов, занимающихся выращиванием чего-то на своем участке на продажу или на обмен, менялась очень мало, немного превышая 4-процентный уровень.

К наиболее последовательным тенденциям сегодня относятся негативные тренды, характеризующие снижение участия населения в разведении какой-либо живности на продажу и оказании услуг за плату. Так, с 2000 г. по 2016 г. удельный вес респондентов, которые разводили скот, птицу, рыб на продажу, с некоторыми небольшими отклонениями сократился в 2,5 раза — с 7,8 до 3,1%, в том числе за последний год — на 0,7 п.п. В то же время доля респондентов, которые оказывали услуги за плату, за 2012–2016 гг. сократилась более чем вдвое — с 5,4 до 2,6%. При этом особенно большим это снижение оказалось в 2016 г.

Удельный вес россиян, которые охотились или собирали грибы, ягоды, травы и т. п. на продажу, помещали в банк деньги, давали деньги займы под проценты, сдавали внаем квартиру, комнату, гараж, автомобиль, за последний год практически не изменился, составив 1,4%. Кроме того, в 2016 г., как и годом ранее 1,5% респондентов помещали в банк деньги, давали деньги займы под проценты, а 0,7% опрошенных сдавали внаем квартиру, комнату, гараж, автомобиль.

Таким образом, в конце 2016 г. был выявлен новый, но достаточно медленный рост озабоченности россиян угрозой потери работы и возможностями трудоустройства в случае потери рабочего места. Этот рост происходил как бы по инерции, поскольку реальная ситуация на рынке труда подавала более оптимистичные сигналы. Негативные ожидания от кризиса выражались также в боязни перехода на неполную рабочую неделю, снижения размера заработной платы, ухода в неоплачиваемый отпуск. В период кризиса россияне чаще прибегали к сокращению потребления товаров и услуг, чем к таким способам адаптации, как поиск новой работы, дополнительных заработков, переобучение или повышение квалификации. Приспосабливаясь к кризисной ситуации, россияне, особенно живущие в провинции, увеличили опору на личное подсобное хозяйство, наращивая производство сельскохозяйственной продукции для личного или семейного потребления, но не для продажи.

* * *

Подводя итоги, следует отметить, что в прошедшем году экономика России демонстрировала крайне противоречивые тенденции. В целом по экономике страны сохранялась отрицательная динамика основных макроэкономических показателей, но темпы падения по многим из них замедлились. Причем в конце года наметились несколько точек стабилизации и роста, среди которых на первых позициях оказались сельское хозяйство и промышленность. Одним из важнейших признаков наличия негативных явлений и тенденций в экономике России было сохранение спада в сфере розничной торговли, что свидетельствовало о снижении потребительского спроса, который в предыдущие годы был одним из драйверов экономического роста. Сокращение потребительского спроса стало следствием как падения уровня жизни населения, так и снижения деловой активности. По итогам

года инфляция снизилась более чем вдвое — с 12,9% в 2015 г. до 5,4% в 2016 г., опустившись до минимального уровня за все годы мониторинга. Вместе с тем за счет наметившихся позитивных сдвигов в экономике и снижения инфляции не удалось выйти на более высокий уровень решения социальных проблем населения.

В конце 2016 г. был выявлен рост реальных доходов населения, последовавший вслед за спадом в предыдущие годы. В 2015 г. по сравнению 2013 г. средние реальные доходы российских домохозяйств сократилась на 6,4%, но в 2016 г. они выросли на 11,1%. Господствующее положение в структуре доходов россиян, как и прежде, занимали доходы от заработной платы и государственных трансфертных платежей. Совокупный месячный доход домохозяйств от заработной платы после сокращения в 2014–2015 гг. на 9,1% в 2016 г. вырос на 10,6%, достигнув своего максимума. При этом доход домохозяйств от работы на государственных предприятиях, опустившись в предыдущие два года на 14%, за последний год вырос на 8,2%, тогда как доход от работы на частных предприятиях, после падения за 2014–2015 гг. на 6,7%, в 2016 г. вырос на 13,8%. Доход домохозяйств от работы на предприятиях смешанной формы собственности, снизившись в 2014 г. на 4,3%, в 2015 г. вырос на 19,4% и в 2016 г. — еще на 3,7%. В то же время доход от государственных трансфертов после роста в 2015 г. на 8,2% в течение 2016 г. вновь вырос на 11,8%, обновив предыдущий максимум. В 2016 г. выявлен также очередной рост совокупного денежного и натурального дохода от домашнего производства и неформального сектора, составивший около 10%. Помощь от родственников и благотворительная помощь, после падения в 2014 г. на 26,5%, в 2015 г. уменьшилась еще на 2,5%, но в конце 2016 г. выросла на 16,4%.

Доходы населения России сегодня все в большей степени зависят от различных государственных выплат и все в меньшей степени от предпринимательских и других заработков. За 2011–2016 гг. доля совокупного месячного дохода домохозяйств от заработной платы уменьшилась с 51,1 до 45%, тогда как доля дохода от государственных трансфертных платежей выросла с 35,4 до 42%. При этом за последний год эти доли уменьшились всего лишь на 0,1 п.п. В 2016 г. по сравнению с 2014 г. доля дохода домохозяйств от работы на государственных предприятиях уменьшилась с 24 до 20,8%, в том числе за последний год на 0,5 п.п. В то же время доля совокупного дохода домохозяйств от работы на предприятиях частного сектора, после уменьшения в 2015 г. на 0,2 п.п., в 2016 г. увеличилась на 0,4 п.п. — с 21,2 до 21,6%. Доля дохода домохозяйств от работы на предприятиях смешанной формы собственности, оставаясь небольшой, за последний год практически не изменилась. Но за 1998–2016 гг. она последовательно сократилась вдвое — с 5,3 до 2,6%. С 2014 г. по 2015 г. общая доля денежного и натурального доходов от домашнего производства и неформального сектора увеличилась с 5,9 до 6,7% и затем не менялась. В то же время доля дохода домохозяйств от помощи родственников и благотворительной помощи, после небольшого уменьшения с 5,4% в 2014 г. до 5,3% в 2015 г., за последний год увеличилась до 5,6%.

За 2016 г. удельный вес домохозяйств, получающих доход от заработной платы, уменьшился только на 0,3 п.п. Но за последние шесть в целом лет их доля упала на 7,6 п.п. — с 71,4% в 2010 г. до 63,8% в 2016 г. И в то же время выявлен очередной рост удельного веса домохозяйств, получающих государственные трансферты. За последний год их доля увеличилась всего лишь на 0,1 п.п., но за 2011–2016 г. — на

5,8 п.п. (с 68,9 до 74,7%). Число домохозяйств с натуральным доходом от домашнего производства и неформального сектора намного превосходит число располагающих соответствующим денежным доходом. В 2016 г. удельный вес получающих натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора составил 40,5%, что было лишь на 0,1 п.п. больше, чем в 2015 г. Практически не меняется доля домохозяйств с денежным доходом от домашнего производства и неформального сектора. В 2015–2016 гг., как и в 1992 г., она составляла 15,2%. Неизменной остается также доля домохозяйств, располагающих доходом от помощи родственников и благотворительной помощи. В последние годы она постоянно составляет 26,9%.

За последний год у всех групп домохозяйств, классифицированных по квинтилям душевого дохода, выявлен рост реальных доходов. Причем у двадцати процентов домохозяйств с самыми высокими доходами этот рост был ниже, чем у домохозяйств, располагающих меньшими доходами. В 2016 г. по сравнению с 2015 г. данный рост составил для домохозяйств первых четырех квинтилей от 11,1 до 15%, тогда как для домохозяйств верхнего квинтиля — только 7,1%. Постепенное сокращение разрыва в уровне доходов между домохозяйствами полярных квинтилей наблюдается с 1998 г. При этом в 2016 г. установлен новый минимум этого неравенства. Средняя сумма месячного дохода двадцати процентов домохозяйств с самыми высокими доходами в 2,7 раза превышала среднюю сумму месячного дохода двадцати процентов домохозяйств с самыми низкими доходами. Это было лишь немного меньше, чем 2,8 раза, зафиксированных в 2015 г., но гораздо меньше, чем трехкратное превышение, установленное в 2014 г. и четырехкратное превосходство, выявленное в 2013 г. Позитивные результаты борьбы с социальным неравенством со стороны государства во многом обеспечиваются бюджетной поддержкой и прежде всего увеличением пенсий.

Подходы, выработанные населением к расходам в предыдущие годы экономического кризиса, в основном сохранились. Люди поверили в реальность затяжного кризиса и стали более рационально распоряжаться денежными средствами. Самой распространенной стратегией адаптации семей к экономическим шокам стала экономия на потреблении товаров и услуг. Расходы россиян, после замедления темпов роста в 2013–2014 гг. и резкого падения в 2015 г., в 2016 г. продемонстрировали положительную динамику. Если в 2015 г. ежемесячные расходы домохозяйств на приобретение продуктов питания и непродовольственных товаров упали на 8%, то в 2016 г. они выросли на 9,2%. При этом расходы на продукты питания после увеличения в 2015 г. на 2% в 2016 г. выросли еще на 7,1%. Расходы на непродовольственные товары в 2015 г. упали на 12%, но в 2016 г. выросли на 10,5%. В 2016 г. восстановлена прерванная в предыдущем году долгосрочная тенденция сокращения в структуре ежемесячных расходов домохозяйств доли расходов на продукты питания. Если в 2015 г. по сравнению с предыдущим годом она увеличилась с 39,1 до 41,5%, то в 2016 г. уменьшилась до 40,5%. В 2016 г. было выявлено увеличение расходов практически по всем статьям бюджета домохозяйств на продукты питания и непродовольственные товары. И в то же время отмечено дальнейшее снижение неравенства населения по расходам. Если в 2015 г. домохозяйства верхнего квинтиля тратили на продукты питания и непродовольственные товары в 6,2 раза больше, чем домохозяйства нижнего квинтиля, то в 2016 г. — в 6 раз.

Исследование выявило некоторый рост потребительской активности россиян, который не всегда совпадал с динамикой снижения уровня жизни населения в условиях экономического кризиса. При этом обнаружен очередной рост уровня оснащённости домохозяйств различными предметами длительного пользования. За последний год доля домохозяйств, имеющих холодильники «No Frost», увеличилась с 60,8 до 61,7%, а имеющих автоматические стиральные машины последнего поколения – с 80,8 до 82,7%. Обеспечённость домохозяйств цветными телевизорами практически достигла максимально возможного уровня. Не изменилась также количество городских домохозяйств, имеющих дачу, остановившись на уровне 23,4%. Несмотря на продолжающийся спад на автомобильном рынке в России, доля домохозяйств, владеющих хотя бы одним легковым или грузовым автомобилем, увеличилась с 44,2 до 45,2%. Отмечено дальнейшее снижение уровня оснащённости домохозяйств отечественными легковыми автомобилями и повышение уровня их обеспеченности легковыми автомобилями иностранных моделей.

К хорошо заметным тенденциям относится рост оснащённости домохозяйств компьютерной техникой, темпы которого, однако, в последние годы снизились в силу высокой насыщенности семей этими техническими средствами. В 2015 г. по сравнению с 2014 г. доля домохозяйств, владеющих персональными компьютерами, увеличилась всего лишь на 0,2 п.п. – с 67,2 до 67,4%, а в 2016 г. – до 68,4%, т. е. на 1 п.п. Рост компьютеризации домохозяйств сопровождался увеличением числа граждан, пользующихся компьютерной техникой. В 2016 г. по сравнению с 2015 г. доля взрослых россиян, пользующихся компьютерами, увеличилась с 58,1 до 59,1%. Более значительным оказалось увеличение доли граждан, обращающихся к услугам Интернета, которая в 2016 г. по сравнению с 2015 г. выросла с 58 до 61,5%. Обращает на себя внимание повышение уровня обеспеченности семей разного рода гаджетами. В 2015–2016 гг. доля россиян, владеющих планшетами и лично пользующихся ими, составляла около 9%, а доля пользующихся планшетами вместе с другими членами семьи – 5,7%. В то же время удельный вес граждан, имеющих в личном пользовании смартфон, коммуникатор, I-Phone (айфон), увеличился с 21,3% в 2015 г. до 28% в 2016 г.

В прошедшем году ситуация с безработицей получила позитивную динамику. В отличие от предыдущих лет экономического кризиса, большинство компаний уже не проводили значительных сокращений численности персонала и более рационально подходили к решению кадровых вопросов. Лишь некоторые предприятия и организации прибегали к увольнению работников, но в основном это касалось лишь отдельных направлений. Если за 2014–2015 гг. доля экономически активного населения, не имеющего работы и ищущего работу, выросла с 4 до 5,5%, то в 2016 г. был выявлен ее спад до 4,7%. При этом безработица среди мужчин за последний год снизилась с 5,4 до 4%, в то время как среди женщин – только с 5,7 до 5,6%. В 2016 г., как и предыдущие годы, в структуре безработицы полностью доминировала «длительная» безработица (продолжительностью свыше 3-х месяцев), достигавшая 67,7%. На долю «среднесрочной безработицы» приходилось 22,1%, тогда как на долю краткосрочной (продолжительностью до 1 месяца) – 10,2%.

Доля лиц, сообщивших о смене места работы, за последний год уменьшилась с 9,7 до 9,5%, тогда как доля сообщивших о смене профессии увеличилась с 6,2 до 6,6%. Намечилось сокращение уровня участия в рабочей силе, под которым понима-

ется отношение численности рабочей силы к общей численности взрослого населения, выраженное в процентах. С 2010 г. по 2016 г. этот уровень уменьшился с 83,2 до 81,7%, в том числе за последний год на 0,6 п.п. За последний год коэффициент участия в рабочей силе у мужчин уменьшился с 85,2 до 84,7%, тогда как у женщин — с 79 до 78,4%. В то же время уровень занятости среди женщин, вышедших на пенсию, оставался выше, чем среди мужчин-пенсионеров. Занятость среди мужчин-пенсионеров увеличилась с 19,3% в 2015 г. до 20,7% в 2016 г., в то время как доля работающих женщин-пенсионеров уменьшилась за этот же период с 25 до 24,1%.

Исследование выявило сокращение числа работников, имеющих задолженность по заработной плате на основной работе. Если с 2014 г. по 2015 г. доля таких работников увеличилась с 2,5 до 2,8%, то в 2016 г. она уменьшилась до 1,8%, достигнув минимального уровня за время наблюдений. Отмечено также уменьшение сроков задолженностей, о чем свидетельствует значительное увеличение доли лиц, которым зарплата задерживалась на минимальные сроки (на 1 месяц и менее) — с 57,6% в 2015 г. до 78,2% в 2016 г. Средняя сумма задолженности на заработной плате за 2015 г. увеличилась на 10,5%, тогда как в 2016 г. уменьшилась на 1,3%. Как и в предыдущие годы, мужчинам зарплата задерживалась чаще, на большие сроки и на большие суммы, чем женщинам. Но разрыв между ними по доле имеющих задолженность сократился в 2016 г. до минимума (мужчины — 1,9%; женщины — 1,8%). Вместе с тем по величине средней суммы задолженности мужчины превосходили женщин в 1,7 раза.

Как и прежде, в 2016 г., мужчины превосходили женщин по доле получающих тот или иной вид дохода и по величине среднего размера дохода от трудовой деятельности. Причем в 2015–2016 гг. разрыв по доле получающих доход увеличился. Если в 2014 г. это преобладание составляло 5,5 п.п. (77,4 против 71,9%), то в 2015 г. — 6,9 п.п. (77,9 против 71%), а в 2016 г. — 9,4 п.п. (79,1 против 69,7%). Увеличилось превосходство мужчин над женщинами по доле лиц трудоспособного возраста, получающих доход от работы на частных предприятиях и предприятиях смешанной формы собственности: с 10 п.п. (42 против 32%) в 2015 г. до 10,6 п.п. (42,5 против 31,9%) в 2016 г. В то же время доля лиц, которые работали на предприятиях государственного сектора, среди мужчин трудоспособного возраста за последний год увеличилась с 29,1 до 29,9%, тогда как аналогичная доля женщин уменьшилась с 35,9 до 34,3%. Средняя величина дохода женщин практически повсеместно отстает от величины дохода мужчин. В 2016 г. средний размер дохода от трудовой деятельности, получаемого женщинами, составлял 74,4% от среднего дохода мужчин (74,1% в 2015 г.).

В 2016 г. было выявлено сокращение количества семей, испытывающих трудности со своевременной оплатой услуг жилищно-коммунального хозяйства. Если в 2015 г. по сравнению с 2014 г. доля домохозяйств-должников увеличилась с 7,2 до 8,4%, то в 2016 г. она уменьшилась до 7,9%. Средняя сумма задолженности российских домохозяйств по квартплате и/или оплате коммунальных услуг за 2015 г. увеличилась на 5,4% и далее в 2016 г. сразу на 43,3%. Средняя сумма месячной платы домохозяйств за жилье и коммунальные услуги за последний год выросла на 10,6%. Как и прежде самые высокие расходы на оплату жилья и/или коммунальных услуг несли домашние хозяйства во главе с мужчинами трудоспособного возраста. При этом домохозяйства во главе с мужчинами или женщинами трудоспособного возраста чаще попадали в разряд должников по квартплате и/или

оплате коммунальных услуг, чем домохозяйства, возглавляемые мужчинами или женщинами, достигшими пенсионного возраста. Наибольшие трудности по оплате этих услуг испытывают одинокие женщины, воспитывающие детей. Не случайно средняя сумма задолженности по оплате жилья и/или коммунальных услуг самой высокой была у домохозяйств во главе с женщинами трудоспособного возраста, более чем вдвое превышая аналогичные суммы задолженности домохозяйств, возглавляемых как мужчинами трудоспособного возраста, так и женщинами пенсионного возраста.

За прошедший год многие показатели, характеризующее социальное самочувствие россиян, изменились незначительно. Одной из главных причин такой стабилизации настроений было то, что люди постепенно привыкли к трудностям и стали чувствовать себя увереннее. Первоначальный шок от кризиса и падения уровня жизни заставил россиян затаиться, но затем люди стали более адекватно оценивать ситуацию и менее болезненно воспринимать происходящие события. Немаловажное значение имело снижение инфляционных ожиданий. Несмотря на сложную экономическую ситуацию и низкий уровень жизни, было выявлено лишь небольшое снижение уровня удовлетворенности россиян своей жизнью в целом. За последний год доля респондентов, полностью или скорее удовлетворенных своей жизнью в целом, уменьшилась с 49,6 до 48,1%. При этом в конце 2016 г. число граждан, довольных своей жизнью, вдвое превышало число недовольных. Но в то же время у россиян доминировали негативные оценки текущей экономической ситуации и большинство из них не ожидали быстрого улучшения условий жизни. Главный ущерб от кризиса большинство россиян видели в ухудшении своего материального положения, которое вынуждало их менять привычный образ жизни, прибегая к тотальной экономии. Сокращение потребления демонстрировали представители самых разных слоев населения.

К тенденциям, негативно отражающимся на социальном самочувствии россиян, следует отнести значительное снижение уровня удовлетворенности россиян своим материальным положением. С 2014 г. по 2015 г. доля респондентов, которые были полностью или скорее удовлетворены своим материальным положением, сократилась с 26,3 до 23,8% и затем в 2016 г. — до 20,2%. В то же время доля тех, кто в той или иной степени были недовольны материальной стороной своей жизни, выросла с 54,6% в 2014 г. до 58% в 2015 г. и далее в 2016 г. — до 60,7%. В то же время удельный вес респондентов, заметивших ухудшение материального положения своей семьи, увеличился с 23% в 2014 г. до 31,8% в 2015 г., но в 2016 г. уменьшился до 31,5%. Доля тех, кто указал на улучшение материального положения, снизилась с 20,4% в 2014 г. до 16% в 2015 г. и до 15,4% в 2016 г. К позитивным тенденциям можно отнести некоторое улучшение самооценок покупательских возможностей россиян.

В обществе доминировали негативные оценки текущей экономической ситуации. При этом тревожные ожидания от кризиса выражались в боязни ухудшения личных и семейных жизненных перспектив, обеспокоенности невозможностью обеспечить себя самым необходимым в ближайшем будущем. С 2014 г. по 2015 г. доля россиян, полагающих, что через 12 месяцев они и их семьи будут жить намного или немного лучше, чем сегодня, уменьшилась с 23,6 до 20,7%, а в 2016 г. до 19,7%, тогда как доля рассчитывающих на худшее увеличилась с 2014 г. по 2015 г. с 17,4 до 18,1%, но в 2016 г. уменьшилась до 15,4%. Кроме того, с 2014 г. по 2015 г. удельный вес ре-

спондентов, в большей или меньшей степени обеспокоенных тем, что не смогут обеспечить себя самым необходимым в течение ближайшего года, увеличился с 66,5 до 68% и в 2016 г. не изменился. В то же время доля тех, кто выражали противоположные настроения, уменьшилась с 2014 г. по 2015 г. с 22,1 до 19,7%, а в 2016 г. еще до 19,1%.

В 2016 г. продолжился рост обеспокоенности россиян проблемами трудоустройства и занятости, наблюдавшийся в предыдущие годы экономического кризиса, но темпы его существенно замедлились. В результате этого роста был зафиксирован самый высокий уровень тревожности респондентов угрозой потери работы начиная с 2000 г. За прошедший год доля граждан из числа занятого населения, которых очень или немного тревожит угроза потери рабочего места, увеличилась с 64,3 до 65,4%, тогда как доля лиц, не очень или совсем не обеспокоенных этой проблемой, уменьшилась с 23,1 до 21,8%. При этом была отмечена стабилизация уровня уверенности занятых в возможности нового трудоустройства в случае потери работы. Доля респондентов, полностью или скорее уверенных в возможности трудоустройства в случае потери рабочего места, за последний год уменьшилась с 36,8 до 36,6%, тогда как доля лиц, не очень или совсем не уверенных в этом, сократилась с 44,2 до 43,8%.

Среди способов поиска работы ведущее место на протяжении всех лет мониторинга принадлежит обращениям за помощью к друзьям и знакомым. В 2016 г. им воспользовались 79,8% соискателей. На второй позиции прочно закрепились обращения к рекламным объявлениям в Интернете. Доля лиц, обращавшихся к этому способу поиска работы, стремительно выросла с 13,1% в 2006 г. до 53,8% в 2016 г., в том числе за последний год на 1,7 п.п. На третьем месте расположились обращения кандидатов непосредственно на предприятия, которые до этого занимали четвертое место. В 2015 г. этим способом воспользовались 43,4%, тогда как в 2016 г. — 44,5%. Обращения к родственникам, значимость которых как способа поиска работы, за последние годы практически не менялась, в 2016 г. резко снизилась — с 49,4 до 40,6%. С 41,1% в 2015 г. до 40,2% в 2016 г. сократилась доля тех, кто искали работу с помощью традиционных рекламных объявлений. На последних позициях расположились такие способы поиска работы, как обращения в государственные и негосударственные службы занятости. При этом в 2016 г. в государственные службы занятости нуждающиеся обращались чуть ли не в три раза чаще, чем в негосударственные (34,2% против 12,1%).

В 2016 г. было выявлено возобновление роста уровня удовлетворенности занятых своей работой, прерванного годом ранее. В 2016 г. по сравнению с 2015 г. доля работников, полностью или скорее удовлетворенных своей работой в целом, увеличилась с 65,6 до 68,2%, тогда как доля тех, кто был недоволен работой, уменьшилась с 11,3 до 10,1%. Удельный вес работников, полностью или скорее удовлетворенных условиями своего труда, за последний год увеличился с 64,9 до 66,3%, в то время как доля лиц, которых совсем или скорее не устраивают условия труда, уменьшилась с 12,9 до 11,8%. Доля респондентов, в большей или меньшей степени удовлетворенных заработной платой, уменьшилась с 36,4 до 35,5% при том, что доля тех, кого не устраивает размер заработной платы, тоже уменьшилась с 39,3 до 38,3%. Аналогичные изменения выявлены в отношении удовлетворенности возможностями профессионального роста. С 2015 г. по 2016 г. доля удовлетворенных этими возможностями сократилась с 50,7 до 49,8%, а доля тех, кого не устраивают такие возможности, уменьшилась с 26,1 до 25,6%.

Список литературы

Бежин Е., Ивантер А., Иноземцева О., Козлов В., Толмачев Д. Посткризисный пазл // Эксперт. 2016. № 25.

Об итогах социально-экономического развития Российской Федерации в 2016 г. М.: Министерство экономического развития Российской Федерации, 2017.

Российское общество и вызовы времени. Книга третья / Под ред. Горшкова М. К., Тихоновой Н. Е. М.: Весь Мир, 2016.

Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / Под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М.: Весь Мир, 2017.

DOI: 10.17323/978-5-7598-1825-0_8-99

DYNAMICS OF SOCIO-ECONOMIC BEHAVIOR OF RUSSIAN HOUSEHOLDS (1994–2016)

Voronin G. L., Evgrafova K. O., Kozyreva P. M., Kosolapov M. S., Nizamova A. E., Sivkova I. V., Smirnov A. I., Sokolova S. B., Tonis E. I.

Abstract. The article analyzes the data collected during the 25th round of the “Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics” (RLMS-HSE). In 2016, real household income rose by 11.1% after a two-year decline between 2013 and 2015. The relative shares of income derived from different sources remained fairly stable. Work-related income and income from government transfer payments continued to yield the greatest portion of household income. In 2016, household expenditures increased by 9.2% with both food and non-food expenditures going up. It led to the restoration of a long-term trend towards the spending pattern with the significantly greater proportion of non-food expenditures, which was disrupted in 2015. The level of income inequality among households went down. The gap between households of the highest and the lowest income quintiles also contracted in term of expenditures. The general unemployment rate decreased from 5.5% in 2015 to 4.7% in 2016. This was majorly driven by the decline in unemployment among men. In 2016, women earned 74.4% of male work-related income. The number of workers who had wage arrears decreased from 2.8 to 1.8%, hitting an all-time low since 1994. The share of households struggling to pay rent and/or utility bills went down by 0.5% and amounted to 7.9% of all households. There was little change regarding personal well-being and life satisfaction. In 2016, people assessed their economic well-being a bit more negatively but were less pessimistic about life prospects. The proportion of those considering unemployment a serious problem continued to rise, however, the increase was negligible. The share of people completely satisfied with their current job went up from 65.6% in 2015 to 68.2% in 2016.

Keywords: Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics, RLMS-HSE, household, income, expenditure, consumption, employment, unemployment, inequality, attitudes.

References

Bezhin E., Ivanter A., Inozemtseva O., Kozlov V., Tolmachev D., Postkrizisnyy pazl // Ekspert. 2016. No 25. P. 40–47.

Ob itogakh sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii v 2016 g. Moskva: Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii, 2017.

Rossiyskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga tretya / pod red. M. K. Gorshkova, N. E. Tikhonovoy. Moskva: Ves Mir, 2016.

Rossiyskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga pyataya / pod red. M. K. Gorshkova, V. V. Petukhova. Moskva: Ves Mir, 2017.

Рощина Я. М.

РОЛЬ РЕЛИГИИ В ЖИЗНИ РОССИЯН

DOI: 10.17323/978-5-7598-1825-0_100-112

Аннотация. В работе представлен анализ данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS–HSE), характеризующих религиозную самоидентификацию россиян. Доля респондентов, считающих себя «верующими или скорее верующими», выросла с 63% в 1998 г. до 82% в 2015 г. с локальными минимума в 2003 г. (67%) и в 2016 г. (74%), по-видимому, связанными с изменением очередности задаваемых вопросов. Данные свидетельствуют о наличии расхождений между самоидентификацией с религией и восприятием себя как верующего или неверующего, что в наибольшей степени характерно для респондентов, идентифицирующих себя с православием. Рост доли верующих в рассматриваемый период произошел за счет увеличения числа верующих в средних возрастных группах. Молодежь (14–25 лет) оказалась группой, идентифицирующей себя с религией в наименьшей степени. В середине 2010-х гг. доля верующих была выше среди женщин, жителей сельской местности и жителей северного Кавказа. Различия по уровню дохода и образования, наблюдавшиеся в конце 1990-х гг., в значительной мере стерлись. В качестве факторов, повлиявших на обращение к религии, респонденты чаще всего отмечали наличие верующих старших родственников или какое-либо событие в их жизни. Верующие респонденты считали, что религия, прежде всего, дает им «силу справляться с жизненными трудностями» и «способность терпимо относиться к слабостям других». Менее трети верующих нашли в религии дружбу и поддержку других верующих, или надежду на жизнь после смерти. Христиане, принадлежащие к иным нежели православие конфессиям, а также мусульмане чаще отмечали положительную роль религии в их жизни. Религиозность некоторым образом связана с вероятностью состоять в зарегистрированном браке, количеством детей, наличием вредных привычек, занятостью и заработком, однако, определение характера данной связи требует дальнейшего более тщательного анализа, опирающегося на регрессивные модели.

Ключевые слова: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, РМЭЗ НИУ ВШЭ, RLMS–HSE, религия, религиозность, православие, социальные установки.

За последние 10–15 лет роль церкви в жизни общества стала гораздо более заметной. В исследовании РМЭЗ ВШЭ расширенные блоки вопросов об отношении к религии были заданы в 2003 и 2016 г. (респондентам в возрасте 14 лет и старше). Впервые вопрос о том, считают ли респонденты себя верующими, был задан в 1998 г., а в 2000 г. к нему был добавлен вопрос о типе религии (причем на него отвечали и те, кто назвал себя неверующим или атеистом). Динамика отнесения себя к верующим или неверующим отражена на рис. 1. Как можно заметить, в целом наблюдался рост доли тех, кто считал себя «верующим или скорее верующим» с 63% в 1998 г. до 82% в 2014–2015 гг., с локальными снижениями в 2003 г. (с 73 до 67%) и 2016 г. (до 74%). Однако именно в 2003 и 2016 г. вопрос о том, считает ли респондент себя верующим, был задан после вопроса о том, к какой именно религии человек себя относит, а не до, как во всех остальных волнах исследования¹. Кроме того, в эти две волны вопросам о религии предшествовали вопросы о необходимости поддержки церкви государством. Мы полагаем, что локальные минимумы 2003 и 2016 г. объясняются изменением последовательности вопросов, а не реальным снижением уровня религиозности людей.

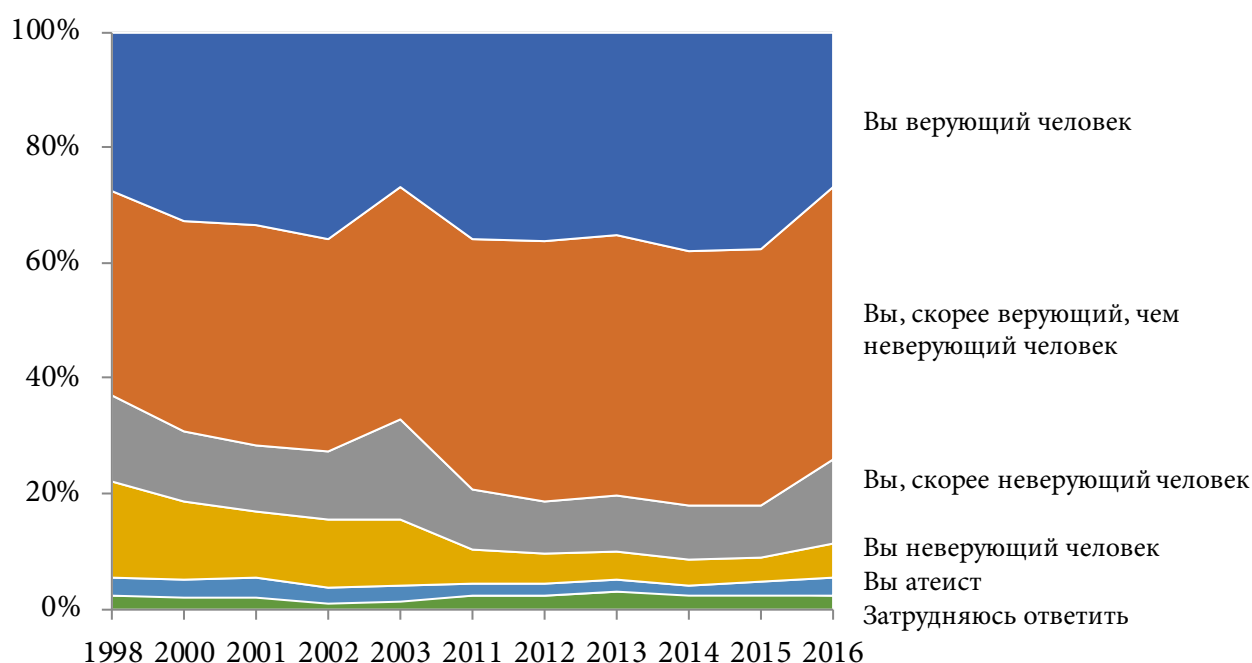

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Каково Ваше отношение к религии?», 1998–2016 гг.

Что касается типа религии (на этот вопрос отвечали все респонденты, независимо от ответа на вопрос об отношении к религии), то, как показывает таблица 1, за 2000–2006 гг. выросла прежде всего доля тех, кто считает себя православным, в основном за счет тех, кто в 2000–2003 гг. отвечал «Не отношу себя ни к какой религии».

¹ Как в одном, так и в другом случае, все респонденты отвечали на оба вопроса независимо от их ответа на первый вопрос.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «К какой религии Вы себя относите?»,
2000–2016 гг., %

	2000	2001	2002	2003	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Православные	74,4	78,2	78,1	76,9	82,2	82,1	81,1	82,5	82,3	80,7
Другие христиане	1,1	1,0	1,1	1,1	0,7	0,6	0,7	0,7	0,8	0,7
Мусульмане	7,4	7,3	7,5	7,6	6,7	6,9	7,2	7,7	7,5	7,7
Иудеи	0,1	0,0	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Восточные религии, язычество и другие	0,1	0,2	0,1	0,1	0,1	0,1	0,2	0,2	0,2	0,2
«Единый бог» и т. д.*	0,1	0,2	0,1	0,2	0,1	0,05	0,03	0,1	0,1	0,1
Несколько религий	0,01	0,03	0,01	0,03	0,03	0,0	0,01	0,03	0,02	0,0
Ни к какой	15,8	11,7	12,2	13,0	9,0	8,9	9,2	7,6	7,8	9,5
Затрудняюсь ответить	1,1	1,3	0,8	1,0	1,1	1,2	1,5	1,2	1,2	1,0
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

*Объединены ответы типа «вера в высший разум», «верю во что-то высшее» и т. д.

Примечательно также, что во все годы немалая доля тех, кто указал свою религию, одновременно считали себя неверующими или скорее неверующими, либо затруднились ответить (см. табл. 2), причем эта доля была ниже всего среди мусульман (5,6%) и выше всего среди «прочих религий» (16%). Среди тех, кто считает себя православным, 14,4% отметили, что являются неверующими или скорее неверующими, либо затруднились с ответом.

Таблица 2

Религиозность в зависимости от типа религии,
2000–2016 гг., %

	Православные	Другие христиане	Мусульмане	Прочие религии	Ни к какой религии	Не знает, к какой
Верующий	36,3	68,3	58,7	44,7	1,2	6,3
Скорее верующий	49,2	22,7	35,8	39,3	3,6	11,8
Скорее неверующий	9,7	5,4	3,5	5,3	26,9	19,2
Неверующий, атеист	3,2	3,3	1,5	9,5	65,7	10,3
Затрудняюсь ответить	1,5	0,4	0,6	1,2	2,7	52,4
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Как можно заметить, за 2000–2015 гг. больше всего выросла доля тех, кто считает себя православным верующим (с 60 до 73%), и именно доли этих респондентов показали локальные минимумы в 2003 и 2016 г., прежде всего за счет роста доли тех, кто считает себя православным, но скорее неверующим. Доля верующих мусульман также выросла с 6,9 до 7,3%. Доля неверующих и не относящих себя ни к какой религии упала с 15% в 2000 г. до 7,6% в 2015 г., и немного выросла до 9% в 2016 г. (см. табл. 3).

Таблица 3

Отношение к вере и религия, 2000–2016 г., %

	2000	2001	2002	2003	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Верующие православные	60,3	63,1	63,7	58,1	71,8	73,5	72,3	73,5	73,4	65,2
Верующие другие христиане	1,0	0,8	1,0	1,0	0,6	0,6	0,6	0,6	0,8	0,6
Верующие мусульмане	6,9	6,7	7,0	6,7	6,4	6,7	6,9	7,3	7,3	7,3
Верующие других религий	1,3	1,1	1,2	1,4	0,8	0,7	0,9	0,7	0,9	1,1
Неверующие, относят себя к православным	14,1	15,2	14,4	18,9	10,4	8,6	8,9	9,0	8,9	15,5
Неверующие, относят себя к другой религии	0,7	1,0	0,8	1,1	0,4	0,3	0,4	0,4	0,3	0,6
Неверующие, не относящие себя ни к какой религии	15,1	11,3	11,7	12,4	8,8	8,7	8,6	7,4	7,6	9,0
Затруднившиеся дать ответ о религии	0,7	0,8	0,4	0,5	0,8	0,9	1,5	1,0	0,9	0,6
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

В 2003 и 2016 г., помимо двух вопросов о религиозности и типе религии, респондентам был задан блок дополнительных вопросов, в том числе — о том, когда они стали верующими (см. табл. 4). Согласно ответам всех респондентов, в 2003 г. верующими с детства были 55%, а в 2016 г. — 57%, при этом доля затруднившихся с ответом выросла с 3 до 6%. Среди мусульман в 2003 г. 64,6% ответили, что они верующие с детства, в 2016 г. таких респондентов было 47,5%. В то же время доля верующих мусульман среди всех респондентов незначительно увеличилась, с 6,7 до 7,3%, т. е. существенно выросла доля принявших ислам в сознательном возрасте. Доля верующих с детства среди православных немного уменьшилась (с 39 до 35,5%), среди других христиан не изменилась (41%), но значительно выросла среди верующих, относящих себя к какой-либо другой религии (с 20 до 39%).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Вы верующий человек с детства или стали верующим человеком, когда повзрослели?», 2003 и 2016 г., в % среди верующих

Год	Религия	С детства	Когда повзрослели	Затруднились ответить	Всего
2003	Православные	39,4	57,4	3,1	100,0
	Другие христиане	40,5	59,5	0,0	100,0
	Мусульмане	64,6	32,2	3,1	100,0
	Другая религия	19,8	69,8	10,4	100,0
	Всего	41,5	55,2	3,2	100,0
2016	Православные	35,5	58,3	6,3	100,0
	Другие христиане	40,6	56,3	3,1	100,0
	Мусульмане	47,5	48,7	3,9	100,0
	Другая религия	39,2	50,0	10,8	100,0
	Всего	36,7	57,2	6,1	100,0

В 2003 г. верующих также спрашивали о том, были ли религиозными их родственники, когда они сами были детьми, и попросили оценить, кто повлиял на то, что они стали верующими. Не удивительно, что среди тех, кто считает себя верующими, значительно выше доля людей, ответивших, что в их семье, когда они были детьми, кто-то из близких родственников был верующим (см. табл. 5). Особенно высока доля верующих бабушек (среди религиозных респондентов – 84%, среди нерелигиозных – 58%) и матерей (68 и 28% соответственно). Примерно также оценивают влияние окружения и сами верующие. В 2003 г. 60% ответили, что на то, что они стали религиозными людьми, повлиял кто-то из их семьи (мать, бабушка и т. д.); 9% отметили влияние друзей, 7% – супруга или супруги, 3,3% – членов какой-либо религиозной группы, 14% – информацию о религии из других источников; 34% респондентов указали на какое-либо событие в жизни, например, болезнь. Таким образом, сами респонденты чаще всего отмечают влияние родительской семьи или какого-то события в жизни.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Когда Вы были ребенком, кто из членов Вашей семьи были верующими?», в зависимости от религиозности, 2003 г., вертикальный %

	Неверующие	Верующие	Всего
Бабушка	57,6	84,0	75,7
Дедушка	27,7	55,9	46,9
Мать	27,7	67,9	55,1
Отец	9,3	40,7	30,4
Брат или сестра	4,4	34,4	24,6
Другие члены семьи	6,0	31,5	23,0

При этом, как видно из рис. 2, если в 1998–2003 гг. доля верующих среди людей старше 60 лет была существенно выше, чем среди других возрастных групп (75–80% по сравнению с 60–70%), то в 2011–2016 гг. доля верующих среди возрастных групп старше 26 лет сблизилась (80–85%, кроме 2016 г.). Среди молодежи 14–25 лет она составляла 72–74%, в 2016 г. – только 62%. Таким образом, прирост доли верующих произошел прежде всего за счет людей среднего возраста, а не молодежи, как можно было ожидать в связи с тем, что те, кому было 14–25 лет в 2011–2016 гг., выросли в условиях гораздо более сильного влияния религии на общество, чем их родители.

Доля верующих существенно выше среди женщин: в 2000 г. – 80%, в 2015 г. – 90%, тогда как среди мужчин – 56 и 73% соответственно. Если в 2000 г. верующих было несколько меньше среди самых бедных (первая квинтильная группа) – 64% по сравнению с 70% среди всех остальных, то к 2015–2016 г. эти различия практически исчезли. То же касается и влияния образования: если среди людей 26 лет и старше в 1998 г. доля верующих была наиболее низка среди людей с высшим образованием (59%), а наиболее высока – среди тех, у кого не было полного среднего образования (72%), то к 2015 г. эти доли статистически не различаются. Напротив, если в 1998 и 2000 г. практически не было разницы между жителями города и села, то в 2015 г. среди первых относили себя к верующим 81%, а среди вторых – 86%.

Как следует из таблицы 6, среди этнических групп религиозность наиболее высока среди народов Северного Кавказа (в 2015 г. – 99%), а наиболее низка была в 1998 г. среди русских и народов Поволжья и Севера России (61–62%), а в 2015 г. – только среди народов Поволжья и Севера России, а также прочих не европейских народов (около 78%).

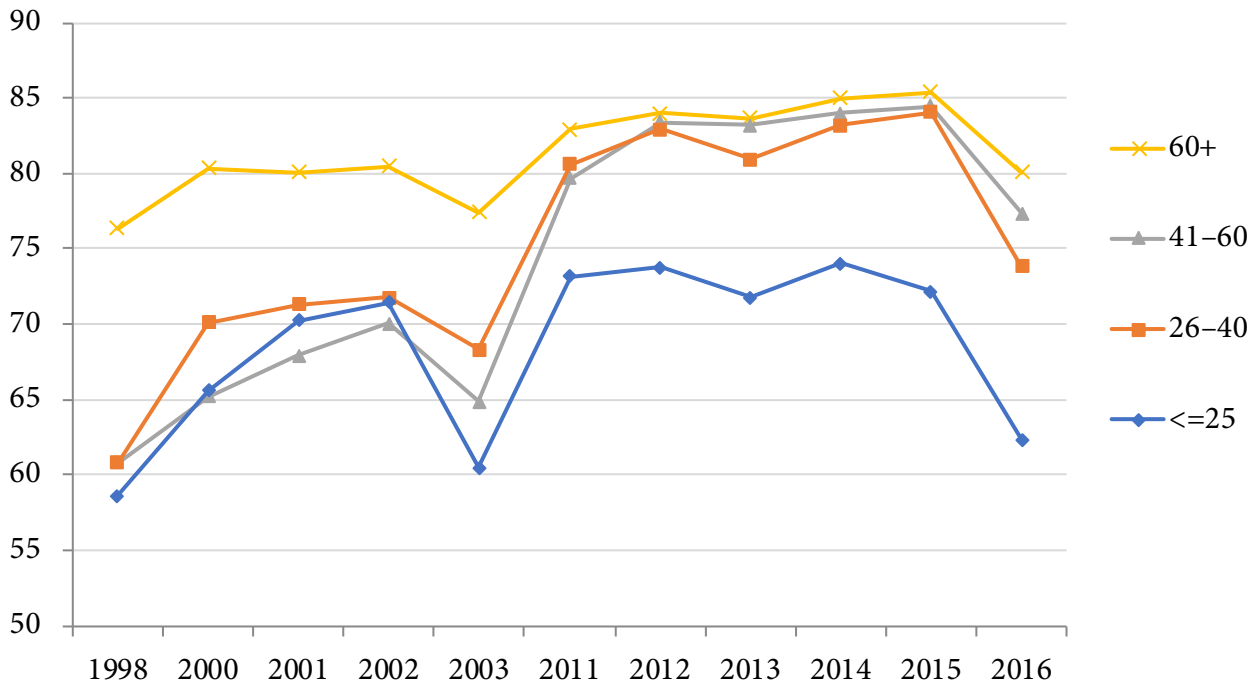

Рис. 2. Динамика доли респондентов, считающих себя верующими или скорее верующими, по возрастным группам, 1998–2016 гг., %

Таблица 6

Доля считающих себя верующими или скорее верующими в зависимости от этнической группы, 1998–2016 гг., %

Год	Русские	Украинцы, белорусы, молдаване	Народы Северного Кавказа	Народы Поволжья и Севера	Татары, башкиры	Прочие европейские народы	Прочие не европейские народы
1998	61,2	69,1	96,2	61,7	68,5	63,8	49,8
2000	67,7	68,8	96,7	64,7	76,4	69,8	64,9
2015	81,2	87,9	98,6	77,7	86,2	82,8	77,5
2016	72,9	73,0	95,3	69,0	81,8	71,7	67,2

В 2003 и 2016 г. респондентам, которые сообщили, что они считают себя верующими, был задан вопрос о частоте посещения религиозных мероприятий (см. табл. 7). В наибольшей степени изменения коснулись доли считающих себя неверующими (сокращение с 33 до 26%), а также тех, кто посещает религиозные мероприятия не чаще 1 раза в год (рост с 31 до 35%). Несколько выросла доля бывающих в церкви несколько раз месяц, с 4 до 6%. По всей вероятности, именно эти люди являются наиболее включенными в жизнь религиозной общины.

Таблица 7

Распределение респондентов по частоте посещения религиозных мероприятий, 2003 и 2016 г., %

	2003	2016
Неверующий или скорее неверующий	32,9	25,9
Не посещает или реже 1 раза в год	31,8	31,8
Не знает, как часто посещает	0,4	0,8
1 раз в месяц и реже	30,7	35,3
Несколько раз в месяц	4,1	6,1
Всего	100,0	100,0

Данные опроса показали (см. табл. 8), что и в 2003 г., и в 2006 г. наиболее часто посещали религиозные мероприятия христиане, не относящиеся к православным (48% делают это 1 раз в месяц и чаще), а реже всего — мусульмане (69% не посещают совсем или делают это реже 1 раза в год).

Таблица 8

Распределение респондентов по частоте посещения религиозных мероприятий в зависимости от вероисповедания, 2003 и 2016 г., в % среди верующих

	Православные	Другие христиане	Мусульмане	Прочие
Не посещает или реже 1 раза в год	41,7	23,9	69,4	65,9
Не знает, как часто посещает	0,7	0,7	2,7	0,5
1 раз в месяц и реже	50,3	27,5	22,8	28,6
Несколько раз в месяц	7,3	47,8	5,1	5,1
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Наиболее часто (несколько раз в месяц) посещают религиозные мероприятия женщины (7% по сравнению с 3% мужчин), люди старше 60 лет (8% по сравнению с 6% среди людей 41–60 лет, 4% в группе 26–40 лет, 3% среди молодежи до 25 лет), а также люди с высшим образованием (7%, по сравнению с 6% среди имеющих среднее профессиональное образование, 4% среди не имеющих профессионального образования).

Панельный характер данных позволяет увидеть, насколько постоянны в своих ответах респонденты (см. табл. 9). Будем иметь в виду, что в 2003 и 2016 г. порядок вопросов был изменен, поэтому сравнительно высока доля тех, кто в 2002 и 2015 г. назвали себя верующими или скорее верующими, а в следующем году — неверующими или скорее неверующими. В целом большинство респондентов не изменяет свой ответ по сравнению с предшествующей волной. Однако среди респондентов, назвавших себя «верующими», через год около трети идентифицировали себя как «скорее верующие», а 3–5% как «скорее неверующих» или «неверующих». Среди определивших себя как «скорее верующие» доля переходивших в группу «неверующих» была выше — от 10 до 20%. Довольно значительная доля «скорее неверующих», которая на следующий год определила себя как «скорее верующие» (от 30 до 40%) и «верующие» (около 10%). Среди определенно «неверующих» на следующий год относили себя к «верующим» от 20 до 30%. Особенно неустойчивы взгляды тех, кто затруднился с ответом. Таким образом, нельзя сказать, что в отношении религии для людей характерно постоянство взглядов, даже

в течение одного года ответы людей могут существенно измениться, причем как в одну, так и в другую сторону при сохранении общей тенденции к росту людей, считающих себя верующими.

Таблица 9

Матрица переходов по отношению к религии между соседними волнами, 2000–2015, в % по строке*

Год	Отношение к религии	Неверующий	Скорее неверующий	ЗО	Скорее верующий	Верующий	Всего
2000	Неверующий, атеист	48,7	19,9	2,8	21,4	7,2	100,0
	Скорее неверующий	23,2	30,8	2,3	34,3	9,4	100,0
	ЗО	13,8	19,0	21,6	26,7	19,0	100,0
	Скорее верующий	5,8	10,1	1,3	61,3	21,5	100,0
	Верующий	3,0	2,6	0,7	23,1	70,6	100,0
2001	Неверующий, атеист	54,5	18,9	0,3	19,3	7,0	100,0
	Скорее неверующий	24,1	35,3	1,1	30,7	8,8	100,0
	ЗО	13,2	15,7	17,4	41,3	12,4	100,0
	Скорее верующий	6,1	10,4	0,7	59,0	23,8	100,0
	Верующий	3,0	2,0	0,4	21,6	73,0	100,0
2002	Неверующий, атеист	51,1	27,2	1,0	17,8	2,9	100,0
	Скорее неверующий	22,6	42,5	1,2	28,3	5,4	100,0
	ЗО	14,1	28,1	20,3	21,9	15,6	100,0
	Скорее верующий	7,6	15,5	1,1	60,8	15,0	100,0
	Верующий	2,6	6,2	1,0	32,4	57,8	100,0
2011	Неверующий, атеист	46,4	19,8	3,0	23,7	7,1	100,0
	Скорее неверующий	17,2	28,6	2,3	43,3	8,6	100,0
	ЗО	11,5	13,0	20,7	41,4	13,4	100,0
	Скорее верующий	3,0	6,7	1,3	64,5	24,5	100,0
	Верующий	1,2	2,3	0,6	29,8	66,0	100,0
2012	Неверующий, атеист	45,6	20,1	4,7	22,7	7,0	100,0
	Скорее неверующий	13,2	34,6	3,8	38,4	9,9	100,0
	ЗО	11,4	11,4	30,4	35,9	11,0	100,0
	Скорее верующий	2,9	7,8	1,9	65,2	22,2	100,0
	Верующий	1,5	2,6	0,9	27,6	67,4	100,0
2013	Неверующий, атеист	44,6	22,0	4,2	20,9	8,3	100,0
	Скорее неверующий	13,7	34,8	2,6	37,5	11,4	100,0
	ЗО	5,7	17,0	30,9	36,5	9,9	100,0
	Скорее верующий	2,4	7,1	1,8	62,3	26,3	100,0
	Верующий	1,1	2,4	0,2	25,9	70,5	100,0
2014	Неверующий, атеист	50,7	22,1	2,1	18,2	6,9	100,0
	Скорее неверующий	13,2	34,2	2,5	41,1	9,0	100,0
	ЗО	7,8	12,4	27,5	41,7	10,6	100,0
	Скорее верующий	2,9	7,2	2,1	65,0	22,9	100,0
	Верующий	1,1	2,0	0,5	27,8	68,7	100,0
2015	Неверующий, атеист	55,1	19,3	2,2	18,5	4,9	100,0
	Скорее неверующий	19,4	44,3	2,1	30,2	4,1	100,0
	ЗО	12,6	27,0	23,3	27,0	10,2	100,0
	Скорее верующий	5,2	15,2	1,8	63,5	14,4	100,0
	Верующий	1,7	5,3	1,0	40,9	51,0	100,0

Примечание. Здесь и далее ЗО – «Затрудняюсь с ответом».

В 2003 и 2016 г. респондентам также был задан ряд вопросов о том, что именно дает им религия, причем в 2003 г. вопросы задавались только верующим, а в 2016 г. – всем респондентам. Анализ данных показал, что в 2016 г. практически на все эти вопросы 60–80% неверующих ответили отрицательно или затруднились с ответом. Поэтому мы приведем сравнение между 2003 и 2016 г. только для верующих (см. табл. 10). В целом доля верующих, ответивших положительно на каждый из шести вопросов, несколько выросла (за исключением терпимости). Наибольшая доля ответила, что религия дает им «силу справляться с жизненными трудностями» (64% в 2003 г. и 70% в 2016 г.), а также «способность терпимо относиться к слабостям других» (65%). Около половины считают, что с религией они приобрели чувство уверенности в будущем, а также представление о том, что правильно, а что нет. Менее трети верующих нашли в религии дружбу и поддержку других верующих, или надежду на жизнь после смерти.

Таблица 10

Распределение ответов на вопрос: «Могли бы вы сказать, что религия дает Вам...», 2003 и 2016 г., в % среди верующих

Вопрос	Ответ	2003	2016	Всего
Чувство уверенности в будущем?	Нет	41,6	38,1	39,5
	ЗО	10,4	9,6	9,9
	Да	48,0	52,3	50,7
Силу справляться с жизненными проблемами?	Нет	29,2	22,9	25,3
	ЗО	7,3	7,0	7,1
	Да	63,5	70,1	67,6
Дружбу, поддержку других верующих?	Нет	66,8	59,6	62,3
	ЗО	8,9	8,8	8,8
	Да	24,3	31,6	28,9
Четкое представление о том, что правильно, а что неправильно?	Нет	42,6	35,9	38,5
	ЗО	10,0	9,0	9,4
	Да	47,4	55,1	52,2
Надежду на жизнь после смерти?	Нет	56,0	51,6	53,2
	ЗО	14,3	16,0	15,4
	Да	29,7	32,4	31,4
Способность терпимо относиться к слабостям других?	Нет	26,4	26,8	26,6
	ЗО	9,3	8,3	8,7
	Да	64,3	64,9	64,7

Далее мы закодировали ответы на серию вопросов о том, что дает религия, следующим образом: да=1, ЗО=0,5, нет=0, – и рассчитали средние значения в зависимости от разных характеристик, объединив 2003 и 2016 г. (см. табл. 11). Наибольшая доля давших положительные ответы почти на все вопросы оказалась среди мусульман и «других христиан» (кроме православных). Наиболее терпимыми считают себя представители христиан, кроме православных, и они также в наибольшей степени усваивают моральные нормы. Мусульманам религия больше, чем остальным, дает силу справляться с трудностями и чувство уверенности в будущем, а также надежду на жизнь после смерти. Неудивительно, что больше всего в целом дает вера тем, кто чаще всего посещает религиозные мероприятия (или наоборот, частота зависит от важности религии в их жизни). Женщины в целом в большей

степени, чем мужчины, отмечают позитивную роль религии в своей жизни, особенно это касается силы справляться с жизненными проблемами и терпимости к слабостям других. А вот между людьми с разным уровнем образования практически нет различий, за исключением того, что те, кто не имеет профессионального образования, чаще отмечают, что религия дает им надежду на жизнь после смерти.

Таблица 11

Среднее значение ответов на вопрос: «Могли бы вы сказать, что религия дает Вам...»,
2003 и 2016 г., в % среди верующих (да=1, 3\O=0,5, нет =0)*

	Чувство уверенности в будущем	Силу справиться с проблемами	Поддержку других верующих	Представление о том, что правильно	Надежду на жизнь после смерти	Терпимость к слабостям других
Вероисповедание						
Православные	0,52	0,70	0,28	0,54	0,35	0,67
Другие христиане	0,77	0,83	0,74	0,85	0,65	0,91
Мусульмане	0,85	0,85	0,72	0,82	0,73	0,82
Никакое	0,44	0,54	0,22	0,41	0,29	0,58
ЗО	0,46	0,62	0,38	0,49	0,32	0,66
Посещение религиозных мероприятий						
Не посещает или реже раза в год	0,48	0,62	0,28	0,50	0,35	0,61
Раз в месяц и реже	0,59	0,76	0,33	0,60	0,39	0,74
Несколько раз в месяц	0,81	0,91	0,63	0,79	0,61	0,87
Возраст						
<=25	0,55	0,66	0,33	0,56	0,42	0,65
26–40	0,53	0,69	0,31	0,56	0,38	0,67
41–60	0,55	0,73	0,32	0,56	0,36	0,70
61+	0,60	0,75	0,39	0,60	0,41	0,73
Пол						
Женщины	0,57	0,76	0,35	0,59	0,40	0,72
Мужчины	0,53	0,64	0,31	0,54	0,37	0,64
Образование						
8–9 классов или НПО без ср.обр.	0,58	0,70	0,36	0,57	0,42	0,66
10–11 классов школы	0,58	0,71	0,37	0,58	0,43	0,69
НПО или СПО со ср.обр.	0,55	0,71	0,32	0,55	0,36	0,70
Высшее образование	0,52	0,72	0,30	0,58	0,39	0,70
Всего	0,56	0,71	0,33	0,57	0,39	0,69

Примечание: НПО – начальное профессиональное образование; СПО – среднее профессиональное образование.

Некоторые различия между неверующими, верующими, но посещающими религиозные мероприятия с разной частотой, а также людьми разного вероисповедания, можно увидеть в таблицах 12 и 13. Так, в незарегистрированном браке реже состоят верующие в целом, но особенно мусульмане и христиане (кроме православных), а также те, кто посещает церковь несколько раз в месяц. Среди последних наиболее высока доля вдов (вдовцов) и разведенных (см. табл. 12).

Таблица 12

Брачный статус в зависимости от отношения к религии, 2003 и 2016 г., в % по строке

	Никогда не состояли	В зарегистр. браке	В не зарег. браке	Разведены	Вдовец (вдова)	Зарег., но не живут
<i>Отношение к вере и частота посещения религиозных мероприятий</i>						
Неверующий, скорее неверующий	30,6	46,4	11,3	6,6	5,1	0,2
Верующий или скорее верующий	20,6	48,5	9,8	8,2	12,7	0,3
Не посещает или реже 1 раза в год	22,7	47,7	9,9	7,7	11,7	0,2
Раз в месяц и реже	18,7	50,0	10,1	8,2	12,7	0,3
Несколько раз в месяц	17,5	44,3	7,5	12,0	18,5	0,2
<i>Вероисповедание</i>						
Православные	20,8	48,5	10,7	8,0	11,6	0,3
Другие христиане	21,2	46,8	4,5	12,2	15,4	0,0
Мусульмане	33,2	48,5	4,0	6,4	7,7	0,2
Никакое	33,2	44,3	10,9	6,7	4,8	0,1
ЗО	49,1	32,9	11,6	2,9	3,5	0,0
Всего	23,4	47,9	10,2	7,8	10,5	0,2

Таблица 13

Количество детей в зависимости от отношения к религии, 2016 г., в % по строке

	Нет детей	1 ребенок	2 детей	3 и больше
<i>Отношение к вере и частота посещения религиозных мероприятий</i>				
Неверующий, скорее неверующий	40,4	26,0	25,4	8,2
Верующий или скорее верующий	26,5	30,8	33,2	9,5
Не посещает или реже 1 раза в год	30,5	26,9	32,1	10,4
Раз в месяц и реже	23,7	33,2	34,8	8,3
Несколько раз в месяц	19,6	38,7	30,7	11,0
<i>Вероисповедание</i>				
Православные	27,4	31,5	32,7	8,4
Другие христиане	21,3	37,3	29,3	12,0
Мусульмане	43,1	15,5	22,2	19,2
Никакое	40,4	25,9	26,1	7,5
ЗО	50,0	22,5	19,6	7,8
Всего	30,1	29,6	31,2	9,1

Верующие и неверующие различаются по количеству детей в (см. табл. 13). Среди неверующих не имеют детей 40%, среди верующих – 27%, что, впрочем, может быть связано с более молодым возрастом неверующих. Среди неверующих 25% семей с двумя детьми и 8,2% семей с тремя и более детьми; среди верующих таких семей 33 и 10% соответственно. Среди респондентов, посещающих религиозные мероприятия несколько раз в месяц, доля семей с тремя и более детьми достигает 11%. Больше всего многодетных семей среди мусульман (19% опрошенных), а также среди «других (кроме православных) христиан» (12%).

Наконец, отношение к религии может оказывать влияние на образ жизни и занятость (см. табл. 14). Так, очевидно, что среди верующих ниже доля потребляющих алкоголь (45%), особенно среди мусульман (24%). Среди тех, кто посещает церковь раз в месяц и чаще, доля потреблявших алкоголь за последний месяц самая низкая среди всех верующих (36%). Вероятность курить также, очевидно, падает с ростом частоты посещений церкви. Самая низкая доля курящих наблюдается среди мусульман.

Таблица 14

Образ жизни и работа в зависимости от отношения к религии, 2003 и 2016 г., в % по строке

	Употр. алкоголь	Курит	Заним. спортом	Есть работа	Средняя зарплата, руб.
Отношение к вере и частота посещения религиозных мероприятий					
Неверующий, скорее неверующий	52,0	40,5	21,3	58,6	21 113
Верующий или скорее верующий	45,2	26,3	17,7	57,4	20 645
Не посещает или реже 1 раза в год	44,2	29,5	18,4	54,8	19 236
Раз в месяц и реже	47,8	24,5	22,0	60,8	21 495
Несколько раз в месяц	36,4	19,0	21,9	51,4	23 237
Вероисповедание					
Православные	49,0	30,2	18,6	58,8	20 754
Другие христиане	37,3	20,9	21,3	55,5	24 705
Мусульмане	23,8	18,5	12,6	50,6	17 982
Никакое	51,5	40,0	22,4	56,4	21 748
ЗО	36,9	31,9	32,1	44,9	20 563
Всего	47,1	30,3	21,2	57,7	20 763

Разница в доле занятых между верующими и неверующими практически не значима (57 и 59% соответственно), но она ниже среди тех, кто бывает в церкви несколько раз в месяц (51%). На том же уровне занятость среди мусульман. Разница в средних заработках занятых (в ценах 2016 г.) между верующими и неверующими хотя и невелика, но в пользу последних. Самая высокая заработная плата у «других христиан», а самая низкая у «мусульман». Однако для корректных выводов о существовании зависимости занятости и доходов от отношения к религии необходим регрессионный анализ.

Таким образом, несмотря на неуклонное увеличение доли населения, идентифицирующего себя с той или иной религией, отношение россиян к религиозным ценностям и практикам остается неоднозначным и, во многом, ситуативным, о чем

свидетельствует динамика ответов респондентов РМЭЗ ВШЭ на вопросы анкеты, касающиеся религии. Степень религиозности напрямую связана с возрастом, полом, местом жительства респондентов, однако, наблюдавшиеся в конце 1990-х гг. различия между группами с разным уровнем дохода и образования к середине 2010-х гг. практически исчезают. Обращение к религии респонденты чаще всего связывают с влиянием старших родственников или определенными событиями своей жизни. Верующие респонденты рассматривают религию, прежде всего, как источник силы, который позволяет не только устоять в борьбе с жизненными неурядицами, но и терпимей относиться к слабостям окружающих. Респонденты, называющие себя верующими и неверующими, отличаются друг от друга по ряду демографических и социально-экономических характеристик, однако, для определения степени и значимости этих различий необходимы дальнейшие исследования.

DOI: 10.17323/978-5-7598-1825-0_100-112

RELIGION AND ITS ROLE IN RUSSIAN LIFE

Roshchina Ya.M.

Abstract. The paper analyzes attitudes towards religion among the Russian population in 1998–2016, relying on the data of “Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics” (RLMS-HSE). Between 1998 and 2015, the share of those considering themselves religious rose steadily, from 63 to 82 percent, with two sharp drops in 2003 and 2016, which apparently resulted from the reshuffle of the questionnaire in those two years. The data shows that the identification with a particular religion and the self-characterization as a religious person or a believer didn’t necessarily coincide. This is particularly true for those identified with the Russian Orthodox Church. The increase in the proportion of believers was primarily driven by the growing share of religious people among the adults over 25. Young people (aged 14–25) appeared to be involved in religious life to a much lesser extent. In the mid-2010s, the share of believers was higher among women, people living in the countryside and the region of the North Caucasus. There was no significant variation in the share of believers at the different levels of income and education, which used to be the case in late 1990-s. Religious people reported that their attitudes had been primarily influenced by religious relatives or certain events of personal life. They believed that religion helped them to deal with the hurdles of everyday life and tolerate the weaknesses and failings of other people. Less than a third said that they found friendship and support in religious communities, or that religion helped them to maintain the hope of an afterlife. Non-orthodox Christians and Muslims were more positive about religion and its benefits than others. Religious people were more likely to be married, have more than one child, and embrace a healthy lifestyle, but earned less than non-believers. These differences, however, needs further exploration.

Keywords: Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics, RLMS-HSE, attitudes, religion, religious believes, Russian Orthodox Church.

Куфлина Е. Д., Рощина Я. М.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА РОССИЯН И ЕЕ ФАКТОРЫ

DOI: 10.17323/978-5-7598-1825-0_113-135

Аннотация. В статье представлены результаты анализа объемов и дифференциации социального капитала на основании данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS–HSE). Несмотря на то что общий уровень доверия к людям сравнительно низок (в 2016 г. 42% респондентов заявили, что относятся к людям в целом настороженно), включенность населения в различные социальные сети достаточно высока. Россияне активно общаются с отдельно живущими родственниками и друзьями, хотя количество близких друзей у большинства незначительно. При этом снижение числа друзей и сравнительная нехватка общения наблюдается у людей старших возрастов. В последние годы россияне все активнее общаются онлайн. Особенно заметен рост доли пользователей в возрастах от 41 до 60 лет и от 61 года и старше и среди сельских жителей. В случае возникновения проблем респонденты в большей степени рассчитывают на помощь родственников, в меньшей степени – на помощь близких друзей, в незначительной степени – на помощь, которую можно получить посредством социальных сетей онлайн (к последнему, в основном, прибегают представители младших возрастов). Источники помощи и поддержки различаются в зависимости от возраста респондентов. Уверенность в получении помощи зависит от уровня образования и места жительства. Пол, возраст, уровень образования и место жительства оказывают непосредственное влияние на дифференциацию накопленного социального капитала. Для молодежи младше 25 лет и лиц с высшим образованием характерен наиболее высокий уровень социального капитала, накопленного онлайн; людям в возрасте 41–60 лет, лицам с высшим образованием и женщинам присуща наибольшая уверенность в возможности получить помощь в трудной жизненной ситуации; молодые люди, сельские жители и мужчины наиболее предрасположены к активному общению с друзьями и отличаются более высоким уровнем доверия; пожилые люди и женщины чаще других ищут опору в религиозных общинах и религиозных практиках.

Ключевые слова: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, РМЭЗ НИУ ВШЭ, RLMS–HSE, социальный капитал, доверие, социальные сети.

В научной литературе нет единого взгляда на природу и сущность социального капитала. Однако при всех существующих различиях, в многочисленных работах на данную тему можно выделить ряд общих черт: во-первых, социальный капитал включает в себя нормы и практики поведения; во-вторых, эти нормы и практики инкорпорированы в социальные сети, построенные на доверии¹. На макроуровне социальный капитал обеспечивает целостность больших человеческих коллективов, на микроуровне он определяет характер взаимодействий индивидов.

Социальные сети являются одним из наиболее важных критериев наличия социального капитала. В исследованиях выделяют три уровня или слоя социальных сетей². «Пронизывающие» («binding») сети предполагают интенсивные взаимодействия вовлеченных в эти сети индивидов, общие переживания и взаимную материальную и иную поддержку. «Связывающие» («bonding») сети обеспечивают обмен информацией и ресурсами между индивидами, не обязательно состоящими в непосредственном контакте друг с другом. «Открытые» («bridging») сети очерчивают рамки достаточно крупных социальных общностей, таких как клан или религиозная община, и работают на создание более общего чувства принадлежности. В современном мире социальные сети функционируют как в физическом, так и в виртуальном пространстве (сеть Интернет), что позволяет различать «офлайн» и «онлайн» сети. Для последних характерно отсутствие физического контакта индивидов в условиях непосредственного (моментального) взаимодействия.

Доверие второй неотъемлемый критерий наличия социального капитала. Высокий уровень доверия позволяет сокращать транзакционные издержки в социальных сетях и повышать эффективность взаимодействий³. Распространение доверия в социальных сетях может быть представлено как совокупность кругов, где уровень доверия наиболее высок в центре и постепенно снижается по направлению к периферии. Хорошим показателем уровня доверия на многочисленных перифериях может считаться доверие к незнакомым людям, или людям в целом⁴.

В представленной работе мы рассматриваем социальный капитал на микроуровне взаимодействия индивидов. Для оценки объемов накопленного социального капитала мы используем такие показатели как общий уровень доверия к людям, вовлеченность в жизнь религиозных общин, интенсивность контактов между родственниками и «офлайн» друзьями, степень уверенности индивидов в получении помощи в критической ситуации, интенсивность «онлайн» общения. Таким образом, мы получаем возможность оценить объемы социального капитала, накопленного на всех уровнях социального взаимодействия, т. е. в сетях типа «bridging», «binding» и «bonding».

¹ Coleman J. S. Social capital in the creation of human capital // *American Journal of Sociology*. 1988. № 94; Putnam, R. D., Leonardi, R., & Nonetti, R. Y. (1993). *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy* (STU-Student edition). Princeton University Press; Fukuyama, F. (2000). *Social Capital and Civil Society*. *International Monetary Fund Working Paper*, WP/00/74.

² Woolcock M., & Narayan D. (2000). *Social Capital: Implications for Development Theory, Research, and Policy*. *The World Bank Research Observer*, 15(2), pp. 225–249; Lin, N. (2008). *A Network Theory of Social Capital*. In D. Castiglione, & J. van Deth (Eds), *The Handbook of Social Capital*. Oxford, New York: Oxford University Press.

³ Coleman J. S. (1988). *Social Capital in the Creation of Human Capital*.

⁴ Фукуяма считает хорошим показателем общего уровня доверия ответы на следующий вопрос: «Если говорить в общем, вы могли бы согласиться с тем, что большинству людей можно доверять, или никогда нельзя «перестараться» с осторожностью, в случае взаимодействия с людьми?» (Fukuyama F. (2000). *Social Capital and Civil Society*).

В своем анализе мы опираемся на данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS-HSE). В 2016 г. в анкету обследования был включен блок вопросов, позволяющих более точно оценить включенность индивидов в различные социальные сети. Однако в тех случаях, где это возможно, мы также рассматриваем динамику интересующих нас показателей. Мы анализируем данные по индивидам в возрасте от 14 лет и старше. Для обеспечения репрезентативности мы используем взвешенные данные.

Доверие

В таблице 1 представлена динамика распределения ответов на вопрос: «Считаете ли Вы, что большинству людей можно доверять или в отношениях с людьми всегда надо быть осторожным?». По сравнению с 2014 г., в 2016 г. несколько снизилась доля тех, кто доверяет большинству людей, с 17,8 до 16,7%. Это произошло за счет роста доли тех, кто считает доверие зависящим от контекста.

Таблица 1

Динамика распределения ответов на вопрос: «Считаете ли Вы, что большинству людей можно доверять или в отношениях с людьми всегда надо быть осторожным?», 2012–2016 гг., %

	2012	2014	2016
В отношениях с людьми всегда надо быть осторожным	46,1	42,5	42,1
В то и другое, в зависимости от человека, условий	38,4	39,8	41,2
Большинству людей можно доверять	15,5	17,8	16,7

Уровень доверия падает с возрастом и увеличением уровня образования. Женщины менее склонны доверять людям, чем мужчины. Сельские жители менее «доверчивы» по сравнению с горожанами (см. табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Считаете ли Вы, что большинству людей можно доверять или в отношениях с людьми всегда надо быть осторожным?» по полу, возрасту, образованию и типу поселения, 2016 г., %*

	Быть осторожным	По ситуации	Доверять
Возраст			
<=25	38,5	40,9	20,6
26–40	41,8	41,6	16,6
41–60	42,9	41,5	15,5
61+	44,5	40,1	15,4
Пол			
Мужчины	40,3	41,9	17,9
Женщины	43,6	40,6	15,8

Продолжение таблицы 2

	Быть осторожным	По ситуации	Доверять
Образование			
8–9 классов школы или НПО без СО	40,7	38,9	20,4
10–11 классов школы	40,6	37,7	21,8
НПО или СПО с СО	43,5	43,7	12,9
Высшее образование	42,6	42,1	15,3
Тип поселения			
Город	35,2	38,3	26,5
Село	45,4	42,5	12,0
Всего	42,1	41,2	16,7

Примечание: Здесь и далее НПО – начальное профессиональное образование; СО – полное среднее образование; СПО – среднее профессиональное образование.

В данных RLMS-HSE есть также вопросы о доверии руководству и коллегам на предприятии, где работает респондент, однако они задаются только занятым (см. таблицу 3). Среди работающего населения страны можно заметить снижение доли тех, кто полностью доверяет руководству предприятия, с 21,4% в 2012 г. до 15,3% в 2015 г. В 2016 г. доля работников, доверяющих руководству, увеличилась до 17%. Доля людей, полностью доверяющих своим коллегам, снизилась с 26% в 2012 г. до 20,9% в 2016 г. Однако если посмотреть на долю тех, кто «полностью и скорее доверяет» как руководству, так и коллегам, то она осталась практически неизменной. Руководству доверяли или скорее доверяли около 68%, своим коллегам – около 80% занятых. То есть в целом можно говорить о некотором снижении только уровня полного доверия, тогда как уровень недоверия (полного и частичного) по отношению к коллегам остался на прежнем уровне (около 3%), а по отношению к руководству даже снизился (с 12 до 10%).

Таблица 3

Динамика распределения ответов на вопрос: «В какой степени Вы доверяете...», 2012–2016 гг., в % от занятых

	2012	2013	2014	2015	2016
...руководству Вашего предприятия, организации					
Совсем не доверяете	3,8	4,2	3,1	3,0	3,0
Скорее не доверяете	7,4	7,8	7,1	7,3	6,9
И доверяете, и не доверяете	20,5	21,7	21,6	23,6	21,3
Скорее доверяете	47,0	47,2	50,2	50,7	51,8
Полностью доверяете	21,4	19,1	18,0	15,3	17,0
...людям, с которыми Вы вместе работаете, Вашим коллегам					
Совсем не доверяете	0,9	1,0	0,8	0,7	1,1
Скорее не доверяете	2,2	2,7	2,2	2,6	2,2
И доверяете, и не доверяете	14,7	16,1	16,8	16,3	16,7
Скорее доверяете	56,2	56,2	56,8	60,0	59,1
Полностью доверяете	26,0	24,0	23,4	20,4	20,9

В наибольшей степени руководству доверяют люди старшего возраста (61+): 22,3% от всех занятых этого возраста (см. табл. 4). Женщины в большей степени склонны полностью доверять руководству нежели мужчины. Доля полностью доверяющих составила 18,2% среди женщин, против 15,8% среди мужчин. Наибольшее доверие выражают люди с высшим образованием, по сравнению с остальными степенями образования их доля составляет 22,3%. Среди городских жителей выше доля тех, кто скорее склонен доверять руководству, по сравнению с жителями сел, их доля составила 54,9% против 50,7% у сельчан.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос:
«В какой степени Вы доверяете руководству Вашего предприятия, организации?»
по полу, возрасту, образованию и типу поселения, 2016 г., в % от занятых

	Не доверяет	Скорее нет	И да и нет	Скорее да	Полностью
Возраст					
<=25	2,5	5,5	23,6	52,0	16,4
26–40	3,2	6,8	20,9	52,6	16,5
41–60	3,0	7,4	21,6	50,8	17,2
61+	2,8	6,0	16,3	52,6	22,3
Пол					
Мужчины	3,2	7,3	23,0	50,7	15,8
Женщины	2,8	6,5	19,8	52,7	18,2
Образование					
8–9 классов школы или НПО без СО	6,0	8,3	25,6	50,3	9,8
10–11 классов школы	2,9	6,9	25,1	48,8	16,2
НПО или СПО с СО	3,1	8,4	22,1	51,8	14,6
Высшее образование	2,0	4,8	17,5	53,4	22,3
Тип поселения					
Город	3,5	4,4	21,2	54,9	16,0
Село	2,8	7,7	21,4	50,7	17,4
Всего	3,0	6,9	21,3	51,8	17,1

Для занятых младше 60 лет явных различий в уровне доверия коллегам нет, однако для группы имеющих работу в возрасте старше 61 года доля тех, кто полностью доверяет коллегам значительно больше, чем для представителей других возрастных групп (см. табл. 5). Женщины с большим доверием относятся к коллегам, доля полностью доверяющих составила 21,8% против 20,0% у мужчин. Интересно отметить, что наиболее высоким уровнем доверия к коллегам отличаются представители занятого населения с высшим образованием и окончившие 10–11 классов школы. Доли полностью доверяющих среди этих групп составляют 23,4% и 22,1% соответственно. Наибольшим доверием к коллегам по работе обладают сельчане, их доля (21,3%) значительно больше такого же показателя у горожан (20,0%).

Таблица 5

**Распределение ответов на вопрос:
«В какой степени Вы доверяете людям, с которыми Вы работаете, Вашим коллегам?»
по полу, возрасту, образованию и типу поселения, 2016 г., в проц. от занятых**

	Не доверяет	Скорее нет	И да и нет	Скорее да	Полностью
Возраст					
<=25	1,2	2,8	18,1	57,5	20,4
26–40	1,3	2,2	18,4	59,2	19,0
41–60	0,9	2,1	15,6	59,3	22,2
61+	0,8	1,6	9,9	60,5	27,3
Пол					
Мужчины	1,4	2,1	16,8	59,8	20,0
Женщины	0,9	2,2	16,7	58,4	21,8
Образование					
8–9 классов школы или НПО без СО	2,7	3,5	19,8	58,6	15,4
10–11 классов школы	1,2	2,1	16,9	57,7	22,1
НПО или СПО с СО	0,9	2,1	18,0	59,3	19,7
Высшее образование	0,7	2,0	14,2	59,6	23,4
Тип поселения					
Город	1,0	2,0	15,0	62,0	20,0
Село	1,1	2,2	17,3	58,0	21,3
Всего	1,1	2,2	16,7	59,1	20,9

Религиозная жизнь

В анкете RLMS-HSE 2016 г. есть вопросы о частоте посещений религиозных мероприятий и ощущении поддержки со стороны других верующих, которые свидетельствуют о степени включенности индивидов в жизнь религиозной общины.

Как свидетельствуют данные, представленные в таблице 6, лишь 6% респондентов посещают религиозные мероприятия несколько раз в месяц, 36% делают это реже раза в месяц, 32% – реже 1 раза в год. Таким образом, скорее всего, включенными в социальные сети верующих можно считать только 6% населения. Тем не менее можно заметить, что доля тех, кто посещает религиозные мероприятия несколько раз в месяц, увеличивается с возрастом и ростом уровня образования. Кроме того, доля активно участвующих в жизни религиозной общины выше среди женщин и жителей села.

Таблица 6

Частота посещения религиозных мероприятий по полу, возрасту, образованию и типу поселения, 2016 г., в % по строке

	Неверующий	Реже 1 раза в год	Раз в месяц и реже	Несколько раз в месяц
Возраст				
<=25	38,2	31,0	27,7	3,1
26–40	26,4	32,1	36,5	5,0
41–60	22,9	31,7	38,8	6,7
61+	20,1	33,7	36,2	10,0
Пол				
Мужчины	38,1	34,0	24,8	3,0
Женщины	16,2	30,5	44,5	8,8
Образование				
8–9 классов школы или НПО без СО	33,8	35,2	26,5	4,5
10–11 классов школы	26,8	36,1	32,3	4,8
НПО или СПО с СО	23,3	31,6	38,4	6,7
Высшее образование	23,2	27,2	41,7	8,0
Тип поселения				
Город	25,4	41,6	29,6	3,5
Село	26,5	27,6	38,4	7,5
Всего	26,1	32,1	35,6	6,2

На вопрос «Могли бы Вы сказать, что религия дает Вам дружбу, поддержку других верующих?» 31,5% верующих дали положительный ответ, 59,5% дали отрицательный ответ, 9% затруднились ответить (см. табл. 7). Представители старших возрастов (61+) отметили, что религия является возможностью приобретения друзей и получения поддержки в наибольшем числе случаев по сравнению с представителями других возрастных групп (36,9%). То же характерно для женщин по сравнению с мужчинами: 33,1% женщин и 28,9% мужчин ощущают поддержку других верующих. Положительно на вопрос о поддержке со стороны других верующих чаще всего отвечали люди с образованием на уровне 8–9 классов школы (34,5%) и 10–11 классов школы (38,0%). Среди городских жителей доля тех, кто склонен ощущать поддержку других верующих, выше нежели аналогичная доля среди сельчан (37,9 против 28,5%).

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос: «Могли бы Вы сказать, что религия дает Вам дружбу, поддержку других верующих?» по полу, возрасту, образованию и типу поселения, 2016 г., в % от верующих

	Нет	Да	ЗО
Возраст			
<=25	58,9	31,8	9,3
26–40	61,4	30,1	8,5
41–60	61,2	29,2	9,6
61+	54,9	36,9	8,2

Продолжение таблицы 7

	Нет	Да	СО
Пол			
Мужчины	61,0	28,9	10,0
Женщины	58,6	33,1	8,3
Образование			
8–9 классов школы или НПО без СО	57,0	34,5	8,5
10–11 классов школы	52,9	38,0	9,1
НПО или СПО с СО	61,2	29,7	9,1
Высшее образование	63,7	27,4	8,9
Тип поселения			
Город	51,9	37,9	10,2
Село	63,1	28,5	8,4
Всего	59,5	31,5	9,0

Социальные сети «офлайн»

Некоторые вопросы, касающиеся частоты общения с друзьями и родственниками, а также их возможной поддержки в случае необходимости, были заданы в 2013 г. В целом можно сказать, что 19% опрошенных видятся с друзьями каждый день (выше всего эта доля среди молодежи до 25 лет – 45%); 23% – несколько раз в неделю, 31% – несколько раз в месяц, а 21% – несколько раз в год или даже реже; 1,5% отметили, что у них нет друзей (см. табл. 8). Можно отметить, что чаще видятся с друзьями мужчины, более молодые люди, а также не состоящие в браке.

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос: «Как часто Вы видите с друзьями и родственниками, живущими отдельно? Расскажите о тех, с которыми видите чаще всего», по полу, возрасту и брачному статусу, 2013 г., вертикальный %

	Пол		Возраст				В браке*		Всего
	Муж.	Жен.	<=25	26–40	41–60	61+	Нет	Да	
Друзья									
Практически каждый день	22,8	15,5	44,9	14,4	12,7	10,4	29,5	11,5	18,8
Несколько раз в неделю	24,5	22,5	28,0	27,9	21,0	17,2	24,9	22,3	23,4
Несколько раз в месяц	29,8	32,1	20,6	39,1	34,1	24,7	23,2	36,3	31,0
Несколько раз в год	13,8	18,4	4,8	13,6	21,9	21,3	11,6	19,4	16,3
Один раз в год	2,1	2,2	0,3	1,6	2,6	4,0	1,5	2,6	2,2
Реже, чем раз в год	2,4	2,7	0,7	1,1	2,5	6,3	2,3	2,7	2,5
Нет друзей	4,7	6,7	0,7	2,3	5,4	16,2	7,0	5,0	5,8

Продолжение таблицы 8

	Пол		Возраст				В браке*		Всего
	Муж.	Жен.	<=25	26–40	41–60	61+	Нет	Да	
Родственники									
Практически каждый день	12,2	15,0	13,2	13,6	12,8	15,9	14,4	13,2	13,7
Несколько раз в неделю	22,8	25,2	22,1	25,7	23,1	25,3	22,5	25,2	24,1
Несколько раз в месяц	33,9	32,0	36,9	34,6	31,1	29,9	32,1	33,4	32,9
Несколько раз в год	20,5	18,2	19,1	17,8	21,5	17,4	19,6	19,0	19,2
Один раз в год	5,1	4,4	4,3	4,0	5,4	5,1	4,8	4,7	4,7
Реже, чем раз в год	3,0	2,9	2,2	2,4	3,4	3,5	3,3	2,7	2,9
Никогда	1,2	0,7	0,7	0,8	1,1	1,0	1,3	0,7	0,9
Нет таких	1,4	1,6	1,4	1,1	1,6	1,8	2,0	1,1	1,5

*Включая неформальный брак.

Что касается общения с родственниками, живущими отдельно, то почти 14% опрошенных видятся с ними практически каждый день, 24% – несколько раз в неделю, 33% – несколько раз в месяц, а остальные еще реже. Среди тех, кто сказал, что никогда не видится с родственниками, живущими отдельно (это всего 1% респондентов), более половины (63%) отметили, что причиной этого является то, что те далеко живут; 14% назвали материальную причину; 7% – отсутствие желания, 5% – отсутствие времени, а 14% – другую причину. При этом с родственниками, живущими отдельно, женщины видятся чаще, чем мужчины, а пожилые люди – чаще, чем молодежь. Между людьми, состоящими и не состоящими в браке, различия невелики.

В 2013 г. респондентам был также задан вопрос: «Если у Вас возникают сложные ситуации, проблемы в семье или личной жизни Вы получаете моральную поддержку от родственников или друзей?» (см. табл. 9). Около 70% ответивших считали, что всегда или часто могут рассчитывать на такую поддержку. Кроме того, 11% сообщили, что никогда в такой поддержке не нуждаются. Надежда на помощь в случае необходимости была выше среди женщин и людей более молодых, различий по брачному статусу на наблюдается.

Между переменными, измеряющими частоту общения с друзьями и родственниками, а также возможностью получить от них поддержку, есть значимая корреляция.

Таблица 9

Распределение ответов на вопрос: «Если у Вас возникают сложные ситуации, проблемы в семье или личной жизни Вы получаете моральную поддержку от родственников или друзей?», по полу, возрасту и брачному статусу, 2013 г., вертикальный %

	Пол		Возраст				В браке*		Всего
	Муж.	Жен.	<=25	26–40	41–60	61+	Нет	Да	
Да, всегда	41,8	50,8	53,2	47,3	42,8	46,4	46,5	46,8	46,7
Да, часто	22,6	24,1	22,1	24,2	23,9	22,6	24,0	23,0	23,4
Да, но редко	12,4	12,5	9,2	12,0	14,0	13,4	12,5	12,4	12,4
Нет, практически никогда	4,8	4,7	3,8	4,6	5,4	4,8	5,1	4,5	4,8
Поддержка мне не требуется	16,5	6,5	10,2	10,5	12,2	10,4	10,1	11,6	11,0
Нет родств-в и друзей	0,3	0,3	0,1	0,2	0,2	0,5	0,2	0,3	0,3
Затрудняюсь ответить	1,7	1,3	1,5	1,2	1,5	1,8	1,6	1,4	1,5

*Включая неформальный брак.

В 2016 г. респондентам был задан ряд вопросов с целью измерения частоты и плотности контактов с друзьями и родственниками, а также о возможностях, при необходимости, получить помощь в трудной ситуации (купить лекарство в случае болезни, дать совет, одолжить денег). Оказалось, что у 94% опрошенных есть родственники, живущие отдельно, при этом явных различий между группами по полу, возрасту, образованию и месту жительства, нет.

Что касается частоты общения (включая встречи, переписку по электронной почте, разговоры по телефону или Скайпу) с родственниками, живущими отдельно, то 29% опрошенных ответили, что общаются с ними каждый день, практически столько же – несколько раз в неделю, и еще 23,5% – несколько раз в месяц (см. табл. 10). Только 11% общаются один или несколько раз в год, еще 6% отметили, что у них нет родственников, живущих отдельно (среди людей с низким уровнем образования эта доля составляет более 7%). Различия между группами по полу, возрасту, образованию и месту жительства невелики, однако можно сказать, что наибольшая доля тех, кто общается с родственниками несколько раз в неделю и чаще, выше всего среди женщин (64%) и людей с высшим образованием (63%), а также среди горожан (60,7%), если сравнивать их с сельскими жителями (58,2%).

Таблица 10

Распределение ответов на вопрос: «Как часто Вы общаетесь, т. е. встречаетесь, переписываетесь по электронной почте или разговариваете по телефону, Скайпу, с родственниками, живущими отдельно? (с кем общаетесь чаще всего)?» по полу, возрасту, образованию и типу поселения, 2016 г., в % по строке

	Никогда (или нет родств.)	Один раз в год	Несколько раз в год	Несколько раз в месяц	Несколько раз в неделю	Практически каждый день	30
Возраст							
<=25	5,5	2,4	7,5	25,6	30,1	28,0	0,8
26–40	6,7	1,4	7,5	23,8	31,0	29,3	0,2
41–60	6,2	2,4	9,8	22,9	29,5	28,7	0,4
61+	6,0	2,7	8,9	22,1	28,2	31,4	0,6
Пол							
Мужчины	6,4	2,7	10,0	27,6	31,0	21,5	0,7
Женщины	5,9	1,8	7,3	20,2	28,7	35,7	0,3
Образование							
8–9 классов школы или НПО без СО	7,2	3,2	8,1	26,0	29,8	24,9	0,7
10–11 классов школы	7,8	2,2	8,2	24,4	28,9	27,8	0,7
НПО или СПО с СО	5,9	2,0	9,0	22,8	29,2	30,6	0,6
Высшее образование	4,5	1,8	8,7	21,7	31,0	32,1	0,1
Тип поселения							
Город	6,8	1,6	6,4	23,8	30,0	30,7	0,8
Село	5,9	2,5	9,6	23,4	29,6	28,6	0,4
Всего	6,2	2,2	8,6	23,5	29,8	29,3	0,5

Довольно большая доля опрошенных отметила, что у них нет близких друзей (21%), еще 30% сообщили, что у них один или два близких друга, 20% — от трех до пяти друзей (см. табл. 11). При этом, говоря о широте социальной сети, очевидно, что количество близких друзей снижается с возрастом. Доля тех, кто утверждает, что имеет больше 11 близких друзей в группе младше 25 лет наивысшая и составляет 4,0%. Напротив, наибольшая доля людей, отметивших отсутствие близких друзей, приходится на старшую возрастную группу (61+) и составляет 33,3%. Наличие или отсутствие близких друзей и их количество не зависит от пола, однако проживающие в селе респонденты чаще отмечают наличие 4–5 близких друзей (19,6 против 17,6%) и 6–9 друзей (6,1 против 4,1%), нежели горожане.

Таблица 11

Количество близких друзей (по полу, возрасту, образованию и типу поселения), 2016 г.,
в % по строке

	Нет	1	2	3	4–5	6–9	10	>= 11	30
Возраст									
<=25	6,4	9,8	19,4	19,6	24,3	6,6	5,2	4,0	4,5
26–40	12,5	11,7	24,1	18,6	17,9	4,9	4,9	2,7	2,9
41–60	19,5	11,3	21,9	16,4	15,4	4,0	4,0	2,2	5,1
61+	33,3	11,4	17,8	12,0	12,9	4,2	2,7	2,4	3,2
Пол									
Мужчины	17,9	11,2	21,2	16,7	17,3	4,8	4,2	2,7	4,0
Женщины	18,7	10,9	20,7	15,9	17,4	4,8	4,7	2,7	4,2
Образование									
8–9 классов школы или НПО без СО	17,3	11,4	21,6	17,4	17,2	4,7	3,8	2,7	3,9
10–11 классов школы	17,9	11,2	21,2	16,7	17,3	4,8	4,2	2,7	4,0
НПО или СПО с СО	24,4	11,8	18,8	13,4	14,5	4,9	4,4	3,3	4,6
Высшее образование	17,3	10,1	20,9	19,2	16,5	4,1	4,5	3,4	4,1
Тип поселения									
Город	19,3	11,8	21,6	15,3	17,6	4,1	3,9	2,3	4,2
Село	11,3	10,8	22,7	19,6	19,6	6,1	4,4	2,3	3,2
Всего	21,3	10,5	19,2	16,1	13,5	4,2	4,5	4,6	6,0

Среди всех опрошенных 24% отметили, что общаются с друзьями (включая встречи, переписку по электронной почте, разговоры по телефону или скайпу, и т. д.) каждый день, 29% — несколько раз в неделю, 22% — несколько раз в месяц, а остальные еще реже (см. табл. 12). При этом плотность контактов в дружеской сети, в которую включен респондент, показывает наличие связи с принадлежностью к определенной возрастной группе, полу, уровню образования и типу поселения. Представители младшей возрастной категории (менее 25 лет) отмечают, что общаются с друзьями практически каждый день в 53,3% случаев, что превышает аналогичные доли в других возрастных группах. Напротив, в старшей возрастной группе (61+) доля лиц, ответивших «никогда (или нет друзей)», достигает 33,4%.

Таблица 12

Распределение ответов на вопрос: «Как часто Вы общаетесь, т. е. встречаетесь, переписываетесь по электронной почте или разговариваете по телефону, Скайпу, с друзьями? (с кем общаетесь чаще всего)» по полу, возрасту, образованию и типу поселения, 2016 г., в % по строке

	Никогда (или нет друзей)	Один раз в год	Несколько раз в год	Несколько раз в месяц	Несколько раз в неделю	Практически каждый день	30
Возраст							
<=25	6,5	0,1	1,6	12,7	25,1	53,3	0,5
26–40	12,5	0,4	3,8	25,1	34,8	22,9	0,5
41–60	19,7	0,6	6,5	25,5	30,6	15,7	1,4
61+	33,4	1,0	6,7	21,2	23,0	13,6	0,9
Пол							
Мужчины	18,9	0,6	5,3	23,7	27,9	22,6	1,0
Женщины	17,4	0,5	4,6	20,9	30,2	25,6	0,8
Образование							
8–9 классов школы или НПО без СО	24,7	0,7	3,0	15,2	20,8	34,7	0,9
10–11 классов школы	17,5	0,4	4,2	21,1	28,4	27,3	1,1
НПО или СПО с СО	19,4	0,5	5,3	23,3	31,0	19,6	1,0
Высшее образование	11,2	0,6	6,4	26,8	34,0	20,4	0,5
Тип поселения							
Город	22,0	0,4	3,7	20,4	28,1	23,8	1,7
Село	16,2	0,6	5,5	23,0	29,7	24,5	0,5
Всего	18,1	0,6	4,9	22,1	29,2	24,3	0,9

Доля женщин, общающихся с друзьями несколько раз в неделю и чаще, превышает аналогичную долю мужчин, 30,2 и 25,6% соответственно. Респонденты с высшим образованием чаще представителей других образовательных ступеней отмечают, что общаются с друзьями несколько раз в неделю (34,0%). Лица с неоконченным средним или средним образованием (8–9 или 10–11 классов) чаще других отмечают, что общаются с друзьями каждый день (34,7%). Доля городских жителей, отметивших, что никогда не общаются с друзьями или друзей нет, выше, чем у сельчан, 22,6 против 16,2%. Сельчане чаще горожан отмечали общение с друзьями несколько раз в месяц, 23,0 и 20,4% соответственно.

Косвенным показателем низкого уровня социального капитала и отсутствия общения может служить вопрос о том, как часто респондент испытывает чувство одиночества (см. табл. 13). Более половины опрошенных (53%) заявили, что никогда не испытывают чувства одиночества, 34% испытывают его редко, 12% – часто или всегда. При этом доля тех, кто часто или всегда чувствует себя одиноким, очевидно возрастает с возрастом. Среди молодых людей таковых всего

6%, а среди перешагнувших пенсионный возраст – 22%. Женщинам это чувство более свойственно, чем мужчинам (15 против 9%), а людям с более низким образованием – в большей степени, чем высокообразованным. Различий между городскими и сельскими жителями нет.

Таблица 13

Распределение ответов на вопрос: «Как часто Вы испытываете чувство одиночества?» по полу, возрасту, образованию и типу поселения, 2016 г., в % по строке

	Никогда	Редко	Часто	Всегда	ЗО
Возраст					
<=25	61,1	31,9	5,0	1,0	1,0
26–40	58,0	32,7	7,0	1,7	0,7
41–60	51,2	35,0	10,2	2,3	1,2
61+	41,4	35,0	16,1	6,2	1,3
Пол					
Мужчины	58,0	32,0	7,1	1,8	1,2
Женщины	48,7	35,3	11,6	3,4	1,0
Образование					
8–9 классов школы или НПО без СО	51,3	32,1	11,5	3,7	1,4
10–11 классов школы	52,5	34,9	9,2	2,6	0,9
НПО или СПО с СО	51,3	35,3	9,6	2,8	1,1
Высшее образование	56,8	32,4	8,2	1,9	0,8
Тип поселения					
Город	48,6	37,0	10,1	2,6	1,6
Село	55,0	32,2	9,3	2,7	0,7
Всего	52,9	33,8	9,5	2,7	1,0

В анкете RLMS-HSE 2016 г. респондентам было предложено представить себе определенную ситуацию, в которой им может понадобиться помощь, и отметить, от кого они могли бы такую помощь получить. Были очерчены три достаточно универсальные сферы: помощь при проблемах со здоровьем (купить лекарство и т. д.), совет в сложной жизненной ситуации и необходимость занять небольшую сумму денег. В целом можно сказать, что лишь менее 1% людей ответили, что им «не к кому обратиться» в случае подобный трудностей. Тем не менее некоторые индивиды предпочли бы опору на собственные силы, и не стали бы ни к кому обращаться. В случае проблем со здоровьем таких 2%, необходимости совета – 3,7%, финансовых сложностей – 10,5%. В целом наблюдается наибольшая роль семьи, родственников, и в меньшей степени – близких друзей. Помощь от сетей «онлайн» пока распространена только в молодежной среде, но и здесь она уступает поддержке от родных и близких друзей.

При этом очевидны значительные различия между людьми из разных демографических групп (см. табл. 14). Молодежь 14–25 лет рассчитывает прежде всего на родственников, которые живут вместе с ними, а также на близких друзей и друзей в социальных сетях. Люди среднего возраста (26–40) в первую очередь полагаются на близких друзей, знакомых и коллег по работе. В возрасте 41–60 лет несколько снижается роль близких друзей, но сохраняется роль коллег по работе. В старшем возрасте людям прихо-

дится чаще всего рассчитывать на родственников, живущих отдельно, а также в гораздо большей степени, чем другим возрастным группам, на соседей и церковь, а также другие общественные организации. Между мужчинами и женщинами различия не велики, хотя мужчины чаще отмечают, что скорее не станут обращаться ни к кому.

Таблица 14

Распределение ответов на вопрос: «Представьте не очень приятную ситуацию –
К кому Вы сможете обратиться?» по полу и возрасту, 2016 г., %

	Возраст				Пол		Всего
	<=25	26–40	41–60	61+	Муж	Жен	
Вы заболели, и Вам нужно купить лекарство или нужна другая помощь							
К родственникам в Вашем домохозяйстве	91,5	90,2	84,9	68,1	89,2	80,0	84,2
К родственникам, живущим отдельно	68,8	73,0	70,6	75,2	68,4	74,6	71,8
К близким друзьям	64,4	63,9	55,3	40,6	53,5	58,7	56,4
К просто знакомым	13,6	16,0	15,3	14,4	13,8	16,0	15,0
К соседям	11,8	15,2	21,6	30,4	14,9	23,8	19,8
К коллегам по работе, в том числе бывшим	10,2	25,0	23,4	10,1	16,6	20,4	18,7
К друзьям в социальных сетях	6,3	3,1	1,2	0,6	2,2	2,9	2,6
В общественных организациям, церкви	1,3	0,9	1,3	2,4	1,0	1,8	1,4
К другим людям	1,0	,9	0,7	1,5	0,8	1,0	0,9
Не будет обращаться ни к кому	1,5	1,8	2,3	2,3	2,5	1,6	2,0
Не к кому обратиться	0,5	0,3	0,4	0,5	0,3	0,5	0,4
Вам нужен совет в трудной жизненной ситуации							
К родственникам в Вашем домохозяйстве	88,7	86,9	81,1	65,6	85,5	77,2	80,9
К родственникам, живущим отдельно	72,1	77,1	74,2	77,4	71,0	78,8	75,2
К близким друзьям	74,6	71,6	62,2	46,5	61,4	66,0	63,9
К просто знакомым	11,5	11,7	13,0	11,9	11,9	12,4	12,2
К соседям	5,5	7,6	12,4	19,0	8,7	13,2	11,1
К коллегам по работе, в том числе бывшим	10,5	22,9	22,6	11,0	17,1	18,8	18,0
К друзьям в социальных сетях	12,7	6,3	3,2	0,9	4,9	5,7	5,3
В общественные организации, церковь	2,2	2,3	3,0	3,8	1,9	3,6	2,8
К другим людям	1,5	1,2	1,4	1,7	1,3	1,5	1,4
Не будет обращаться ни к кому	2,4	3,0	4,4	4,6	4,9	2,7	3,7
Не к кому обратиться	0,3	0,2	0,4	0,6	0,3	0,4	0,4
Вам нужно одолжить не слишком большую сумму денег, примерно 20 процентов Вашего ежемесячного дохода, на текущие расходы							
К родственникам в Вашем домохозяйстве	79,2	65,4	57,5	44,4	63,4	59,1	61,0
К родственникам, живущим отдельно	67,0	71,1	65,2	61,6	63,2	69,0	66,4
К близким друзьям	54,1	60,4	51,5	33,2	50,3	50,9	50,7
К просто знакомым	9,1	11,6	9,6	6,9	10,3	8,9	9,5
К соседям	5,1	9,4	14,0	16,3	9,5	13,2	11,6
К коллегам по работе, в том числе бывшим	8,3	22,5	22,7	7,6	17,4	16,5	16,9
К друзьям в социальных сетях	1,7	1,2	0,7	0,5	0,9	1,0	1,0
К другим людям	0,8	0,8	1,0	0,8	0,8	0,9	0,9
Не будет обращаться ни к кому	6,6	6,9	11,6	16,8	12,3	8,9	10,5
Не к кому обратиться	0,9	0,6	0,9	1,4	0,7	1,1	0,9

Высокий уровень образования позволяет в целом получить большую поддержку, особенно от близких друзей и коллег по работе, а в случае необходимости совета – в социальных сетях (см. табл. 15). Сельские жители, по сравнению с горожанами, в большей степени вовлечены в сети взаимопомощи по всем вопросам, в первую очередь, это касается родственников, живущих отдельно, и соседей. Роль близких друзей и коллег по работе, напротив, выше в городе.

Таблица 15

Распределение ответов на вопрос: «Представьте не очень приятную ситуацию –
К кому Вы сможете обратиться?» по образованию и месту жительства, 2016 г., %

	Образование				Поселение		Всего
	Нет СО	СО	НПО, СПО	ВО	Село	Город	
Вы заболели, и Вам нужно купить лекарство или нужна другая помощь							
К родственникам в Вашем домохозяйстве	83,7	84,0	82,9	86,5	83,0	84,7	84,2
К родственникам, живущим отдельно	68,3	73,3	71,5	73,9	77,5	69,1	71,8
К близким друзьям	46,8	56,4	56,2	64,2	50,9	58,9	56,4
К просто знакомым	13,5	15,3	15,0	16,0	17,3	13,9	15,0
К соседям	18,9	20,9	20,8	18,2	24,1	17,7	19,8
К коллегам по работе, в том числе бывшим	8,1	14,5	21,4	26,6	17,4	19,2	18,7
К друзьям в социальных сетях	2,9	3,5	1,7	2,8	2,2	2,7	2,6
В общественных организациям, церкви	1,1	1,6	1,6	1,3	1,0	1,6	1,4
К другим людям	1,0	1,2	0,7	1,0	1,1	0,9	0,9
Не будет обращаться ни к кому	2,0	2,6	2,3	1,2	2,3	1,9	2,0
Не к кому обратиться	0,6	0,5	0,4	0,2	0,4	0,4	0,4
Вам нужен совет в трудной жизненной ситуации							
К родственникам в Вашем домохозяйстве	80,6	81,5	79,5	83,0	81,5	80,7	80,9
К родственникам, живущим отдельно	71,8	75,2	75,6	77,5	80,2	72,9	75,2
К близким друзьям	56,3	61,9	63,3	72,3	56,0	67,6	63,9
К просто знакомым	12,2	12,7	11,7	12,3	12,6	12,0	12,2
К соседям	11,3	11,6	12,0	9,5	14,2	9,7	11,1
К коллегам по работе, в том числе бывшим	9,9	13,2	19,9	25,9	15,6	19,2	18,0
К друзьям в социальных сетях	6,1	5,6	4,5	5,8	4,4	5,8	5,3
В общественных организациям, церкви	2,0	2,6	3,0	3,5	2,1	3,2	2,8
К другим людям	1,3	1,4	1,4	1,7	1,4	1,4	1,4
Не будет обращаться ни к кому	4,2	4,0	3,9	2,7	3,6	3,7	3,7
Не к кому обратиться	0,5	0,4	0,4	0,3	0,3	0,4	0,4
Вам нужно одолжить не слишком большую сумму денег, примерно 20 процентов Вашего ежемесячного дохода, на текущие расходы							
К родственникам в Вашем домохозяйстве	63,2	64,7	57,3	61,7	61,0	61,0	61,0
К родственникам, живущим отдельно	62,5	67,0	66,0	69,5	70,9	64,3	66,4
К близким друзьям	40,2	48,4	51,6	59,3	43,6	54,0	50,7
К просто знакомым	10,2	10,3	9,2	8,8	11,3	8,7	9,5
К соседям	11,7	12,5	12,9	8,8	15,1	9,9	11,6
К коллегам по работе, в том числе бывшим	8,8	13,0	20,0	22,1	14,5	18,1	16,9
К друзьям в социальных сетях	0,8	1,2	0,8	1,2	0,8	1,1	1,0
К другим людям	1,0	1,0	0,6	1,0	0,9	0,8	0,9
Не будет обращаться ни к кому	11,6	10,6	10,6	9,3	10,1	10,7	10,5
Не к кому обратиться	1,4	1,1	0,9	0,4	1,0	0,9	0,9

Социальные сети «онлайн»

Одной из важных составляющих социального капитала являются социальные сети «онлайн» (VKontakte, Facebook, Odnoklassniki и другие). Распространение онлайн-сетей требует значительного проникновения Интернета. В России доля пользователей Интернета выросла с 55% в 2012 г. до 67% в 2016 г. В тот же период в расчете на всех опрошенных (а не только пользователей Интернета) доля пользователей социальных сетей (за последние 12 месяцев) выросла с 38 до 50% (см. табл. 16).

Таблица 16

Доля пользователей социальных сетей, 2012–2016 гг., %

	2012	2013	2014	2015	2016	Всего
Не пользуются	61,7	58,7	56,1	54,6	50,0	56,7
Пользуются	38,3	41,3	43,9	45,4	50,0	43,3
Пользуются только одной	18,5	21,0	23,2	24,2	24,9	22,0
Пользуются двумя	15,0	16,0	16,6	16,7	19,7	16,7
Пользуются тремя и больше сетями	4,8	4,3	4,2	4,6	5,4	4,6
Одноклассники	29,8	32,1	32,8	32,1	34,7	32,1
Вконтакте	24,7	26,3	29,0	31,6	36,0	29,0
Фейсбук	6,0	5,8	5,4	6,4	8,2	6,3
Живой Журнал	1,5	1,0	0,8	0,7	0,7	1,0
Твиттер	2,8	2,6	2,6	2,5	3,1	2,7

При этом около половины пользователей социальных сетей предпочитают только одну из них, чуть менее 40% предпочитают две. Если в 2012 г. среди тех, кто выходил в социальную сеть, доля пользующихся «Одноклассниками» составляла 78%, «ВКонтакте» — 64%, «Фейсбуком» — 16%, то к 2016 г. эти доли составили 69, 72 и 16% соответственно. ВКонтакте обогнал Одноклассников, а ниша Фейсбук не изменилась. Такие популярные в свое время сети, как Живой Журнал и Твиттер, практически потеряли свое влияние. В то же время если охват населения старше 14 лет сетями ВКонтакте и Одноклассники довольно высок (более трети), то влияние Фейсбука, хотя и выросло с 6 до 8%, остается очень ограниченным.

Чаще всего пользуется социальными сетями молодежь 14–25 лет, 78% в 2012 г. и 81% в 2016 г. (см. табл. 17). В возрастной группе 26–40 лет доля пользователей выросла с 56% в 2012 г. до 70% в 2016 г. Однако, несмотря на все еще не самый высокий охват, наибольший рост пользователей наблюдался среди людей старше 60 лет (с 4 до 9%) и 41–60 лет (с 23 до 37%). В 2012 г. между мужчинами и женщинами не было различий относительно пользования соцсетями. В 2016 г. женщины обошли мужчин по этому показателю, 52 против 47%. Горожане хотя и опережают сельских жителей, но разрыв между ними сокращается. В 2012 г. доля пользующихся социальными сетями среди горожан почти в полтора раза превышала долю пользователей среди сельчан. К 2016 г. разрыв сократился до одной трети и менее. Люди с высшим образованием по-прежнему более склонны к общению в социальных сетях, однако разрыв между ними и остальными сокращается.

Таблица 17

Доля пользователей социальных сетей (за 12 мес.)
по полу, возрасту, образованию и месту жительства, 2012–2016 гг., %

	Всего	2012	2013	2014	2015	2016	Рост
Возраст							
<=25	81,3	77,8	79,1	82,1	83,2	86,1	111
26–40	62,4	56,2	60,1	63,4	65,6	69,8	124
41–60	29,7	23,2	27,7	30,2	32,7	37,6	162
61+	6,5	4,2	6,0	6,4	7,4	9,2	218
Пол							
Мужчины	42,1	38,2	40,4	42,8	43,7	47,1	123
Женщины	44,8	39,2	42,7	45,2	47,6	51,7	132
Образование							
8–9 классов школы или НПО без СО	40,1	34,8	36,8	41,5	43,1	47,3	136
10–11 классов школы	42,0	38,8	40,6	41,2	43,8	46,8	120
НПО или СПО с СО	38,4	33,0	37,2	39,1	41,2	44,2	134
Высшее образование	55,8	51,5	54,1	56,7	57,0	61,5	119
Тип поселения							
Город	47,6	43,1	45,4	47,9	49,9	53,8	125
Село	35,1	29,5	33,8	36,4	37,5	40,8	138

Что касается предпочтений отдельных социальных сетей, то доля пользователей ВКонтакте и Фейсбука среди мужчин и женщин одинакова, а Одноклассников – несколько выше среди женщин (39 против 30%). В России Одноклассники – сеть людей среднего и старшего возраста (в основном начиная с 35–40 лет), ВКонтакте – сеть молодежи (до 35 лет), Фейсбук нейтрален относительно возраста пользователей. Между 2012 и 2016 г. популярность Одноклассников среди людей в возрасте 14–25 лет упала с 51 до 44%, популярность ВКонтакте выросла с 64 до 78%, популярность Фейсбука осталась почти неизменной (13 и 15% соответственно). Что касается возрастной группы 26–40 лет, то среди них доля пользователей Одноклассников незначительно уменьшилась с 47 до 51%, как и доля пользователей Фейсбука (с 9 до 12%); доля пользователей ВКонтакте, напротив, возросла с 33 до 52%. Среди людей в возрасте от 41 до 60 лет доля пользователей Одноклассниками увеличилась с 20 до 32%, доля пользователей ВКонтакте – с 9 до 19%, доля пользователей Фейсбука – с 3 до 6%.

В 2016 г. впервые пользователям был задан вопрос о том, с какого времени они посещают социальные сети, как часто они это делают, и сколько имеют друзей (не считая подписчиков). Оказалось, что 43% посещают социальные сети в течение 2–5 лет, 33% – 6–9 лет, 13% – 10 и более лет, лишь 4% – год и менее, 7% затруднились ответить (см. табл. 18).

Среди пользователей социальных сетей очень мало тех, кто общается в них лишь несколько раз в год (1,3%) или еще реже (0,4%). В таблице 19 эти варианты ответов были объединены с вариантом «примерно раз в месяц». В целом пользователи социальных сетей общаются в них очень активно: 65% посещают их почти каждый день, 26% – один или два раза в неделю, 6% – два-три раза в месяц, и только 4% – раз в месяц и реже.

Таблица 18

Длительность пользования социальными сетями по полу, возрасту, образованию и месту жительства, 2016 г., в % по строке, среди пользователей соцсетей

	Год и менее	2–5 лет	6–9 лет	>=10 лет	30
Возраст					
<=25	2,2	50,0	33,0	7,8	7,0
26–40	2,1	34,2	38,2	17,9	7,7
41–60	6,5	45,6	28,0	12,7	7,2
61+	6,9	58,6	22,7	7,8	4,4
Пол					
Мужчины	3,3	43,8	32,4	12,4	8,1
Женщины	3,6	42,8	33,9	13,3	6,5
Образование					
8–9 классов школы или НПО без СО	3,2	58,9	24,5	6,8	6,5
10–11 классов школы	3,2	45,7	31,6	10,4	9,0
НПО или СПО с СО	5,2	45,1	32,3	11,6	5,9
Высшее образование	2,1	30,0	40,5	19,5	8,0
Тип поселения					
Город	4,4	54,0	26,5	6,0	9,1
Село	3,1	39,3	35,7	15,4	6,5
Всего	3,5	43,2	33,2	12,9	7,2

Таблица 19

Частота пользования социальными сетями по полу, возрасту, образованию и месту жительства, 2016 г., в % по строке, среди пользователей соцсетей

	Раз в месяц и реже	2–3 раза в месяц	1–2 раза в неделю	Почти каждый день
Возраст				
<=25	0,6	1,5	14,9	83,0
26–40	3,6	5,5	29,8	61,1
41–60	7,9	9,9	33,1	49,1
61+	9,9	9,9	28,6	51,7
Пол				
Мужчины	4,8	5,4	26,4	63,4
Женщины	3,4	5,6	25,3	65,7
Образование				
8–9 классов школы или НПО без СО	1,8	2,3	21,5	74,3
10–11 классов школы	3,9	3,9	20,9	71,4
НПО или СПО со СО	4,8	6,4	28,5	60,2
Высшее образование	4,5	7,5	28,6	59,3
Тип поселения				
Город	4,3	4,7	28,1	63,0
Село	3,9	5,8	25,0	65,3
Всего	4,0	5,5	25,8	64,7

Среди пользователей социальных сетей лишь очень малая доля имеет более 500 друзей (1,7%). В таблице 20 эта группа была объединена с группой «201–500 друзей». По количеству друзей в социальных сетях пользователи распределены довольно равномерно. Около 15% имеют или не больше 10, или от 11 до 20 друзей. От 18 до 22% имеют 21–50 друзей, 51–100 друзей, или 101–200 друзей. Те, чьи виртуальные друзья исчисляются количеством более двухсот, составляют почти 11%. При этом количество друзей, очевидно, падает с возрастом, но не зависит от пола, образования и типа поселения.

Таблица 20

Количество друзей (не считая подписчиков) в социальных сетях по полу, возрасту, образованию и месту жительства, 2016 г., в % по строке, среди пользователей соцсетей

	<=10	11–20	21–50	51–100	101–200	>200
Возраст						
<=25	10,4	10,5	16,2	25,2	24,1	13,6
26–40	13,4	13,2	19,3	23,9	18,8	11,4
41–60	20,4	21,0	22,9	18,1	11,2	6,4
61+	28,9	22,2	24,7	13,4	6,2	4,6
Пол						
Мужчины	14,4	14,6	19,5	23,3	17,4	10,8
Женщины	15,1	14,7	19,4	21,8	18,6	10,4
Образование						
8–9 классов школы или НПО без СО	11,7	14,0	18,5	26,4	19,1	10,3
10–11 классов школы	13,1	13,3	21,5	22,2	18,1	11,8
НПО или СПО с СО	15,9	15,6	20,5	21,4	17,2	9,5
Высшее образование	16,8	14,9	17,8	21,0	18,4	11,2
Тип поселения						
Город	9,1	13,5	21,6	26,6	20,1	9,1
Село	16,8	15,1	18,7	20,9	17,4	11,1
Всего	14,8	14,7	19,4	22,4	18,1	10,6

Измерение объема социального капитала

Для измерения общего объема социального капитала индивидов мы выделили следующие переменные:

1. Переменные, отражающие плотность социальной сети и доверие, в том числе количество посещаемых сетей онлайн и давность включенности, количество близких друзей, количество друзей в «онлайн» социальной сети, наличие родственников, живущих отдельно, чувство одиночества, чувство поддержки со стороны других верующих.

2. Частота общения (посещение онлайн социальных сетей, общение с друзьями и родственниками, посещение религиозных мероприятий), измеренная в количестве раз в месяц.

3. Возможность получить помощь в трудной ситуации, в разбивке по категориям: от друзей и родственников; от соседей и знакомых; от коллег по работе; из онлайн сетей; от церкви, общественных организаций и других людей. Соответствующие положительные ответы были суммированы, и нормированы к шкале от 0 до 1.

Таким образом, было получено 17 количественных переменных. Для построения обобщенных индексов была реализована модель факторного анализа, позволившая выделить пять латентных факторов (объясняющих 53% дисперсии), которые, на наш взгляд, могут быть интерпретированы как разные виды (аспекты) социального капитала: сети онлайн, возможная поддержка, общение с друзьями, включенность в жизнь церкви и общение с родственниками (см. табл. 21).

Таблица 21

Повернутая матрица компонентов модели факторного анализа. Метод выделения факторов: метод главных компонент. Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера

	1	2	3	4	5
Кол-во социальных сетей	0,869	0,062	0,125	-0,010	0,015
Сколько примерно лет назад Вы впервые стали пользоваться социальной сетью?	0,876	0,038	0,118	-0,030	0,039
Как часто Вы посещаете социальную сеть, которой пользуетесь чаще всего?	0,871	0,001	0,127	-0,027	0,042
Сколько примерно у Вас друзей, не считая подписчиков, в социальной сети, которой Вы пользуетесь чаще всего?	0,625	0,050	0,037	-0,006	0,016
Считаете ли Вы, что большинству людей можно доверять или что в отношениях с людьми всегда надо быть осторожным?	-0,108	-0,067	0,561	0,077	-0,315
Вы испытываете чувство одиночества?	-0,105	0,040	-0,449	0,121	-0,130
У вас есть родственники, живущие отдельно?	-0,020	-0,033	0,030	-0,078	0,746
Как часто Вы общаетесь с родственниками, живущими отдельно?	0,052	-0,022	0,140	0,099	0,730
Сколько примерно человек Вы можете назвать своими близкими друзьями?	0,074	0,102	0,595	0,044	0,015
Как часто Вы общаетесь, с друзьями? (с кем общаетесь чаще всего)	0,280	0,027	0,531	0,051	0,201
Частота посещения религиозных мероприятий	0,031	-0,021	-0,067	0,771	0,124
Могли бы Вы сказать, что религия дает Вам дружбу, поддержку других верующих? (для неверующих =0)	-0,081	0,010	0,124	0,738	-0,069
Возможности помощи от родств., друзей	0,136	0,398	0,501	-0,030	0,301
Возможности помощи от соседей, знакомых	-0,117	0,729	0,060	0,108	-0,018
Возможности помощи от коллег	0,060	0,752	0,057	-0,088	0,057
Возможности помощи от соцсетей	0,320	0,486	0,010	0,049	-0,111
Возможности помощи от организаций и других людей	0,023	0,422	-0,115	0,469	-0,104

Сравнение средних значений выделенных факторов в группах по полу, возрасту, образованию и месту жительства позволило увидеть, что более высокий объем социального капитала «онлайн» характерен для молодежи и людей с высшим образованием; возможности помощи в трудной ситуации — для людей в возрасте 41–60 лет, людей с высшим образованием и женщин; дружеская сеть и доверие — для молодых, сельских жителей и мужчин; опора на церковь — для людей старше 60 лет и женщин. Вовлеченность в родственные сети менее типична для молодежи, мужчин, а также сельских жителей (см. табл. 22).

Таблица 22

Средние значения факторов (измеряющих различные виды социального капитала) в зависимости от возраста, пола, образования и места жительства

	Сети онлайн	Потенц. помощь	Друзья и доверие	Церковь	Родственники
Возраст					
<=25	0,830	-0,183	0,449	-0,108	-0,129
26–40	0,419	0,067	0,110	-0,097	-0,064
41–60	-0,280	0,110	-0,058	-0,039	-0,040
61+	-0,718	-0,081	-0,308	0,215	-0,059
Пол					
Мужской	-0,026	-0,034	0,083	-0,239	-0,187
Женский	0,065	0,037	-0,013	0,169	0,032
Образование					
8–9 классов школы или НПО без СО	-0,002	-0,156	0,058	-0,049	-0,210
10–11 классов школы	-0,002	-0,058	0,124	0,009	-0,173
НПО или СПО с СО	-0,105	0,057	-0,053	-0,013	-0,010
Высшее образование	0,252	0,111	0,054	-0,008	0,050
Тип поселения					
Город	0,132	0,010	-0,032	-0,015	-0,028
Село	-0,206	-0,006	0,162	-0,017	-0,150

Таким образом, на основании данных RLMS-HSE за 2016 г. мы предприняли попытку выделить ряд аспектов социального капитала и оценить его объем у групп, образованных по признаку пола, возраста, образования и типа поселения. На основании модели факторного анализа были построены основные показатели для измерения социального капитала: социальные сети «онлайн», доверие, вовлеченность в религиозную жизнь, социальные сети «офлайн» и социальные ресурсы, доступные через эти сети. Сравнение средних значений выделенных факторов в группах по полу, возрасту, образованию и месту жительства позволило увидеть, что более высокий объем социального капитала «онлайн» характерен для молодежи и людей с высшим образованием; возможности помощи в трудной ситуации — для людей старших возрастов, людей с высшим образованием и женщин; дружеская сеть и доверие — для молодых, сельских жителей и мужчин; опора на церковь — для

людей старше 60 лет и женщин. Вовлеченность в родственные сети менее типична для молодежи, мужчин, а также сельских жителей. То есть мы обнаружили, что пол, возраст, образование и место жительства являются важными факторами различий в структуре социального капитала.

Список литературы

Coleman J. S. Social capital in the creation of human capital // *American Journal of Sociology*. 1988. №94.

Fukuyama F. Social capital and civil society. International Monetary Fund Working Paper WP/00/74, 2000.

Lin N. A network theory of social capital // *The Handbook of Social Capital* / D. Castiglione, J. van Deth (Eds.). Oxford, New York: Oxford University Press, 2008.

Putnam R. D., Leonardi R., Nonetti R. Y. Making democracy work: civic traditions in modern Italy (STU-Student edition). Princeton University Press, 1993.

Woolcock M., Narayan D. Social capital: implications for development theory, research, and policy // *The World Bank Research Observer*. 2000. № 15(2).

DOI: 10.17323/978-5-7598-1825-0_113-135

DIFFERENTIATION OF SOCIAL CAPITAL IN RUSSIA AND ITS FACTORS

Kuflina E. D., Roshchina Ya. M.

Abstract. The article uses “Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics” (RLMS-HSE) to explore contributing factors in the differentiation of social capital. Although the level of general trust is relatively low in Russia – in 2016, 42 percent of respondents didn’t see people in general as trustworthy – there is a considerably high level of participation in various social networks, both offline and online. People communicate with non-co-residing relatives and friends rather frequently, but the number of close friends is modest. The elderly experience a sizeable decline in interpersonal relationship and feel lonely more often than other age groups. In recent years, there has been a dramatic increase in the popularity of online social networks. The rise in participation in these networks has been particularly pronounced among those aged 41–60, the elderly, and rural residents. The majority of respondents believes that in difficult times they would be able to enlist help or advice of their relatives. People also count on friends and, to a much lesser extent, on online social networks. Only young people believe they could safely rely on online relations. Age influences the most likely sources of help and advice people would rely on in a difficult situation, while education and residence impact the level of confidence in those sources. The factor analysis shows that gender, age, education and residence are the major factors in the differentiation of social capital. People aged 25 and younger, and people with a university diploma enjoy the highest level of online connectedness. People aged 41–60, people with higher education, and women are most confident about their chances to receive help in a difficult situation. Young people, rural residents and men have more personal contacts offline and a relatively high level of general trust. The elderly and women more often than others seek support in religious communities and practices.

Keywords: Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics, RLMS-HSE, social capital, trust, social networks.

References

Coleman J. S. Social capital in the creation of human capital // American Journal of Sociology. 1988. № 94.

Fukuyama F. Social capital and civil society. International Monetary Fund Working Paper WP/00/74, 2000.

Lin N. A network theory of social capital // The Handbook of Social Capital / D. Castiglione, J. van Deth (Eds.). Oxford, New York: Oxford University Press, 2008.

Putnam R. D., Leonardi R., Nonetti R. Y. Making democracy work: civic traditions in modern Italy (STU-Student edition). Princeton University Press, 1993.

Woolcock M., Narayan D. Social capital: implications for development theory, research, and policy // The World Bank Research Observer. 2000. № 15(2).

Крупина Д. А.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТИПОЛОГИИ РОССИЙСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ ПО ВОВЛЕЧЕННОСТИ В ЧАСТНЫЕ ТРАНСФЕРТЫ (2011–2015 гг.)

DOI: 10.17323/978-5-7598-1825-0_136-148

Аннотация. Целью представленной работы является анализ динамики обменов материальной помощью, или частных трансфертов, между российскими домохозяйствами в условиях перехода от экономической стабильности к экономическому кризису. В качестве информационной базы исследования в работе используются данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS HSE) за 2011 и 2015 г., которые позволяют достаточно точно оценить эффект финансового кризиса 2014 г. на поведение российских домохозяйств в области межсемейных обменов. Как свидетельствуют данные РМЭЗ ВШЭ, около половины домохозяйств участвует в частных трансфертных платежах, выступая или донором, или акцептором материальной помощи. В период между 2011 и 2015 г. среди всех домохозяйств, участвующих в частных трансфертах, увеличились доли домохозяйств-акцепторов и домохозяйств, выступающих и в качестве доноров, и в качестве акцепторов. Наибольшие по объему трансферты были направлены от родителей к детям, хотя наблюдалось снижение средних размеров материальной помощи. Однако, несмотря на уменьшение объемов трансфертов в абсолютном измерении, увеличилась та доля, которую частные трансфертные платежи составляли в расходах домохозяйств-доноров и в доходах домохозяйств-акцепторов. Таким образом, выросла как нагрузка на домохозяйства-доноры, так и зависимость домохозяйств-акцепторов. В то время как наиболее состоятельные домохозяйства (верхний квинтиль душевого дохода) с большей вероятностью выступали донорами, чем акцепторами, наименее состоятельные домохозяйства (нижний квинтиль душевого дохода), напротив, чаще принимали, чем раздавали материальную помощь. Типология домохозяйств по роли в частных трансфертах и в 2011 г., и в 2015 г. совпадает с основными направлениями межсемейных обменов. Однако, по сравнению с 2011 г., в 2015 г. происходит перераспределение домохозяйств между выделенными типами: увеличивается доля домохозяйств, принимающих помощь как от старшего, так и от младшего поколения. Полученные результаты свидетельствуют том, что частные трансферты выступают одним из механизмов перераспределения материальных ресурсов в периоды экономической нестабильности.

Ключевые слова: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, RLMS-HSE, частные трансферты, межсемейная взаимопомощь, экономический кризис, типология российских домохозяйств.

Исследования показывают, что в сложных социально-экономических ситуациях российские домохозяйства демонстрируют высокий адаптационный потенциал за счет расширения семейных взаимобмен — частных трансфертов¹. Однако есть точка зрения, что все больше россиян считает, что доля семейной поддержки должна снижаться в пользу увеличения государственной поддержки нуждающегося в ней населения². Данное противоречие возможно разрешить путем сравнения типологий российских домохозяйств по вовлеченности в частные трансферты в экономически стабильном 2011 г. и кризисном 2015 г. Изучение межсемейных обменов позволяет понять, как связано благосостояние отдельных поколений, и в соответствии с этим планировать более эффективные меры социальной политики.

В качестве информационной базы в статье используются данные 20 волны (2011 г.) и 24 волны (2015 г.) «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS-HSE), в которых приняли участие 8159 и 6872 домохозяйства соответственно. В анализ включены переменные, содержащие информацию о материальных частных трансфертах и их объемах за последние 30 дней перед проведением опроса. Данные о регулярности трансфертов, трудовых трансфертах и трансфертах, не являющихся частными (например, с участием религиозных организаций, социальных органов государства и др.), в статье не рассматриваются.

Как показано в [таблице 1](#), почти половина домохозяйств не участвует в частных трансфертах. Доли домохозяйств, относящихся к донорам и акцепторам помощи в процессе обмена, имеют практически равные значения. Это говорит о том, что данные группы являются взаимодополняющими, и роли акцепторов и доноров можно считать относительно статичными. Однако в 2015 г. доля домохозяйств-доноров несколько снизилась, в то время как доля домохозяйств-акцепторов увеличилась. Можно предположить, что такое перераспределение ролей связано с наступлением кризисного времени, вследствие которого трансферты становятся методом преодоления финансовых трудностей. В 2015 г. незначительно выросла доля домохозяйств, одновременно выступающих и в качестве доноров, и в качестве акцепторов. Полученные различия в долях для 2011 и 2015 г. являются значимыми на основании *t*-теста.

Средние показатели помощи материальными трансфертами в 2015 г. снизились по сравнению с 2011 г. ([см. табл. 2](#)). Основной процент помощи оказывается домохозяйствами-донорами. При этом основной объем помощи поступает детям, затем родителям и другим родственникам. Также данные результаты подтверждают выводы ранее проведенных исследований о том, что наименьшие объемы помощи

¹ Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума и дефицит денежного дохода // Росстат: Неравенство и бедность: Уровень бедности: [электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/# (дата обращения 20.04.2018); Белокрылова О. С., Филоненко Ю. В., Фурса Е. В. Неформальное сетевое взаимодействие в снижении рисков бедности и социальной уязвимости (на примере Ростовской области) // *Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики)*. 2013. №4. С. 13–21.

² Лефевр С., Корчагина И. И., Прокофьева Л. М. Последние изменения семейной политики и мнения о ней населения в России и Франции. В кн.: XV апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4-х книгах / Отв. ред.: Е. Г. Ясин. Кн. 3. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2015. С. 474–483.

оказываются таким группам, как внуки и бабушки/дедушки¹. Говоря непосредственно о сравнении объемов переданных трансфертов в 2011 и 2015 г., согласно проведенному т-тесту, различия являются значимыми для трансфертов, переданных родителям и детям, наблюдается явное снижение их объемов.

Таблица 1

Распределение российских домохозяйств по ролям в процессе обмена в 2011 и 2015 г., в % по вертикали

Роль в процессе обмена	2011	2015
Не принимают участия в обмене	49,3	48,6
Только доноры	23,4	21,9
Только акцепторы	20,8	22,3
И доноры, и акцепторы	6,5	7,2

Таблица 2

Доля участия и средний объем частных трансфертов, переданных в течение 30 дней, 2011 и 2015 г., в % и тыс. руб. (в рублях 2015 г.)*

Роль в процессе обмена	Год	Только доноры		И доноры, и акцепторы		Всего	
		Доля	Среднее	Доля	Среднее	Доля	Среднее
Помощь родителям	2011	73,3	6,3	26,7	5,4	100	6,0
	2015	69,0	4,8	31,0	3,8	100	4,4
Помощь детям	2011	82,6	7,8	17,4	8,3	100	7,9
	2015	80,0	6,2	20,0	5,9	100	6,2
Помощь бабушкам и дедушкам	2011	55,1	3,4	44,9	4,3	100	3,7
	2015	70,8	4,3	29,2	2,0	100	3,2
Помощь внукам	2011	78,2	3,7	21,8	4,8	100	3,9
	2015	73,8	3,4	26,2	4,7	100	3,7
Помощь другим людям	2011	66,6	4,9	33,4	3,6	100	4,3
	2015	73,2	4,6	26,8	3,3	100	4,1

*В расчете не учитывались домохозяйства, не участвующие в процессе обмена.

В целом объемы полученных трансфертов выше объемов переданных трансфертов (см. табл. 3). Наибольший объем частных трансфертов домохозяйства получают от родителей, бабушек и дедушек, что подтверждает результаты более ранних исследований о преобладании нисходящего акцепторства. (Здесь и далее под восходящим акцепторством понимается получение помощи от более молодого поколения более старшим, а под нисходящим акцепторством – получение помо-

¹ Миронова А. А. Внутрисемейные межпоколенные трансферты в России // Демоскоп Weekly. 2012. № 521, 522. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0521/demoscope521.pdf> (дата обращения 20.04.2018); Гладникова Е. В. Межпоколенные трансферты: направление, участники и факторы, их определяющие // Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2007. №7. С. 125–148.

щи от более старшего поколения более молодым).¹ Интересно, что если в 2011 г. средние объемы переданных восходящих трансфертов отличались от средних объемов переданных нисходящих трансфертов, то в 2015 г. они начинают сближаться по значениям. Тем не менее стоит отметить, что т-тест для выборок 2011 и 2015 г. показал, что значимые различия наблюдаются лишь для трансфертов, полученных от детей, их средние объемы снизились.

Таблица 3

Доля участия и средний объем частных трансфертов, полученных в течение 30 дней, 2011 и 2015 г., в % и тыс. руб. (в рублях 2015 г.)*

Роль в процессе обмена	Год	Только акцепторы		И доноры, и акцепторы		Всего	
		Доля	Среднее	Доля	Среднее	Доля	Среднее
Помощь от родителей	2011	82,3	11,9	17,7	11,9	100	11,9
	2015	81,6	7,3	18,4	8,2	100	7,4
Помощь от детей	2011	73,3	9,3	26,7	6,3	100	8,3
	2015	69,7	6,5	30,3	5,3	100	6,1
Помощь от бабушек и дедушек	2011	81,8	7,8	18,2	9,4	100	8,1
	2015	85,0	5,9	15,0	4,5	100	5,6
Помощь от внуков	2011	40,0	2,8	60,0	7,8	100	4,6
	2015	63,7	3,7	36,3	3,3	100	3,6
Помощь от других родственников	2011	61,0	5,6	39,0	7,9	100	6,3
	2015	79,6	5,8	20,4	4,9	100	5,6

*В расчете не учитывались домохозяйства, не участвующие в процессе обмена.

Средний объем и переданных, и полученных трансфертов в сопоставимых ценах снизился в 2015 г. (см. табл. 4). Можно предположить, что с наступлением экономической нестабильности домохозяйства пытаются удержать свой доход на таком уровне, который позволил бы сохранить привычное для них потребление. В данном случае сохранение этого уровня, вероятно, происходит путем сокращения отчислений материальной помощи своим родственникам.

Таблица 4

Средний объем частных трансфертов, переданных/полученных в течение 30 дней, 2011 и 2015 г., тыс. руб. (в рублях 2015 г.)*

Всего в среднем	2011	2015
Передано трансфертов	5,2	4,3
Получено трансфертов	7,8	5,7

*В расчете не учитывались домохозяйства, не участвующие в процессе обмена.

¹ Миронова А. А. Внутрисемейные межпоколенные трансферты в России; Гладникова Е. В. Ключевые стратегии участия и типология российских домохозяйств в межсемейных обменах: Препринт WP4/2009/05. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2009; Она же. Межпоколенные трансферты: направление, участники и факторы, их определяющие.

В таблице 5 представлена средняя доля получаемых трансфертов в доходах и средняя доля передаваемых трансфертов в расходах домохозяйств по квинтильным группам душевого дохода (первая группа – домохозяйства с наименьшими среднедушевыми доходами). Наибольшая доля переданных трансфертов приходится на пятую, самую состоятельную, группу (более 4% расходов), а наибольшая доля полученных трансфертов – на первую квинтильную группу (6% доходов в 2011 г. и 8% – в 2015 г.), т. е. наиболее состоятельные домохозяйства имеют возможность оказывать поддержку, а наиболее нуждающиеся ее принимают. Данные свидетельствуют о общем повышении доли расходов на переданные трансферты и доли дохода от полученных трансфертов во всех квинтильных группах в 2015 г. по сравнению с 2011 г. Это различие является значимым на основании результата т-теста. Таким образом, при сокращении абсолютного объема трансфертов, их относительный вклад в доходы и расходы домохозяйств увеличился, что свидетельствует о роли частных материальных трансфертов в преодолении с жизненных трудностей, с которыми сталкиваются россияне.

Таблица 5

Доли частных трансфертов в доходах и расходах домохозяйств, 2011 и 2015 гг. по квинтильным группам душевого дохода, %

Средняя доля	Год	1-я квинт. группа	2-я квинт. группа	3-я квинт. группа	4-я квинт. группа	5-я квинт. группа
Переданных трансфертов	2011	1,1	2,1	3,2	3,2	4,3
	2015	1,2	2,8	3,9	4,7	4,0
Полученных трансфертов	2011	5,9	3,5	2,7	2,7	3,5
	2015	7,9	4,1	4,2	4,2	4,8

В целом очевидна тенденция увеличения доли переданных трансфертов, если двигаться от первой группы к пятой квинтильной группе, и, наоборот, уменьшение полученных трансфертов, двигаясь в том же направлении, что подтверждает более ранние исследования¹. Можно также заметить, что больше всего доля переданных трансфертов выросла в расходах четвертой группы (с 3,2 до 4,7%), а доля полученных – в доходах первой группы (с 5,9 до 7,9%).

Для понимания стратегий российских домохозяйств в процессе обмена важно изучить внутреннюю структуру феномена частных трансфертов. С этой целью был проведен факторный анализ переменных, содержащих сведения об объемах переданных и полученных частных трансфертов (отдельно для 2011 и 2015 г.). Перед интерпретацией результатов факторного анализа были проанализированы соответствующие статистики. В случае факторного анализа данных 2011 г., тест Бартлетта на сферичность показал, что между переменными существует корреляция, а значит, данный вид анализа применим. Мера выборочной адекватности Кайзера-Мейера-Олкина (КМО) имеет значение 0,498, что, в целом, говорит об адекватности модели. В случае модели для данных 2015 г., тест Бартлетта также показал корреляцию, а КМО приняла значение 0,502, в результате модель также

¹ Гладникова Е. В. Обзор подходов к исследованию частных межпоколенных трансфертов // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 5. С. 93–110; Градосельская Г. В. Социальные сети: обмен частными трансфертами // Социологический журнал. 1999. № 1–2. С. 156–163.

была использована в анализе. Кумулятивный процент объясненной дисперсии для модели 2011 г. составляет 42%, для модели 2015 г. – 54%. В случае и той, и другой модели факторы оказались ортогональными, поэтому в качестве вращения использовался метод Варимакс.

В таблице 6 представлены факторные нагрузки анализа переменных 2011 г. Модель предполагает 4 фактора, которые, как показывает таблица, очень равномерно распределены и хорошо интерпретируются:

- 1-й фактор предполагает оказание материальной помощи детям и внукам, поэтому его можно охарактеризовать как «нисходящее донорство»;
- 2-й фактор предполагает помощь родителям, бабушкам/дедушкам и другим родственникам, поэтому его можно охарактеризовать как «восходящее донорство»;
- 3-й фактор предполагает получение помощи от родителей, бабушек/дедушек и других родственников, поэтому его можно охарактеризовать как «нисходящее акцепторство»;
- 4-й фактор предполагает получение помощи от детей и внуков, поэтому его можно охарактеризовать как «восходящее акцепторство».

Таблица 6

Факторные нагрузки, вращение Варимакс, 2011 г.

Переменные	Компоненты			
	1	2	3	4
Помощь родителям	0,411	0,584	-0,067	0,035
Помощь детям	0,746	0,111	0,042	0,118
Помощь бабушкам и дедушкам	-0,085	0,562	-0,137	-0,106
Помощь внукам	0,580	-0,343	-0,021	-0,225
Помощь другим родственникам	-0,056	0,505	0,214	-0,031
Получение помощи от родителей	0,014	-0,107	0,442	-0,227
Получение помощи от детей	-0,013	-0,107	-0,006	0,633
Получение помощи от бабушек и дедушек	-0,119	0,069	0,634	-0,014
Получение помощи от внуков	0,016	0,000	-0,016	0,669
Получение помощи от других родственников	0,142	0,036	0,618	0,172

Метод выделения факторов: метод главных компонент.
Метод вращения: Варимакс с нормализацией Кайзера.
Вращение сошлось за 6 итераций.

Полученные для данных 2011 г. факторы можно назвать «идеальными», поскольку они соответствуют основным типам частных трансфертов по направлениям помощи. Говоря о факторах для данных 2015 г., не сложно заметить, что полученные признаки явно трансформировались, и их уже сложнее интерпретировать (см. табл. 7):

- 1-й фактор предполагает оказание помощи бабушкам и дедушкам, а также другим родственникам. Можно охарактеризовать данный фактор как «восходящее донорство лицам пожилого возраста»;

- 2-й фактор предполагает получение помощи от родителей, а также бабушек и дедушек, поэтому можно охарактеризовать данный фактор как классическое «нисходящее акцепторство»;
- 3-й фактор предполагает оказание помощи родителям и детям. Подобная стратегия характерна для ситуации, когда дети ещё «не встали на ноги», не обрели материальную стабильность, а родители уже пожилые и тоже нуждаются в материальной поддержке. Как правило, донор таких трансфертов находится в средней возрастной категории (40–50 лет). Можно охарактеризовать данный фактор как «донорство основного кормильца»;
- 4-й фактор предполагает помощь внукам, а также получение помощи от детей и внуков. В целом данный фактор можно назвать как «восходящее акцепторство лиц пожилого возраста». Можно предположить, что обратная помощь, которая исходит от пожилых лиц внукам, является скорее символической;
- 5-й фактор предполагает получение помощи от других родственников. Интерпретация данного фактора является наиболее сложной, поскольку в него выделилась наименее контрастная по содержанию переменная. Можно предположить, что данный фактор сформировался в виду активизации социальных связей в период кризисного периода, что проявилось в виде помощи близким и не очень близким родственникам. Кроме того, данный фактор может быть последствием неверного понимания респондентами понятийного аппарата: отсутствие восприятия обменов с близкими родственниками как трансфертов. Если придерживаться первой точки зрения, данный фактор может быть охарактеризован как «материальная помощь от родственников».

В целом, первый и третий фактор относятся к донорской стратегии, второй, четвертый и пятый факторы – к акцепторской стратегии. Очевидно, что по сравнению с 2011 г. сохранилась помощь младшему поколению, но выделилось сразу несколько факторов, так или иначе связанных с помощью пожилым людям.

Таблица 7

Факторные нагрузки, вращение Варимакс, 2015 г.

Переменные	Компоненты				
	1	2	3	4	5
Помощь родителям	0,149	-0,012	0,518	-0,148	0,458
Помощь детям	-0,033	0,002	0,779	0,006	-0,080
Помощь бабушкам и дедушкам	0,741	0,050	-0,045	-0,002	-0,042
Помощь внукам	-0,054	-0,025	0,343	0,595	-0,209
Помощь другим родственникам	0,744	-0,040	0,051	0,037	0,024
Получение помощи от родителей	-0,026	0,734	0,101	-0,072	-0,026
Получение помощи от детей	0,080	-0,111	-0,184	0,339	0,102
Получение помощи от бабушек и дедушек	0,038	0,739	-0,094	0,038	0,036
Получение помощи от внуков	-0,002	0,071	-0,070	0,725	0,073
Получение помощи от других родственников	-0,072	0,015	-0,076	0,100	0,861

Метод выделения факторов: метод главных компонент.
 Метод вращения: Варимакс с нормализацией Кайзера.
 Вращение сошлось за 8 итераций.

Таким образом, можно предполагать, что частные трансферты, действительно, поступают наиболее нуждающимся группам населения: молодым людям и старикам. Как было указано выше, в последнее время население России все больше придерживается мнения, что оказывать помощь нуждающимся должно государство, а не семья. Однако данные результаты показывают, что на практике подобное мнение еще не отразилось.

Для построения типологии российских домохозяйств по вовлеченности в частные трансферты был проведен кластерный анализ (метод К-средних). Типологии строились на основе переменных-дихотомиях о получении/передаче трансфертов разным категориям родственников. В процессе построения типологии были протестированы модели с разным количеством кластеров: от двух до шести кластеров для каждого года. В результате были выбраны те модели, которые соответствовали следующим критериям: хорошая наполненность кластеров, наибольшее значение показателя F-статистики и статистически значимые различия между кластерами.

Для данных 2011 г. была принята типология, состоящая из 4 кластеров (см. табл. 8).

Таблица 8

Конечные кластерные центры, 2011 г.

Переменные	Кластеры			
	1	2	3	4
Помощь родителям	0,000	1,000	0,026	0,000
Помощь детям	0,335	0,180	0,512	0,127
Помощь бабушкам и дедушкам	0,019	0,055	0,009	0,003
Помощь внукам	0,001	0,032	1,000	0,082
Помощь другим родственникам	0,017	0,123	0,042	0,383
Получение помощи от родителей	0,519	0,213	0,032	0,009
Получение помощи от детей	0,002	0,010	0,047	0,633
Получение помощи от бабушек и дедушек	0,084	0,028	0,000	0,009
Получение помощи от внуков	0,006	0,000	0,006	0,036
Получение помощи от других родственников	0,115	0,057	0,022	0,067

В первом кластере 52% домохозяйств получают помощь от родителей, 8,4% — от бабушек и дедушек и 11,5% — от других родственников. Предположительно, данный кластер составляют молодые домохозяйства с индивидами, недавно отделившимися от родительского дома и нуждающимися в материальной поддержке ввиду отсутствия стабильного заработка или иных причин. Данный кластер можно охарактеризовать как «Домохозяйства-акцепторы нисходящей помощи».

Во втором кластере все домохозяйства оказывают помощь родителям (100%) и в меньшей степени бабушкам и дедушкам (5,5%). Вероятно, данный кластер составляют «зрелые», материально независимые домохозяйства, имеющие возможность финансово поддерживать своих родителей. Данный кластер можно охарактеризовать как «Домохозяйства-доноры восходящей помощи».

В третьем кластере все домохозяйства оказывают помощь внукам (100%) и около половины домохозяйств — детям (51,2%). Данный кластер формируют «зрелые» домохозяйства и домохозяйства, включающие в себя лиц пожилого возраста, уже имеющих внуков. Данный кластер можно охарактеризовать как «Домохозяйства-доноры нисходящей помощи».

В четвертый кластер вошли домохозяйства, оказывающие помощь другим родственникам (38,3%) и в то же время получающие помощь от детей (63,3%) и внуков (3,6%). В целом такой кластер можно охарактеризовать как «Домохозяйства-акцепторы восходящей помощи».

Как можно заметить, типология российских домохозяйств по вовлеченности в частные трансферты в 2011 г. с точностью повторяет «идеальные типы» основных стратегий межсемейного обмена. Как показано в таблице 9, больше половины (54,4%) домохозяйств являются акцепторами нисходящей помощи. Наименьший по размеру кластер представляют домохозяйства-доноры восходящей помощи (12,1%). Из этого следует, что в 2011 г. среди россиян была наиболее распространена материальная помощь, направленная от более старшего поколения к более младшему, и редко наоборот.

Таблица 9

Наполненность кластеров, 2011 г.

Кластеры	Количество	%
Домохозяйства-акцепторы нисходящей помощи	2217	54,4
Домохозяйства-доноры восходящей помощи	494	12,1
Домохозяйства-доноры нисходящей помощи	781	19,2
Домохозяйства-акцепторы восходящей помощи	583	14,3
Всего валидных	4075	100,0

В результате кластерного анализа данных 2015 г. была сформирована типология, состоящая также из 4 кластеров (см. табл. 10). В первый кластер вошли домохозяйства, получающие помощь от детей (37%), внуков (4,2%) и других родственников (24,7%) и в то же время сами оказывающие помощь другим родственникам (15,7%). Данный кластер отчасти могут представлять домохозяйства с уже пожилыми индивидами, принимающими материальную помощь от взрослых детей и внуков. Его можно охарактеризовать как «Домохозяйства-акцепторы восходящей помощи».

Во втором кластере все домохозяйства помогают родителям (100%) и в меньшей мере — бабушкам и дедушкам (3,8%). Данный кластер является второй составляющей восходящей взаимопомощи (первого кластера) и его можно охарактеризовать как «Домохозяйства-доноры восходящей помощи».

В третьем кластере 73,7% домохозяйств помогают детям и 51,3% — внукам. Данный кластер можно охарактеризовать как «Домохозяйства-доноры нисходящей помощи».

В четвертом кластере все домохозяйства получают помощь от родителей (100%) и в меньшей мере — от бабушек и дедушек (12,8%). Данный кластер, скорее всего, составляют молодые домохозяйства, нуждающиеся в материальной поддержке. Его можно охарактеризовать как «Домохозяйства-акцепторы нисходящей помощи».

Таблица 10

Конечные кластерные центры, 2015 г.

Переменные	Кластеры			
	1	2	3	4
Помощь родителям	0,000	1,000	0,016	0,000
Помощь детям	0,001	0,165	0,737	0,047
Помощь бабушкам и дедушкам	0,020	0,038	0,002	0,010
Помощь внукам	0,071	0,015	0,513	0,003
Помощь другим родственникам	0,157	0,079	0,042	0,024
Получение помощи от родителей	0,001	0,249	0,008	1,000
Получение помощи от детей	0,370	0,018	0,063	0,012
Получение помощи от бабушек и дедушек	0,054	0,048	0,003	0,128
Получение помощи от внуков	0,042	0,000	0,007	0,000
Получение помощи от других родственников	0,247	0,091	0,015	0,107

Как показано в [таблице 11](#), наиболее крупный кластер представляют домохозяйства-доноры нисходящей помощи (37,3%), а наименее крупный – домохозяйства-доноры восходящей помощи, что говорит о преобладании среди российских домохозяйств в 2015 г. стратегии поддержки более младшего поколения более старшим.

Таблица 11

Наполненность кластеров, 2015 г.

Кластеры	Количество	%
Домохозяйства-акцепторы восходящей помощи	791	22,7
Домохозяйства-доноры восходящей помощи	394	11,3
Домохозяйства-доноры нисходящей помощи	1299	37,3
Домохозяйства-акцепторы нисходящей помощи	1000	28,7
Всего валидных	3484	100,0

Сравнивая полученные типологии за относительно стабильный 2011 г. и кризисный 2015 г., можно заметить, что количество типов домохозяйств по вовлеченности в частные трансферты не изменилось, более того, сами типы содержательно не претерпели кардинальных изменений. Выделились домохозяйства-доноры нисходящей помощи, домохозяйства-акцепторы нисходящей помощи, домохозяйства-доноры восходящей помощи и домохозяйства-акцепторы восходящей помощи. Однако, произошло перераспределение домохозяйств между выделившимися типами. Так, например, увеличилась доля домохозяйств-акцепторов восходящей помощи и домохозяйств-доноров нисходящей помощи. Это может говорить о том, что активизировались направления помощи домохозяйствам, чье финансовое положение нестабильно по ряду причин, будь то нетрудоспособность по возрасту или низкая заработная плата ввиду отсутствия опыта. Кроме того, значительно снизилась доля домохозяйств-акцепторов нисходящей помощи, хотя данная группа все же осталась самой крупной. Несложно заметить, что доли домохозяйств по ролям

в межсемейных обменах в 2015 г. стали близки к более равным, что может говорить о распределении финансов между родственными домохозяйствами таким образом, чтобы сохранить привычный уровень жизни в кризисное время.

Подводя итоги, следует отметить, что около половины российских домохозяйств вовсе не участвуют в процессах обмена, однако, в 2015 г. доля таких домохозяйств снизилась. Доля домохозяйств-акцепторов и доля домохозяйств, являющихся и донорами, и акцепторами помощи, напротив, выросла, что подтверждает нашу гипотезу об увеличении материальной поддержки между домохозяйствами в кризисное (экономически нестабильное) время. Если сравнивать 2011 и 2015 г., значимые различия средних объемов помощи наблюдаются среди трансфертов, переданных родителям и детям, а также среди трансфертов, полученных от детей. Основной тенденцией является снижение объемов трансфертов. Однако несмотря на то, что объем (абсолютное измерение) трансфертов снизился, процент от доходов (для полученных трансфертов) и процент от расходов (для переданных трансфертов) вырос. Таким образом, реальное участие домохозяйств в межсемейных обменах возросло. Можно предположить, что изменения в объемах связаны с группами детей и родителей, поскольку, согласно более ранним исследованиям, именно они являются основными участниками процесса обмена. Остальные группы (такие, как бабушки, внуки, другие родственники) изначально получали/передавали небольшие объемы материальной помощи.

Под влияние кризиса подпадают не только бедные и особенно нуждающиеся, но и более состоятельные домохозяйства. В связи с этим сокращаются объемы помощи, но происходит мобилизация сильных социальных связей, а именно включение в процессы обмена тех, кто раньше в них не участвовал. Примечательно, что средние доли частных трансфертов изменяются в зависимости от принадлежности к квинтильной группе среднедушевого дохода. Доли переданных частных трансфертов увеличиваются при движении от самой бедной к самой богатой группе, а доли полученных частных трансфертов уменьшаются. Таким образом, материальная поддержка в большей степени оказывается наиболее нуждающимся и принимается, соответственно, ими же.

Типологии российских домохозяйств по вовлеченности в частные трансферты для 2011 и 2015 г. представлены четырьмя кластерами, схожими с «идеальными» типами стратегий межсемейного обмена: домохозяйства-доноры нисходящей помощи, домохозяйства-акцепторы нисходящей помощи, домохозяйства-доноры восходящей помощи и домохозяйства-акцепторы восходящей помощи. С 2011 г. типология не претерпела содержательных изменений, однако можно говорить о перераспределении ролей между домохозяйствами в кризисное время. Произошло увеличение трансфертных потоков домохозяйствам, нуждающимся в материальной поддержке ввиду финансовой нестабильности и, в связи с этим, уравнение долей домохозяйств по существующим ролям в процессе обмена.

Список литературы

Белокрылова О.С., Филоненко Ю.В., Фурса Е.В. Неформальное сетевое взаимодействие в снижении рисков бедности и социальной уязвимости (на примере Ростовской области) // Вопросы регулирования экономики (Journal of Economic Regulation). 2013. № 4.

Гладникова Е.В. Межпоколенные трансферты: направление, участники и факторы, их определяющие // Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2007. № 7.

Гладникова Е.В. Обзор подходов к исследованию частных межпоколенных трансфертов // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 5.

Гладникова Е.В. Ключевые стратегии участия и типология российских домохозяйств в межсемейных обменах: Препринт WP4/2009/05. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2009.

Градосельская Г.В. Социальные сети: обмен частными трансфертами // Социологический журнал. 1999. № 1-2.

Лефевр С., Корчагина И.И., Прокофьева Л.М. Последние изменения семейной политики и мнения о ней населения в России и Франции. В кн.: XV апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4-х книгах / Отв. ред.: Е. Г. Ясин. Кн. 3. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2015.

Миронова А.А. Внутрисемейные межпоколенные трансферты в России // Демоскоп Weekly. 2012. № 521, 522. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0521/demoscope521.pdf> (дата обращения 20.04.2018).

Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума и дефицит денежного дохода // Росстат: Неравенство и бедность: Уровень бедности: [электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/# (дата обращения 20.04.2018).

DOI: 10.17323/978-5-7598-1825-0_136-148

INTER-FAMILY TRANSFERS IN RUSSIA IN 2011 AND 2015

Krupina D. A.

Abstract. The paper focuses on inter-family transfers in Russia in 2011 and 2015. It aims to analyze how the economic crisis of 2014 impacted the reallocation of financial resources within kin networks. The paper shows that Russian households used inter-family transfers to cushion the blow during the economic downturn. The study is based on two rounds of “Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics” (RLMS-HSE). As data shows, slightly less than a half of Russian households took part in inter-family transfers, either donating, or accepting money, or both. Between 2011 and 2015, the share of households, receiving financial aid from relatives, or simultaneously accepting and donating money to their kin, increased. In both 2011 and 2015, the largest transfer payments went from the households of parents to the households of their non-co-residing children. Although an average payment fell in real terms during the period under consideration, the share of financial aid in the expenses of donors went up, mounting financial pressure on these households. The share of income received as private transfer payments rose correspondingly, exacerbating the dependence of recipients. The wealthiest twenty percent of households tended to donate money to their kin, while the poorest twenty percent were more likely to accept financial aid rather than transfer money to other households. In 2011 and 2015, households involved in inter-family transfers fell in the similar four categories that reflected the direction of transfers across generations. However, in 2015 there was a noticeable increase in the proportion of households, receiving financial aid either from parents or children.

Keywords: Russia Longitudinal Monitoring Survey of HSE, RLMS-HSE, inter-family transfers, financial aid, economic crisis.

References

Belokrylova O. S., Filonenko Yu.V., Fursa E. V. Neformal'noe setevoe vzaimodeystvie v snizhenii riskov bednosti i sotsial'noy uyazvimosti (na primere Rostovskoy oblasti) // Journal of Economic Regulation (Voprosy regulirovaniya ekonomiki). 2013. №4. S. 13–21.

Gladnikova E. V. Mezhpokolennye transferty: napravlenie, uchastniki i faktory, ikh opredelyayushchie // Sotsial'naya politika: ekspertiza, rekomendatsii, obzory. 2007. №7. S. 125–148.

Gladnikova E. V. Klyuchevye strategii uchastiya i tipologiya rossiyskikh domokhozyaystv v mezhsemeynykh obmenakh: Preprint WP4/2009/05. M.: Izd. dom GU-VShE, 2009.

Gladnikova E. V. Obzor podkhodov k issledovaniyu chastnykh mezhpokolennykh transfertov // Ekonomicheskaya sotsiologiya. 2009. T. 10. № 5. S. 93–110.

Gradosel'skaya G. V. Sotsial'nye seti: obmen chastnymi transfertami // Sotsiologicheskij zhurnal. 1999. № 1–2. S. 156–163.

Lefevr S., Korchagina I. I., Prokof'eva L. M. Poslednie izmeneniya semeynoy politiki i mneniya o ney naseleniya v Rossii i Frantsii. V kn.: XV aprel'skaya mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva: v 4-kh knigakh / Otv. red.: E. G. Yasin. Kn. 3. M.: Izdatel'skiy dom NIU VShE, 2015. S. 474–483.

Mironova A. A. Vnutrisemeynye mezhpokolennye transferty v Rossii // Demoskop Weekly. 2012. № 521, 522. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0521/demoscope521.pdf> (data obrashcheniya 20.04.2018).

Chislennost' naseleniya s denezhnymi dokhodami nizhe velichiny prozhitochnogo minimuma i defitsit denezhnogo dokhoda // Rosstat: Neravenstvo i bednost': Uroven' bednosti: [elektronnyy resurs] URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/# (data obrashcheniya 20.04.2018).

Богданов М. Б., Лебедев Д. В.

СТРУКТУРА И ДИНАМИКА КУРЕНИЯ В РОССИИ В 1994–2016 гг.

DOI: 10.17323/978-5-7598-1825-0_149-171

Аннотация. В данной работе описывается динамика и структура потребления табака в России за период с 1994 по 2016 г. Приводится анализ динамики объемов курения в разрезе различных социально-демографических групп. Снижение доли потребителей табака наблюдается во всех группах, за исключением групп по полу. Так, доля курящих среди женщин выросла по сравнению с 1994 г. Однако нельзя сказать, что объемы потребления табака курящими снизились, скорее они остались на таком же уровне, что и в 1994 г. В работе приводится анализ изменения структуры и практик потребления табака за рассматриваемый период. Практически в два раза увеличилась доля курящих сигареты с фильтром, если в 1994 г. их курили 54%, то в 2016 г. – 95%. Также наблюдается снижение возраста инициации курения среди женщин. В работе приводится регрессионный анализ социальных и экономических факторов потребления табака с корректировкой селективности выборки с помощью процедуры Хекмана. Для этого сначала с помощью пробит-модели были оценены факторы участия, т. е. решения о курении индивидом, а затем модель линейной регрессии для оценки факторов объема курения индивидом. Наибольшее влияние на решение о курении имеют следующие переменные: пол, мужчины более склонны курить; среднедушевой доход домохозяйства, чем он больше, тем менее вероятно индивид будет курить; распространенность курения в домохозяйстве, чем больше суммарный стаж курения остальных членов домохозяйства, тем вероятнее, что индивид тоже будет курить; цены на импортные сигареты, чем они выше, тем менее вероятно индивид будет курить. На объем курения в большей степени влияют: пол, мужчины больше курят; возраст, наблюдается обратная параболическая зависимость от возраста, т. е. в среднем возрасте люди склонны курить больше, чем молодежь и пожилые люди; высшее образование, индивиды с высшим образованием склонны в среднем курить меньше, чем индивиды со средним образованием и ниже; удовлетворенность жизнью отрицательно влияет на количество выкуриваемых сигарет; стаж курения положительно влияет на количество выкуриваемых индивидом сигарет.

Ключевые слова: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, RLMS-HSE, потребление табака, курение, здоровье.

Потребление табака в России находится на очень высоком уровне. Около 2700 сигарет ежегодно выкуривается на душу населения (от 15 лет и старше) по данным Tobacco Atlas за 2014 г.¹ По этому стандартизированному показателю Россия находится на третьем месте в мире после Белоруссии и Македонии. Еще одним важным индикатором, показывающим пристрастие к табаку и зависимость от него, является среднее количество выкуриваемых сигарет в день курильщиками². В России этот показатель равен 17 сигаретам в день, причем мужчины выкуривают в среднем 18 сигарет за день, а женщины — 13³.

Такой высокий уровень потребления, безусловно, крайне негативно сказывается на здоровье населения, причем не только курящего, но и тех, кто является так называемыми пассивными курильщиками. Вред табака для здоровья давно доказан медицинскими исследованиями: «наука однозначно установила, что воздействие табачного дыма приводит к смертельному исходу, заболеваниям и инвалидности»⁴. По данным Tobacco Atlas, в России около 28% смертей среди мужчин так или иначе связаны с курением, что значительно выше, чем в среднем в мире⁵. Среди населения России в целом этот показатель достигает 17%⁶. На основании данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» было выявлено, «что курение увеличивает риск смерти взрослого россиянина на 64%»⁷. Курящие работники склонны чаще болеть, чем те, кто не курит, в особенности после 35 лет⁸. Все это ведет к тому, что «курение сокращает продолжительность жизни на 10–12 лет»⁹.

Что касается пассивного курения, т. е. воздействия табачного дыма в том или ином виде на некурящих людей, то в России 35% населения подвержены такому воздействию на работе¹⁰. Причем среди мужчин доля тех, кто попадает под воздействие табачного дыма на работе составляет 46%, среди женщин — 27%. Дома же пассивными курильщиками являются около 35% населения, однако, доли по данному показателю среди мужчин и женщин отличаются лишь незначительно — 37 и 33% соответственно.

¹ Eriksen M., Mackay J., Schluger N., Islami F. & Drope J. (2015) The Tobacco Atlas / Eriksen M. (Ed.). 5th ed. Atlanta: the American Cancer Society, 2015. P. 31. URL: http://3pk43x313ggr4cy0lh3tctjh.wpengine.netdna-cdn.com/wp-content/uploads/2015/03/TA5_2015_WEB.pdf (дата обращения: 25.01.17).

² U.S. National Cancer Institute and World Health Organization (2016). The Economics of Tobacco and Tobacco Control. National Cancer Institute Tobacco Control Monograph 21. NIH Publication No. 16-CA-8029A. Bethesda, MD: U.S. Department of Health and Human Services, National Institutes of Health, National Cancer Institute; and Geneva, CH: World Health Organization. P. 41.

³ Ibid.

⁴ Табачная эпидемия в России: причины, последствия, пути преодоления / Комиссия Общественной палаты Российской Федерации по социальной и демографической политике: [доклад]. С. 10. URL: <https://www.oprf.ru/files/tabakokurenje.doc> (дата обращения: 25.01.17).

⁵ The Tobacco Atlas.

⁶ Ibid.

⁷ Denisova I. (2009). Mortality in Russia: Microanalysis. CEFIR / NES Working Paper series, 128, p. 11

⁸ Табачная эпидемия в России: причины, последствия, пути преодоления. С. 12.

⁹ Неравенство и смертность в России / под ред. В. Школьникова, Е. Андреевой, Т. М. Малевой: Сигнал, 2000. С. 70–73.

¹⁰ U.S. National Cancer Institute and World Health Organization. P. 57.

Таким образом, потребление табака в целом и курение сигарет в частности являются мощными факторами, усугубляющими неблагоприятную демографическую ситуацию в России¹. Более того, потребление табака также оказывает негативный эффект на экономику страны. От курения ежегодно умирает около 350 тысяч россиян, большинство из них – мужчины.² Локальное исследование влияния курения на заработную плату в Томской области показало, что курящие мужчины теряют около 14% своей заработной платы из-за курения, что на порядок выше, «чем в Германии и США, где курящие работники теряют от 4% до 8% зарплаты».³ Так, по некоторым подсчетам, в 2006 г. потери производительности в экономике от преждевременной смертности от болезней связанных с курением составили 24 миллиарда долларов США, или 3,2% ВВП России.⁴

Таким образом, очевидно, что курение является огромной социальной проблемой в современной России, которая на данный момент имеет характер эпидемии⁵, и наносит колоссальный вред не только здоровью населения, но и, как следствие, экономике страны в целом.

В данной работе прослеживается динамика изменений различных показателей, связанных с табакокурением, измеряемых в рамках «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» начиная с 1994 г. К рассматриваемым показателям относятся: доля курящего населения, доля потребителей разного вида табака, возраст начала курения, среднесуточное количество потребляемых сигарет. Выбранные показатели также анализируются в разрезе различных социально-демографических групп. В работе проводится анализ социальных и экономических факторов потребления табака. Причем анализируется как само решение о курении (уравнение участия), так и объем потребления (уравнение потребления). Используются переменные как индивидуального уровня, так и контекстуального.

Объемы и структура потребления в разрезе социально-демографических групп

Пик табакокурения приходится на 2001 г., когда почти 35% опрошенных утвердительно ответили на вопрос о том, курят ли они в настоящее время. После этого наблюдались незначительные флуктуации вплоть до 2006 г., после чего наметился отрицательный тренд, в ходе которого доля курящих снизилась до 28% (см. рис. 1). Это соответствует результатам, полученным «Всероссийским центром изучения общественного мнения», который также отмечает достижение семилетнего минимума в 2016 году – 31% курящих среди взрослого населения.⁶

¹ Табачная эпидемия в России: причины, последствия, пути преодоления.

² Герасименко Н., Заридзе Д., Сахарова Г., Здоровье или табак. Цифры и факты. М: УП-Принт, 2007. С. 45.

³ Табачная эпидемия в России: причины, последствия, пути преодоления. С. 13.

⁴ Ross H. Z., Shariff S. & Gilmore A. (2008). Economics of tobacco taxation in Russia. Paris: International Union Against Tuberculosis and Lung Disease. URL: http://global.tobaccofreekids.org/files/pdfs/en/Russia_tobacco_taxes_full_en.pdf (дата обращения: 25.01.17).

⁵ Табачная эпидемия в России: причины, последствия, пути преодоления. С. 12.

⁶ Курить или не курить: мониторинг / ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115711> (дата обращения: 25.01.17).

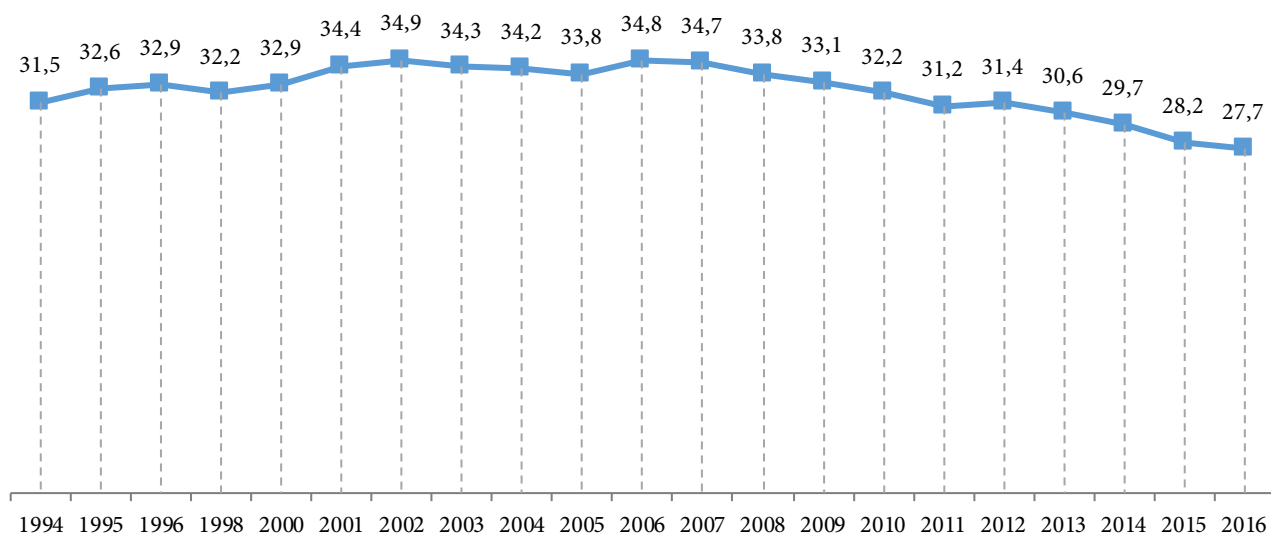

Рис. 1. Динамика доли курящего населения, 1994–2016 гг., %

В разрезе полов динамика распространенности табакокурения имеет две тенденции (см. рис. 2). Во-первых, это снижение доли курящих мужчин. Если в 1995 г. этот показатель принимал наибольшее значение (60%) за весь рассматриваемый период, то к 2016 г. он сократился до 44%. Вторая тенденция – это увеличение курящих женщин (в относительном выражении) в 1990-е гг. Так, доля потребителей табака среди женщин постепенно увеличивалась с 9% в 1994 г. до 14% в 2001 г. После этого, вплоть до 2016 г., доля курящих женщин колеблется в промежутке от 14 до 15%. Такое увеличение курения среди женщин в 1990-е гг. можно связать с ослаблением некоторых гендерных норм и представлений о том, что курение – это исключительно мужское занятие.

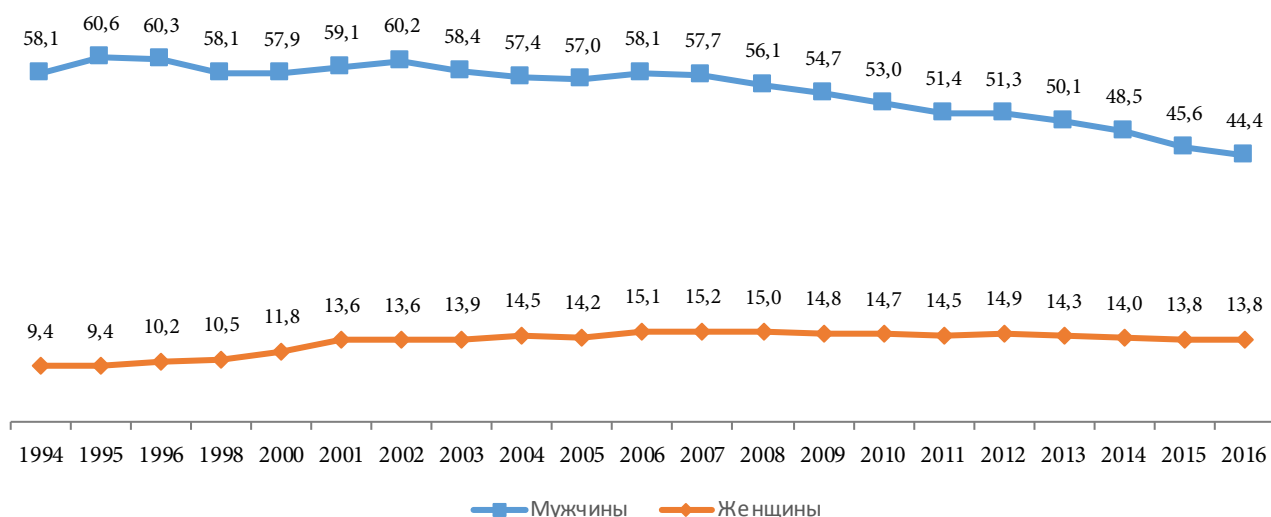

Рис. 2. Динамика доли курящего населения по полу, 1994–2016 гг., %.

В разрезе возрастных групп отчетливо прослеживается тенденция резкого снижения доли курящих среди людей в возрасте от 18 до 24 лет (см. рис. 3). С 2002 г. доля курящих в этой возрастной группе снизилась с 43 до 20%. Также снизилась доля курящих среди лиц в возрасте от 16 до 18 лет, причем снижение началось на год позже. В 1995 г. доля курящих среди 16–18-летних была 24%. К 2000 г. она снизилась до 14%, к 2003 г. опять выросла до 17%, после чего началось постепенное снижение, которое к 2016 г. достигло 5% курящих в данной возрастной группе. Также снизилась доля курящих среди тех, кому от 25 до 34 лет. Снижение составило около 9 п.п., уменьшившись с 44% в 1994 г. до 37% к 2016 г. Что касается более воз-

растных групп, то для всех из них имело место либо увеличение, либо сохранение примерно той же доли курящих. Однако динамика на протяжении рассматриваемого периода была не одинаковой для различных возрастных групп. Так, доля курящих в возрасте от 35 до 44 лет увеличивалась, достигнув в 2006 г. 48%, затем начала снижаться и опустилась до 39% в 2016 г. Интересно, что доля курящих среди наиболее пожилой возрастной группы 65 лет и старше – сохранялась на примерно одном уровне на протяжении всего периода и составила 10% в 2016 г.

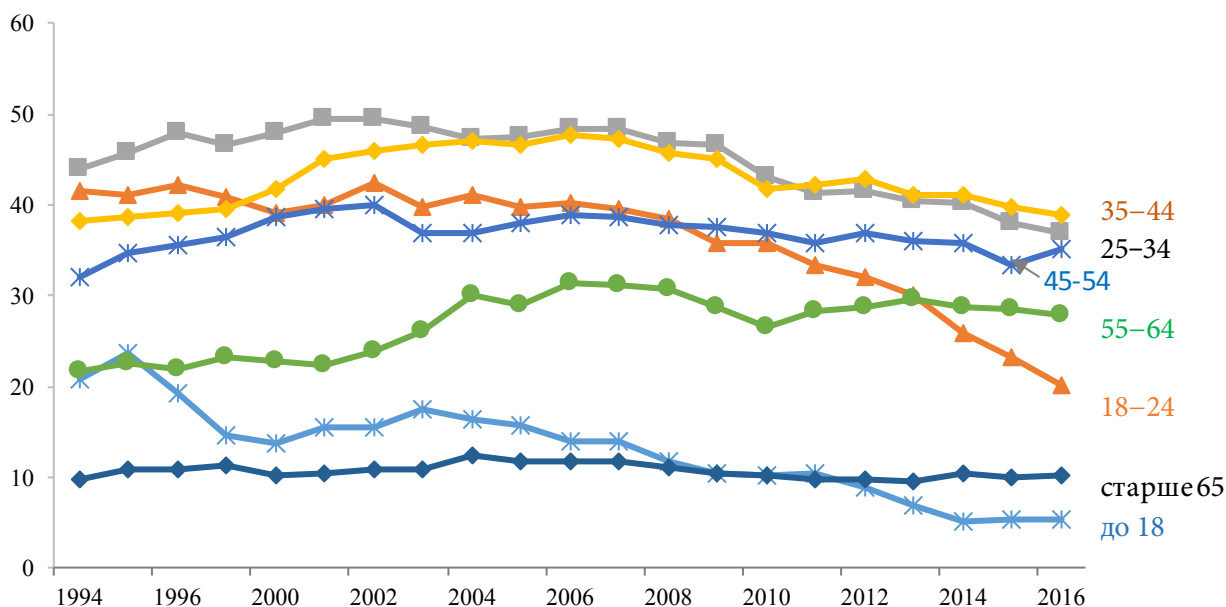

Рис. 3. Динамика доли курящего населения по возрастным группам, 1994–2016 гг., %

Что касается распространенности курения среди жителей разных типов населенных пунктов, то тут не наблюдается значительной дифференциации между группами (см. рис. 4). Так, в 1994 г. разница в доле курящего населения между селами и поселками городского типа, наиболее различающимися группами, составляла 5 п.п. (34 и 29%). Разница между жителями городов и областных центров составила 1,5 п.п. (31,2 и 32,7%). Однако эти различия не являются статистически значимыми на уровне доверительной вероятности 95%. В рассматриваемый период наблюдались примерно одинаковые тренды в изменении доли курящего населения в городах, областных центрах и селах, за тем лишь исключением, что в областных центрах и селах нисходящий тренд начался на несколько лет раньше, чем в городах. Так, в 2006 г. наблюдались пики доли курящих как среди жителей сел (33%), так и среди жителей областных центров (37%). После 2006 г. в населенных пунктах этого типа наблюдалось неуклонное уменьшение доли курящих, к 2016 г. они сократились до 28% в обоих типах населенных пунктов. В городах доля курящих также сократилась до 28% к 2016 г., однако отрицательный тренд начался только в 2010 г., т. е. на 4 года позже, чем в селах и областных центрах. В поселках городского типа, где доля потребителей табака на момент начала замеров (1994 г.) была наибольшей (34%), с 1995 по 2000 г. наблюдалось существенное снижение этого показателя с 36 до 27%. Впоследствии этот показатель колебался от года к году, но при этом оставался наименьшим среди других типов населенных пунктов. Эти колебания можно списать на сравнительно небольшое количество опрошенных респондентов, проживающих в поселках городского типа, что увеличивает стандартную ошибку измерения, а, следовательно, и разброс значений от года к году.

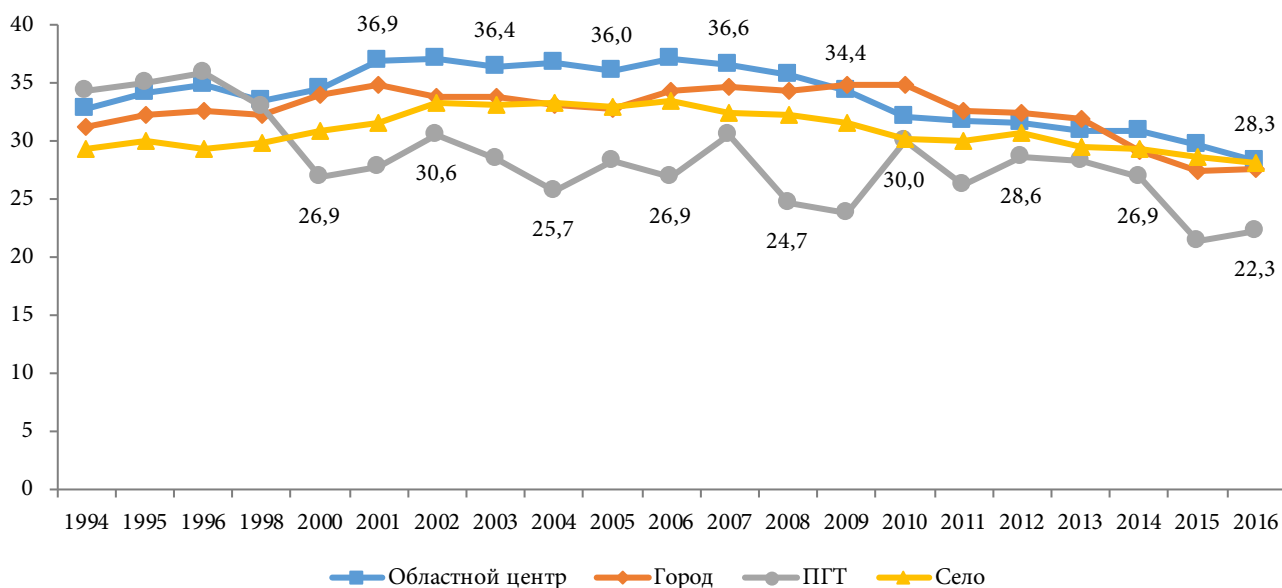

Рис. 4. Динамика доли курящего населения в разрезе типов населенных пунктов, 1994–2016 гг., %

Переходя к анализу курения среди различных групп по образованию (см. рис. 5), стоит отметить, что на протяжении всего анализируемого периода наименьшая доля курящих наблюдалась среди тех, кто закончил от 0 до 6 классов школы. Однако это скорее всего связано с тем, что в данном случае образование в какой-то степени зависит от возраста респондента. Та же проблема наблюдается и с категориями, связанными с незаконченным средним образованием. Что касается остальных категорий по образованию, то тут на протяжении всего периода наблюдалась одна закономерность — среди людей с более высоким уровнем образования меньше доля курящих. Так, меньше всего доля курящих среди респондентов с законченным высшим образованием и выше. За рассматриваемый период доля потребителей табака среди людей с высшим образованием снизилась с 27 до 18%. Доля курящих среди людей со средним специальным образованием в 1994 г. составляла 25%, к 2007 г. она достигла пика и увеличилась до 32%, после чего снизилась до 24% и достигла минимума в 2016 г. Однако различия в доли курящих между 1994 и 2016 г. нельзя назвать статистически значимыми. Среди людей с незаконченным средним образованием доля курящих снизилась с 28% в 1994 г. до 20% в 2015 г. В 2016 г. доля курящих в этой категории по образованию повысилась на 1 п.п. и достигла показателя в 21%. Наиболее «курящими» являются группы с законченным средним образованием и незаконченным средним образованием (7–8 классов). Доля курящих среди людей с законченным средним образованием возрастала с 42% в 1994 г. до 48% в 2002 г., но далее она снизилась до 38% в 2016 г. Среди людей с незаконченным средним образованием (7–8 классов) доля курящих колебалась на протяжении всего рассматриваемого периода от 39% в 1994 г. до 36% в 2016 г., с пиком в 47% в 2012 г. Таким образом, снижение доли потребителей табака наблюдалось среди людей с незаконченным средним образованием, законченным высшим образованием и законченным средним, но не среди тех, кто имеет среднее специальное образование. То есть снижение доли курящих происходило неравномерно среди разных групп по образованию.

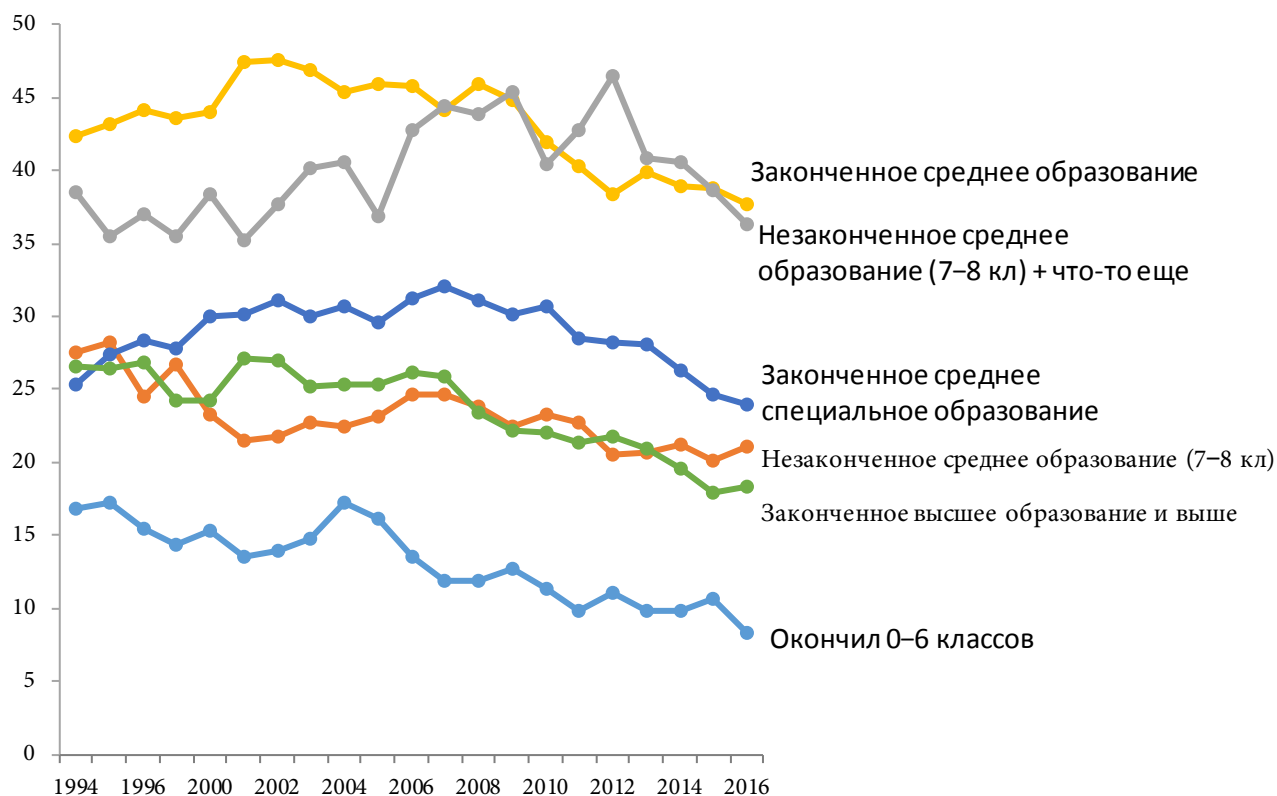

Рис. 5. Динамика доли курящего населения в разрезе образования респондентов, 1994–2016 гг., %

Что касается объемов потребления табака (см. рис. 6), то нельзя сказать, что наблюдалась однозначно положительная динамика по этому показателю. Так, среднее количество выкуриваемых за день сигарет курильщиками увеличилось с 14 сигарет в 1994 г. до 15 сигарет в 2016 г., а с 2011 по 2014 г. опрошенные потребители табака выкуривали в среднем по 16 сигарет в день. После чего наметился отрицательный тренд и данный показатель опустился на уровень 15 сигарет в день в 2016 г., что больше, чем в начале замеров в 1994 г. Таким образом, можно сказать, что среднесуточное потребление табака среди курящих увеличилось, пусть и не значительно.

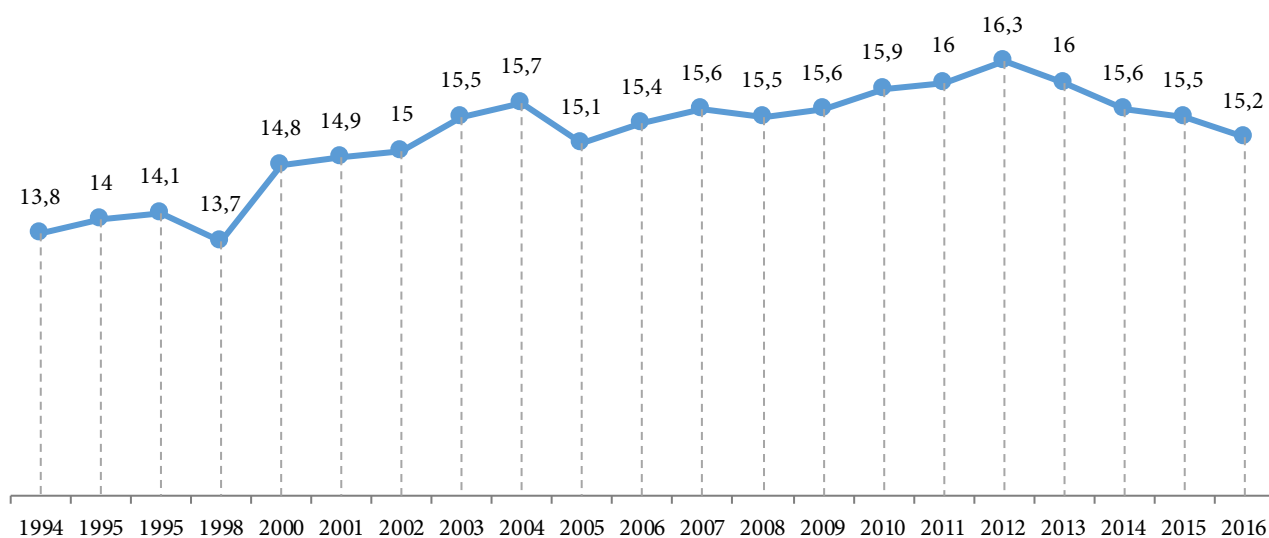

Рис. 6. Динамика среднего количества выкуриваемых сигарет или папирос за день, 1994–2016 гг.

Мужчины, ожидаемо в среднем выкуривают большее количество сигарет или папирос в день, чем женщины (см. рис. 7). Однако динамика этого показателя за рассматриваемый период отличается среди мужчин и женщин. Так, среди муж-

чин среднее количество выкуриваемых за день сигарет увеличилось на 1,5 сигареты — с 15 сигарет в 1994 г. до 16,5 сигарет в 2016 г. Причем с 2012 г., когда было зафиксировано пиковое среднесуточное потребление сигарет мужчинами (17 штук), наблюдается тенденция на сокращение этого показателя. Тогда как среди женщин этот показатель увеличился намного заметнее — на 4 сигареты в день. Если в 1994 г. курящие женщины в среднем выкуривали по 8 сигарет в день, то в 2016 г. они стали выкуривать уже по 12 сигарет. Таким образом, возможно, что общее увеличение среднего количества выкуриваемых за день сигарет вызвано значительным увеличением числа выкуриваемых сигарет среди женщин.

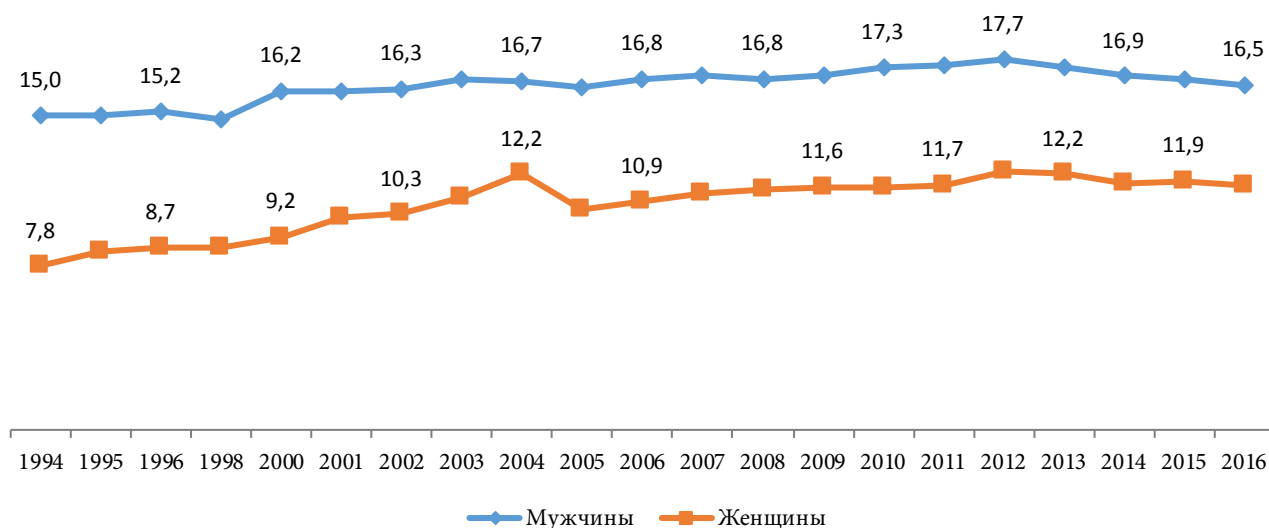

Рис. 7. Динамика среднего количества выкуриваемых сигарет или папирос за день по полу, 1994–2016 гг.

Среди возрастных групп на протяжении всего рассматриваемого периода в среднем больше всех курили люди в старших возрастных группах (от 35 лет), что косвенно подтверждает аддиктивность табака (см. рис. 8). Большой стаж курения формирует толерантность к табаку, т. е. для удовлетворения той же потребности в табаке и его компонентах (никотине) необходимо все большее количество табака.

В целом, ни в одной из возрастных групп за период с 1994 по 2016 г. не произошло снижение количества выкуриваемых сигарет в среднем за сутки. Хотя в некоторых возрастных группах и были локальные спады в объеме курения, но они скорее имели временный характер. Наибольшие флуктуации наблюдались в группе от 16 до 18 лет, что может быть связано со сравнительно небольшим количеством наблюдений в данной группе, следовательно, с большей стандартной ошибкой. Однако очевидно, что эта группа курящих потребляет наименьшее количество табака в среднем в день и эта закономерность наблюдалась с 1994 до 2016 г. Также сравнительно мало курят люди в возрасте от 18 до 24 лет. На протяжении всего рассматриваемого периода среднее количество выкуриваемых за день сигарет колебалось в интервале от 12 до 13 штук. Это можно связать с тем, что члены этой группы в среднем недавно начали курить и не успели накопить капитал вредной привычки. В наибольшей степени среднее количество выкуриваемых за день сигарет увеличилось в самой пожилой группе (65 лет и старше). Если в 1994 г. в этой группе в среднем курили 13 сигарет в день, то к 2016 г. это количество увеличилось до 16 сигарет в день.

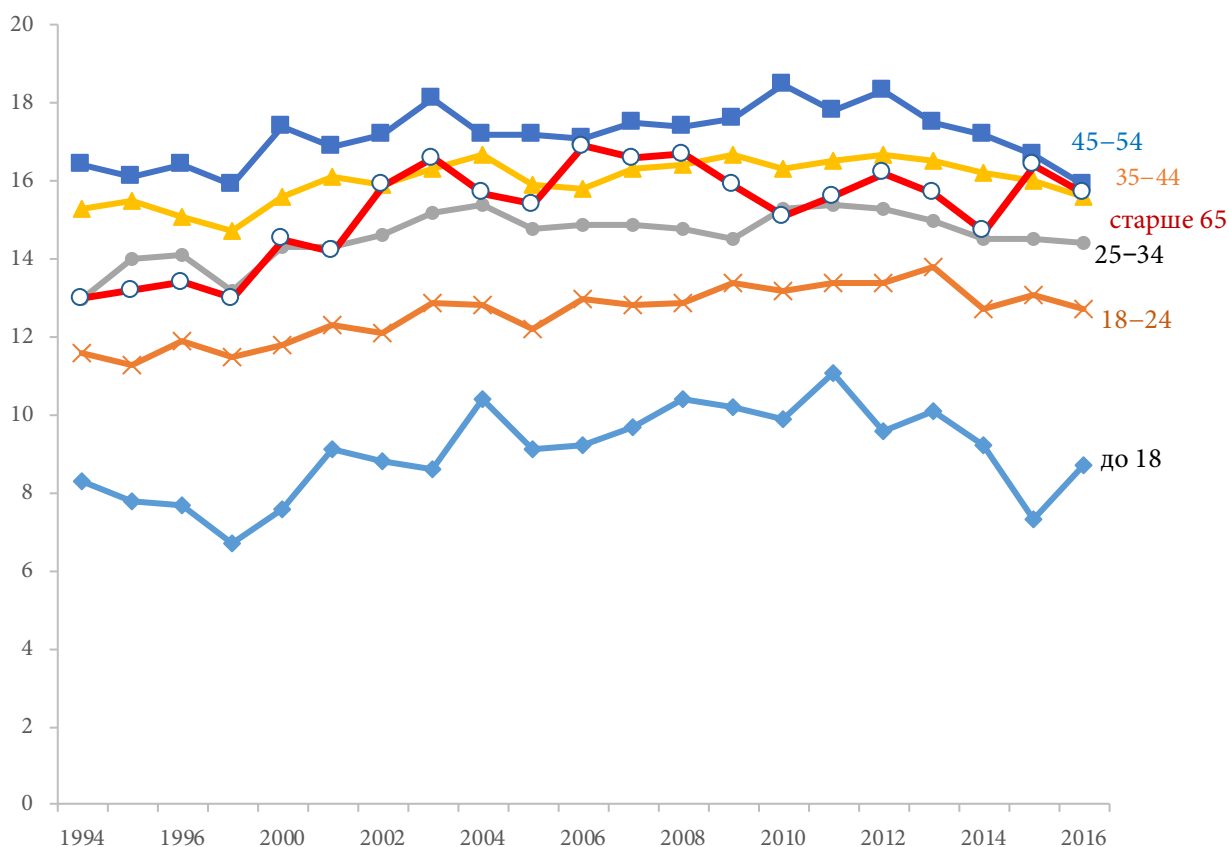

Рис.8. Динамика среднего количества выкуриваемых сигарет или папирос за день по возрастным группам, 1994–2016 гг.

Что касается анализа объема курения в разрезе по образованию (см. рис. 9), то стоит отметить, что из-за вышеупомянутых проблем взаимосвязи некоторых ступеней образования и возраста было решено оставить только те три категории образования, которые меньше всего связаны с возрастом: законченное среднее образование, законченное среднее специальное образование, законченное высшее образование и выше. В таком разрезе практически на протяжении всего периода замеров прослеживается закономерность — среди групп с более высоким уровнем образования среднесуточное потребление сигарет ниже. Так, в 1994 г. больше всего сигарет в день курили люди со средним образованием, а меньше всего с высшим образованием и выше. В целом за рассматриваемый период увеличилось количество выкуриваемых в день сигарет среди всех групп по образованию. Кроме того, к 2016 г. разница между группами по образованию также увеличилась. Курящие со средним образованием курят в среднем 16 сигарет в день, со средним специальным образованием — 15 сигарет, а с высшим и выше — 14 сигарет. Однако отметим, что в последние годы наблюдается отрицательный тренд, который тем не менее начался в разное время среди разных групп по образованию. Так, снижение выкуриваемых за день сигарет курящими со средним специальным или высшим образованием началось в 2012 г., а среди курящих только со средним образованием этот тренд начался на год позже — в 2013 г. Это можно объяснить с помощью теории диффузии инноваций, которая рассматривает распространение практик курения как распространение некой инновации в обществе, которая сначала апробируется высшими слоями, а затем перенимается средними и низшими. Таким образом, можно предположить, что курящие со средним образованием «заметили», что курящие со средним специальным или высшим образованием сократили ежедневный объем курения и переняли эту практику, которая отразилась в замерах только через год.

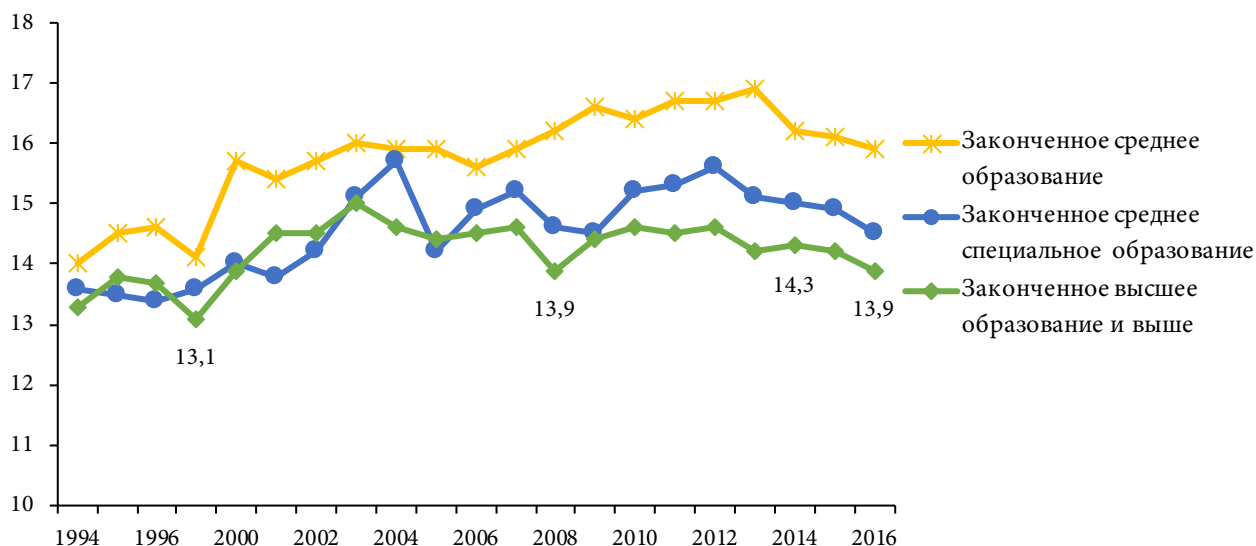

Рис. 9. Динамика среднего количества выкуриваемых сигарет или папирос за день по уровню образования респондентов, 1994–2016 гг.

Разница в суточных объемах табакокурения между типами населенных пунктов (см. рис. 10) увеличилась с 1994 по 2016 г., равно как и увеличились сами объемы курения среди курящих, проживающих в разных типах населенных пунктов. Если в 1994 г. потребители табака во всех населенных пунктах в среднем курили по 14 сигарет в день, то для жителей поселков городского типа эта цифра к 2016 г. достигла 18 сигарет, для жителей сел – 16 сигарет, для жителей городов и областных центров – 15 сигарет. Положительный тренд в увеличении среднего количества выкуриваемых за день сигарет для всех типов населенных пунктов продолжался с локальными спадами до 2011 г. После чего началось сокращение данного показателя в городах, а спустя год этот тренд наметился в селах и областных центрах, в 2013 г. сокращение началось и в поселках городского типа.

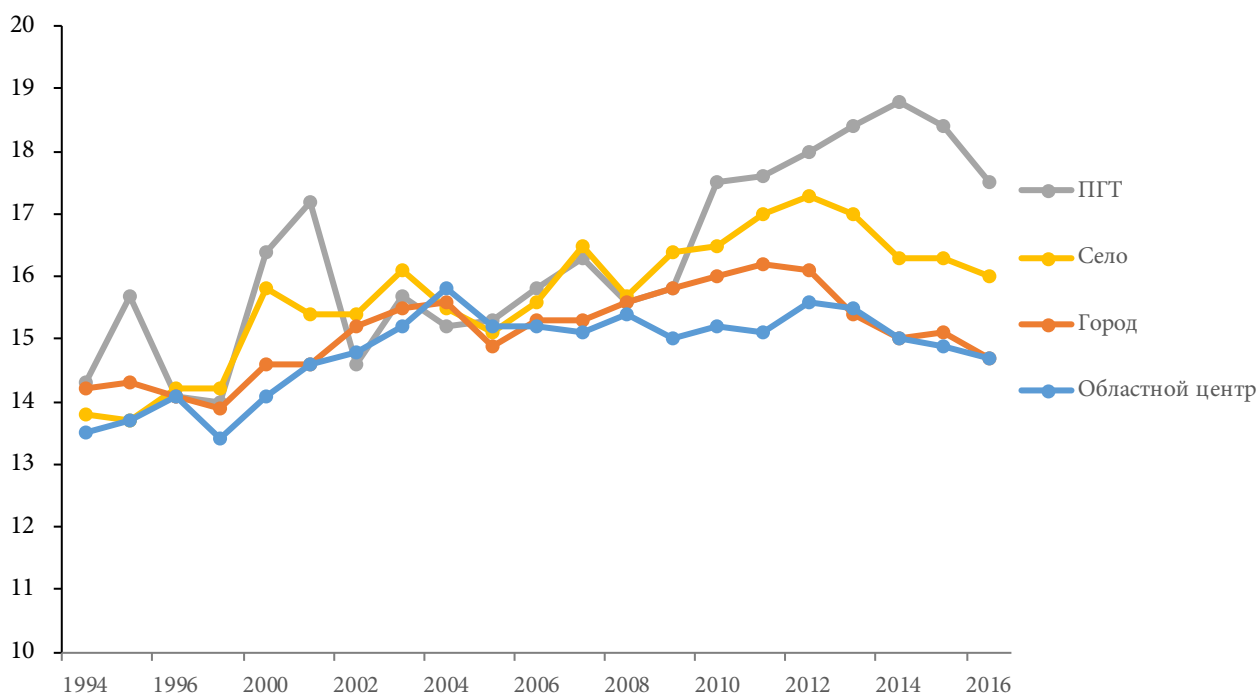

Рис. 10. Динамика среднего количества выкуриваемых сигарет или папирос за день по типу населенного пункта, 1994–2016 гг.

Поскольку табак является аддиктивным благом, т. е. вызывает привычку и формирует зависимость, имеет смысл рассмотреть динамику изменения возраста начала курения табака. Так как именно эта переменная так или иначе отражает капитал вредной привычки, т. е., чем раньше человек начал курить, тем продолжительнее будет его стаж курения. Как видно из рис. 11, профили возраста начала курения практически идентичны и не изменялись по годам. Причем распределение возраста инициации курения можно назвать бимодальным. Практически во всех рассматриваемых годах наиболее популярным возрастом начала курения среди опрошенных было 16 лет, тогда как на отметке 17 лет наблюдается спад. Тем не менее именно 17 лет является средним возрастом начала курения опрошенных во всех волнах, в которых замерялся данный показатель. Однако наблюдается и второе модальное значение — 18 лет, что может быть связано с совершеннолетием и возможностью беспрепятственно покупать табак и алкоголь. Также наблюдается спад начавших курить в 19 лет и всплеск в 20 лет. Это также может быть связано с тем, что многие юноши, которые, как было показано раньше, являются основными потребителями табака, именно в 20 лет призываются в армию из техникумов, колледжей и ПТУ, а армия традиционно является институтом с высоким потреблением табака. Кроме того, это может быть связано с ретроспективной ошибкой измерения. Люди не помнят точно во сколько они начали курить и поэтому называют приблизительный, округленный, возраст. Этим можно объяснить также всплески начавших курить в 25, 30, 35, 40, 45 и 50 лет.

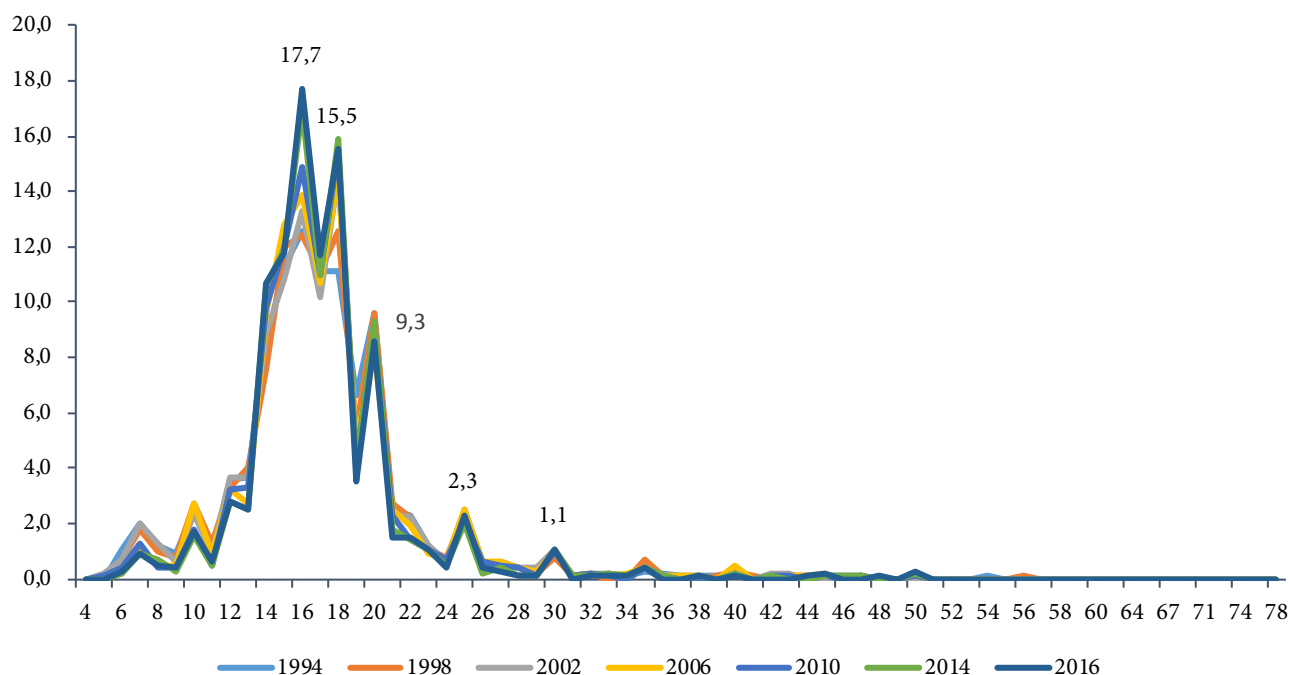

Рис. 11. Динамика возраста начала курения, 1994, 1998, 2006, 2010 и 2016 г., %

Среди женщин наблюдается тренд на уменьшение возраста начала курения (см. рис. 12). Так, если в 1994 г. только 2% опрошенных курящих женщин сказали, что впервые начали курить в 14 лет, то в 2016 г. таких было уже около 9%. Кроме того, в 1994 г. 14% потребителей табака женского пола начали курить в 20 лет, а в 2016 г. таких стало около 10%. В целом распределение возраста начала курения к 2016 г. приняло бимодальную структуру с пиками в 16 и 18 лет. Почти половина (42%) курящих женщин в 2016 г. начали курить в возрасте от 16 до 18 лет.

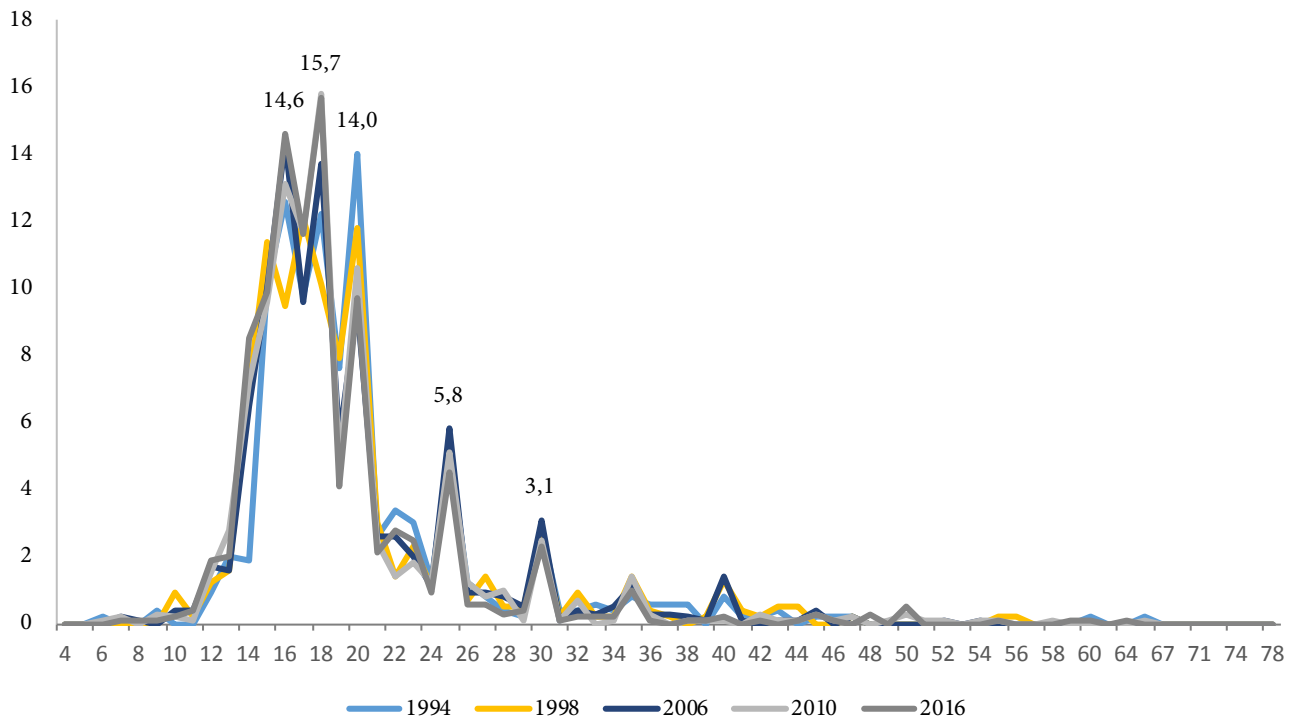

Рис. 12. Динамика возраста начала курения среди женщин, 1994, 1998, 2006, 2010, 2016 г., %

Среди мужчин на протяжении всего рассматриваемого периода наиболее распространенными возрастными группами начала курения также являются 16 и 18 лет (см. рис. 13). Однако среди мужчин меньше доля тех, кто начал курить в 20 лет, а также меньше доля тех, кто начал курить в 25 лет, и эти тенденции характерны для всех рассматриваемых лет. Значительно увеличилась доля тех, кто начал курить в 16 лет – с 13% в 1994 г. до 19% в 2016 г. В остальном изменения во времени остались незначительными, форма распределения возраста начала курения в разных годах повторяет друг друга.

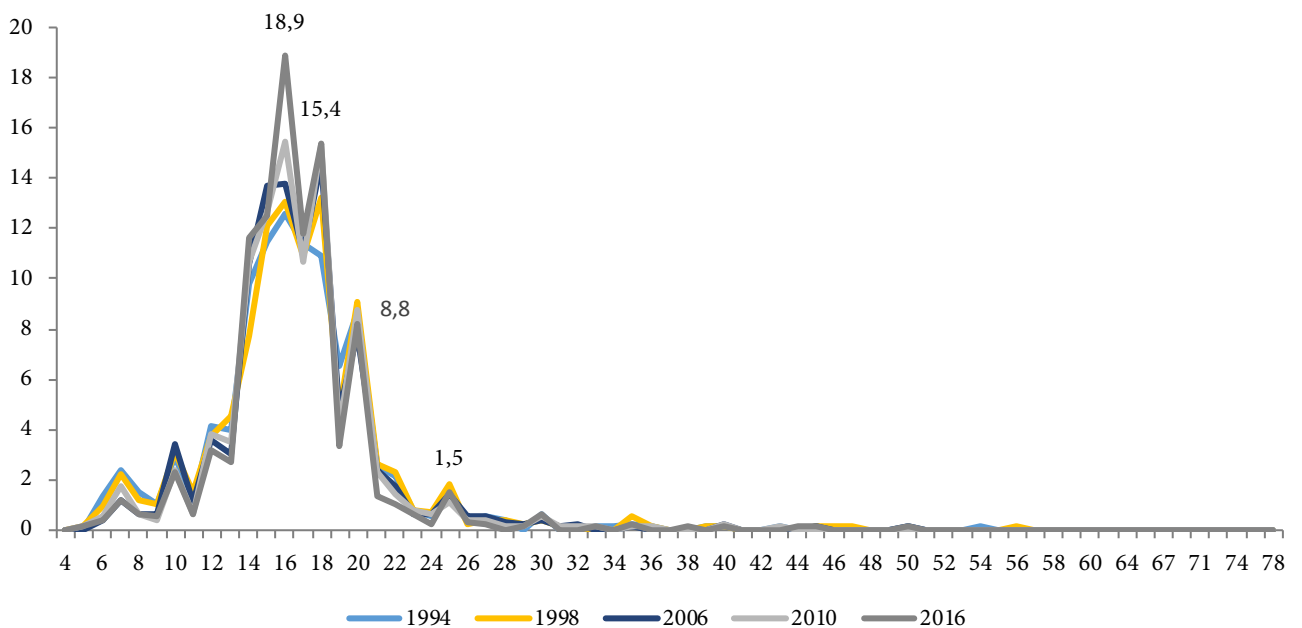

Рис. 13. Динамика возраста начала курения среди мужчин, 1994, 1998, 2006, 2010, 2016 г., %

Что касается распространенности различных форм табака, то за последние 20 лет их потребление стало более однородным. Как показано на рис. 14, с 1994 г. почти в два раза увеличилась доля тех, кто курит сигареты с фильтром – с 54 до 95%. Причем произошло это за счет снижения потребления других форм табака. С 1994 г. практически до нулевых значений снизилось потребление самокруток и папирос, которое и так занимало незначительную часть в потреблении табака (5 и 7% соответственно). Доля курящих сигареты без фильтра снизилась с 35% в 1994 г. до 3% в 2016 г. Таким образом, начиная с 2008 г. больше 90% процентов потребителей табака курили сигареты с фильтром.

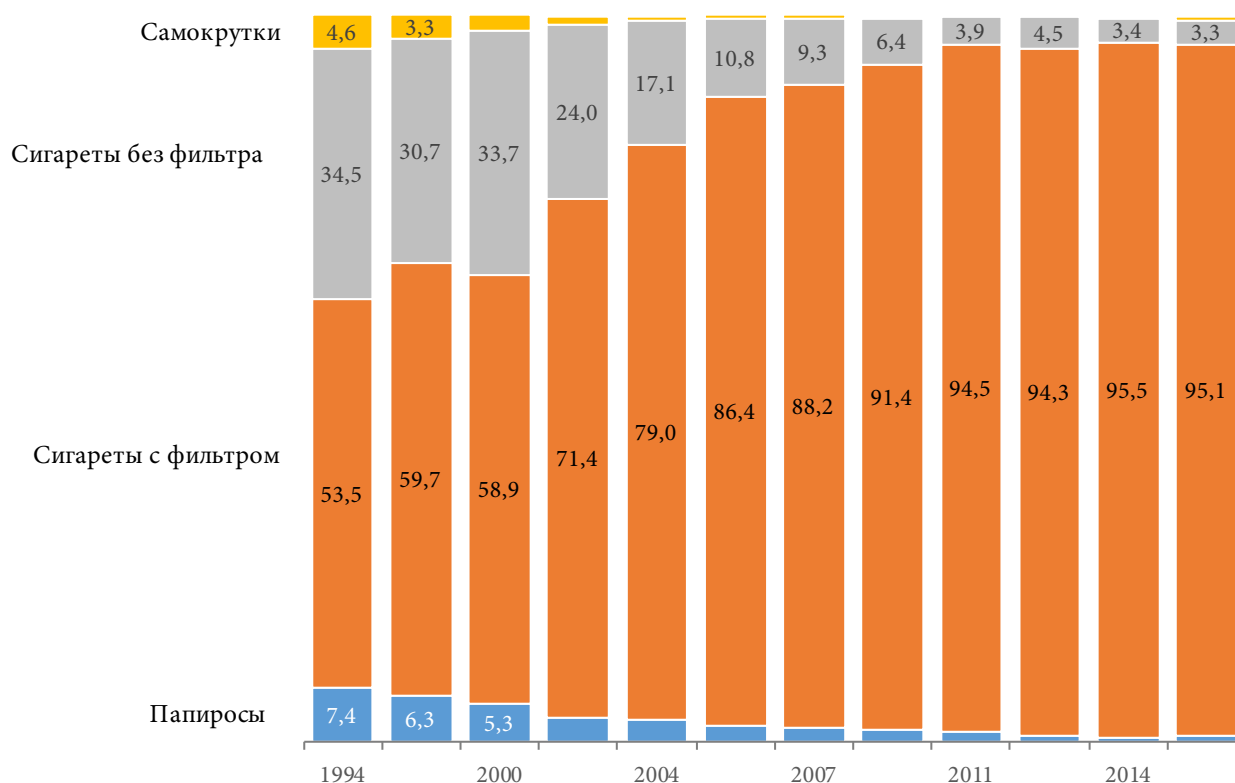

Рис. 14. Динамика потребления различных видов табачных изделий, 1994–2016 гг., %

Социальные и экономические факторы потребления табака

Для того, чтобы корректно оценить факторы потребления табака, т. е. получить несмещенные оценки параметров, был применен метод Хекмана. Это позволило избавиться от селективности выборки при оценке факторов объема курения. На первом этапе с помощью метода пробит была оценена модель участия, т. е. были выявлены факторы, влияющие на решение о курении. Из этой модели было получено обратное соотношение Миллс, которое на втором этапе использовалось в уравнении потребления как один из регрессоров, что позволило получить несмещенные оценки в уравнении потребления.

В оценке уравнения участия, т. е. курит человек или нет, использовались данные о 27 402 респондентах в промежутке между 2005 по 2016 г. Всего база для анализа данной модели состояла из 134 413 наблюдений. Для оценки факторов,

влияющих на решение о потреблении табака, была построена пробит-модель с предельными эффектами методом максимального правдоподобия. Предельные эффекты показывают эффект для интервальных независимых переменных при их бесконечно малом изменении и для дихотомических переменных при их дискретном изменении. Это позволяет сравнивать силу влияния на зависимую переменную, в нашем случае курит респондент или нет, разных предикторов.

Прежде всего, нужно описать качество получившейся модели. Модель сошлась за четыре итерации, а логарифм псевдо правдоподобия на финальной итерации был равен -62487.092. Псевдо R-квадрат МакФаддена, который отражает отношение логарифма правдоподобия модели с предикторами и нулевой модели только с константой, оказался равен 0,24. Что касается предсказательной силы, то модель правильно предсказывает курение в 77,5% случаев.

В таблице 1 представлены независимые переменные, которые в модели участия выступают детерминантами курения.

Таблица 1

Оценка модели участия (курит или нет), статическая модель, метод пробит, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2005–2016 гг.

	dF/dx	Класт. стд. ош.	z	P>z	x-bar	95% дов. интервал	
Мужской пол (=1)	0,408	0,006	64,19	0,000	0,416	0,396	0,420
Возраст/10	0,287	0,011	24,46	0,000	4,522	0,264	0,309
Возраст2/100	-0,035	0,001	-26,59	0,000	23,845	-0,037	-0,032
В браке	-0,010	0,007	-1,39	0,163	0,614	-0,024	0,004
Н детей от 0 до 5 лет	0,038	0,006	6,39	0,000	0,163	0,026	0,050
Колледж или ПТУ (база – средняя школа и ниже)	-0,031	0,006	-4,87	0,000	0,372	-0,044	-0,019
Высшее образование	-0,146	0,007	-19,23	0,000	0,222	-0,159	-0,134
Логарифм среднедушевого дохода домохозяйства	-0,023	0,003	-7,49	0,000	9,519	-0,028	-0,017
Русский	0,044	0,007	5,84	0,000	0,848	0,030	0,058
Была работа в прошлом году	0,030	0,006	5,19	0,000	0,596	0,019	0,042
Были хронические заболевания легких в прошлом году	0,099	0,012	9,05	0,000	0,058	0,076	0,122
Степень оптимистичности восприятия своего будущего в прошлом году	0,017	0,003	6,62	0,000	3,150	0,012	0,023
Степень удовлетворенности жизнью в прошлом году	-0,030	0,002	-15,72	0,000	3,165	-0,034	-0,027
Логарифм суммарного количества лет курения остальных членов домохозяйства	0,024	0,002	13,97	0,000	1,626	0,021	0,027

Продолжение таблицы 1

	dF/dx	Класт. стд. ош.	z	P>z	x-bar	95% дов. интервал	
Количество взрослых в домохозяйстве (кроме респондента и супруга)	-0,015	0,002	-7,36	0,000	1,429	-0,018	-0,011
Логарифм региональных цен на российские сигареты	0,006	0,010	0,55	0,581	3,597	-0,014	0,025
Логарифм региональных цен на импортные сигареты	-0,030	0,015	-2,04	0,042	4,319	-0,059	-0,001
Логарифм региональных доходов на душу населения	0,054	0,012	4,46	0,000	10,173	0,030	0,078
Проживание в региональном центре (база – Москва и СП)	-0,010	0,014	-0,7	0,483	0,291	-0,038	0,018
Проживание в малом городе	-0,028	0,015	-1,89	0,059	0,265	-0,056	0,001
Проживание в селе	-0,049	0,014	-3,35	0,001	0,344	-0,078	-0,021
Принят закон на курение в общественных местах (с 2012 г.)	0,000	0,005	0,02	0,982	0,383	-0,010	0,010
Доля курящих в регионе*100	0,007	0,001	14,11	0,000	30,852	0,006	0,008
Конастанта	Коэф.	Класт. стд. ош.	z	P>z		95% дов. интервал	
	-4,065	0,423	-9,62	0		-4,893	-3,237
R-квадрат МакФаддена	0,24						
Доля правильных предсказаний	77,5%						
Количество наблюдений (из них по одним и тем же респондентам)	134 413 (27 402)						

Начнем с описания эффекта социально-демографических переменных. Наибольший эффект среди дихотомических переменных на решение о курении оказывает пол. Принадлежность к мужскому полу сильнее всего увеличивает вероятность курения. Влияние возраста было оценено с помощью двух переменных: возраст, деленный на 10 и квадрат возраста, деленный на 100¹. Возраст в квадрате имеет отрицательный эффект на вероятность курения, т. е. можно сказать, что вероятность курить имеет обратную квадратичную зависимость от возраста (перевернутая парабола). Так как коэффициент при переменной «возраст» значим и положителен, экстремум достигается в положительной точке, т. е. в молодости, с взрослением, вероятность курить растет, затем достигает пика в средних возрастах, после чего снижается.

По имеющимся данным и согласно оценкам модели, у нас нет оснований утверждать, что индивиды, состоящие в браке, более склонны курить, чем те, кто в нем не состоит, так как эффект этой переменной оказался статистически незначим. Кроме того, степень урбанизации городов также не оказывает никакого

¹ Деление на 10 и на 100 предпринято для изменения размерности коэффициента

статистически значимого эффекта на решение о курении. То есть при имеющихся данных мы не можем утверждать, что проживание в малых городах или региональных центрах увеличивает вероятность курения, по сравнению с проживанием в Москве и Санкт-Петербурге (базовая категория). Однако проживание в селе уменьшает вероятность курить, но нужно понимать, что это «чистый» эффект, т. е. влияние переменной при статистическом контроле остальных предикторов, в том числе и логарифма душевого дохода, а также образования.

Интересно, что количество детей в возрасте от 0 до 5 лет оказывает значимое и положительное влияние на вероятность курения. При этом количество взрослых в домохозяйстве (за исключением респондента и его супруга или супруги, если таковой или таковая имеется) оказывает значимое и отрицательное влияние на решение о курении. Наличие среднего или начального профессионального образования уменьшает вероятность курить по сравнению с категорией «полное среднее образование и меньше» и этот эффект статистически значим. Отрицательный эффект от наличия высшего образования также статистически значим, кроме того, он заметно больше, чем от наличия среднего профессионального образования. То есть люди с высшим образованием менее склонны курить, чем люди без него. Это ожидаемый результат, который подтверждается как российскими, так и зарубежными данными. Ассоциирование себя с русскими увеличивает вероятность курения по сравнению с теми, кто ассоциирует себя с какой-либо другой национальностью и этот эффект статистически значим. Также значимое положительное влияние на решение о курении в настоящем оказывает наличие работы в предыдущем году, причем этот эффект сравним по своей силе с эффектом от наличия среднего профессионального образования, но заметно меньше, чем эффект от наличия высшего образования. Занятость была взята за предыдущий период из-за возможной эндогенности с курением в настоящем¹.

В качестве контрольной переменной было взято наличие хронических заболеваний легких в предыдущем году. Примечательно, что данная переменная оказывает статистически значимое положительное влияние на решение о курении, причем этот эффект является наибольшим среди дихотомических переменных после принадлежности к мужскому полу. Это может объясняться тем, что наличие хронических заболеваний во многом может быть вызвано курением в прошлом, т. е. накоплением так называемого капитала вредной привычки, который не учитывается в модели. А это в свою очередь может означать, что наличие заболеваний легких, таким образом, может опосредовать влияние предыдущего опыта потребления табака.

Также нужно описать влияние потребления табака окружением человека. В качестве переменной, отражающей потребление близкого окружения (семьи), был взят логарифм суммарного количества лет, в течение которых остальные члены домохозяйства курят. Влияние данной переменной, как и предполагалось, оказалось положительным и статистически значимым. Однако доверительные интервалы не позволяют утверждать, что в реальности влияние этой переменной

¹ Об эффектах дискриминации курильщиков на работе см., например, Ермаков С. А. Влияние курения на заработную плату: Дис. ... канд. экон. наук. Москва, 2012.

больше по модулю, чем, например, эффект среднедушевого дохода. Но, что очевидно, эффект потребления окружения меньше, чем эффект от логарифма цен на импортные сигареты.

Переменные, которые отражают установки респондентов в отношении своей жизни и своего будущего за прошлый период (для исключения эндогенности), проинтерпретированные, как «удовлетворенность жизнью» и «оптимизм в отношении будущего», являются значимыми предикторами курения в настоящем. Чем более оптимистично респондент воспринимал ближайшее будущее год назад, тем более вероятно, что он будет курить в настоящем. Однако предельный эффект оптимизма почти в два раза меньше по модулю, чем влияние удовлетворенности жизнью, эффект которой является противоположным по знаку, т. е. отрицательным. При увеличении степени удовлетворенности жизнью в прошлом уменьшается вероятность курить в настоящем. Это может объясняться тем, что более удовлетворенные жизнью люди в целом менее склонны начинать курить или более склонны бросать. Однако это лишь предположение, для проверки которого необходимо проследить связь между удовлетворенностью жизнью и инициацией или бросанием курения на протяжении длительного времени.

Влияние таких традиционно экономических переменных как доходы и цены на решение о курении оказалось отрицательным. Причем, что интересно, влияние логарифма среднедушевого дохода по своему предельному эффекту примерно равно влиянию логарифма цен на импортные сигареты, который также оказывает значимое и отрицательное влияние на решение о курении. То есть чем выше логарифм среднедушевого дохода в домохозяйстве, тем менее вероятно, что его член будет курить. Таким образом, эластичность решения о курении по цене равна эластичности по доходу.

Эффект роста логарифма цен на российские сигареты оказался незначим. Это косвенно может свидетельствовать о том, что потребители при решении о курении в первую очередь ориентируются на среднерыночные цены на импортные бренды, а при росте цен на них могут просто переключиться на российские, которые в среднем дешевле.

Что касается региональных (контекстуальных) переменных, то логарифм среднедушевых региональных доходов оказывает положительное и значимое влияние на вероятность курить. То есть в чем более благополучном регионе по уровню доходов индивид проживает, тем больше вероятность, что он будет курить. Кроме того, положительно и значимо влияет на вероятность курить доля курящих в регионе (первичной единице отбора) в выборке РМЭЗ-НИУ ВШЭ. То есть в чем более курящей среде индивид проживает, тем более вероятно, что и он сам будет курить.

Интересно, что закон, ограничивающий курение в общественных местах (в том числе в кафе, барах и ресторанах), вступивший в силу 1 июня 2013 года¹, не оказал статистически значимого влияния на решение о курении. При имеющихся данных нельзя утверждать, что в годы, после введения закона, вероятность курить для индивидов была меньше или, что было бы совсем неожиданно, больше, чем до него (при прочих равных условиях).

¹ Федеральный закон от 23.02.2013 № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» (ред. от 28.12.2016).

Оценив уравнение участия, было получено обратное соотношение Миллс, которое использовалось в уравнении потребления в качестве одной из независимых переменных. Уравнение потребления было оценено на подвыборке курящих, состоящей из 38 352 наблюдений, что соответствует 9 957 уникальным респондентам, которые были опрошены в разные волны РМЭЗ-НИУ ВШЭ за период с 2005 по 2016 г.

Качество линейной регрессионной модели, построенной методом наименьших квадратов можно оценить с помощью критерия R-квадрат, который отражает долю объясненной дисперсии зависимой переменной, в качестве которой в данном случае выступал логарифм количества выкуриваемых за день сигарет. При заданной спецификации модель объясняет 19% вариации зависимой переменной. Заметим, что переменная, отражающая обратное отношение Миллс, оказалась незначима в уравнении потребления, что может говорить о том, что при имеющемся качестве уравнения участия и его предсказательной силе, эффект селективности выборки не играет особой роли при оценке уравнения потребления. Тем не менее, было решено оставить данную переменную в уравнении для корректировки (пускай и небольшого) эффекта селективности. Полученные результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2

Коэффициенты модели объема потребления, статическая модель, метод наименьших квадратов, РМЭЗ-НИУ ВШЭ, 2005–2016 гг.

	Коэф.	Стд. Коэф.	Класс. стд. ош.	t	P> t	95% дов. интервал	
Мужской пол (=1)	0,393	0,321	0,082	4,78	0,000	0,232	0,554
Возраст/10	0,132	0,340	0,062	2,14	0,032	0,011	0,252
Возраст2/100	-0,019	-0,438	0,007	-2,57	0,010	-0,034	-0,005
В браке	0,010	0,008	0,011	0,85	0,395	-0,013	0,032
Н детей от 0 до 5 лет	0,015	0,013	0,011	1,29	0,197	-0,008	0,037
Колледж или ПТУ (база – средняя школа и ниже)	-0,017	-0,015	0,011	-1,55	0,121	-0,038	0,004
Высшее образование	-0,094	-0,061	0,036	-2,64	0,008	-0,164	-0,024
Логарифм среднедушевого дохода домохозяйства	0,010	0,016	0,006	1,71	0,087	-0,001	0,022
Русский	0,016	0,010	0,016	1,02	0,308	-0,015	0,048
Была работа в прошлом году	0,047	0,038	0,011	4,22	0,000	0,025	0,069
Были хронические заболевания легких в прошлом году	0,092	0,042	0,022	4,19	0,000	0,049	0,134
Степень оптимистичности восприятия своего будущего в прошлом году	-0,001	-0,001	0,006	-0,20	0,843	-0,012	0,010
Степень удовлетворенности жизнью в прошлом году	-0,014	-0,028	0,007	-2,11	0,035	-0,027	-0,001
Логарифм суммарного количества лет курения остальных членов домохозяйства	0,010	0,031	0,005	1,91	0,057	0,000	0,021

Продолжение таблицы 2

	Коэф.	Стд. Коэф.	Класт. стд. ош.	t	P> t	95% дов. интервал	
Количество взрослых в домохозяйстве (кроме респондента и супруга)	0,002	0,005	0,004	0,41	0,684	-0,007	0,010
Логарифм региональных цен на российские сигареты	0,089	0,073	0,018	5,04	0,000	0,054	0,123
Логарифм региональных цен на импортные сигареты	-0,084	-0,039	0,025	-3,35	0,001	-0,133	-0,035
Логарифм региональных доходов на душу населения	0,030	0,022	0,021	1,40	0,161	-0,012	0,071
Проживание в региональном центре (база – Москва и СП)	-0,011	-0,009	0,023	-0,47	0,638	-0,056	0,034
Проживание в малом городе	0,011	0,009	0,023	0,49	0,623	-0,034	0,056
Проживание в селе	0,042	0,037	0,025	1,72	0,086	-0,006	0,091
Принят закон на курение в общественных местах (с 2012 г.)	-0,055	-0,048	0,011	-5,21	0,000	-0,076	-0,034
Доля курящих в регионе*100	0,006	0,061	0,002	3,50	0,000	0,002	0,009
Доля жизни, в течение которой курит*100	0,008	0,275	0,000	20,51	0,000	0,007	0,009
Миллс	0,029	0,023	0,096	0,30	0,765	-0,160	0,217
Константа	1,205	–	0,379	3,18	0,001	0,462	1,949

Статистически значимое положительное влияние на объем выкуриваемого оказывает пол, т. е. мужчины в среднем курят больше на 39%, чем женщины, при контроле остальных переменных. Что касается возраста, то оценка показала наличие значимой квадратичной зависимости, как и в случае решения о курении. Это означает, что среди курильщиков количество выкуриваемых сигарет с возрастом сначала возрастает, а затем снижается. Снижение объема потребления с возрастом может оказаться результатом «предвидения» негативных последствий курения в более старшем возрасте. В этом случае человек, хотя и не бросает курить, но старается снизить количество выкуриваемого. Влияние брака, как и в случае с решением о курении, не оказывает статистически значимого влияния при заданном уровне доверительной вероятности. То же самое можно сказать и про количество детей в возрасте от 0 до 5 лет, но нужно отметить, что данная переменная оказывала значимое и положительное влияние на решение о курении. Незначимым оказалось влияние количества взрослых в домохозяйстве (за исключением самого респондента и его супруга или супруги, если таковой или таковая имеется), при том, что в уравнении участия этот предиктор был значим и снижал вероятность курить.

Наличие среднего или начального профессионального образования, также, как и в модели участия, не оказывает значимого влияния на объем потребления табака. Зато значимым оказывается эффект от высшего образования. Наличие высшего образования, при контроле остальных переменных, уменьшает потребление

табака на 9% в сравнении с теми, кто закончил только школу или не закончил ее вовсе. Ассоциирование себя с «русскими» не оказывает статистически значимого влияния на объем потребления сигарет. То есть нельзя утверждать, что те, кто ассоциирует себя с русскими курят больше, чем те, кто ассоциируют себя с другими национальностями. Наличие работы в прошлом году оказывает значимое положительное влияние на объем потребления табака в настоящем. Работавшие в предыдущем году индивиды в среднем выкуривают на 4% больше, чем безработные, при статистическом контроле остальных регрессоров. Тип населенного пункта, в котором проживает индивид, не оказывает значимого влияния на объем выкуриваемых сигарет. То есть при имеющихся данных нельзя утверждать, что в селе, малом городе или региональном центре в среднем курят больше, чем в Москве и Санкт-Петербурге, при контроле остальных переменных.

Одной из самых существенных детерминант курения, как и предполагалось, является накопленный капитал вредной привычки, который выражался через долю жизни, в течение которых респондент курил. При увеличении стажа курения на 1 п.п., количество выкуриваемых сигарет в настоящем увеличивается на 0,8 п.п. По своему стандартизованному эффекту на зависимую переменную, т. е. при изменении на одно стандартное отклонение, данная переменная оказывает очень сильное влияние, уступая только возрасту и полу.

Что касается влияния опыта потребления окружения, то при имеющихся данных нельзя утверждать, что оно оказывает влияние на количество выкуриваемых сигарет. Действительно, влияние логарифма суммарного стажа курения остальных членов домохозяйства оказалось незначимо на уровне доверительной вероятности равной 0,95.

Так же, как и в модели участия, значимой оказалась контрольная переменная, отражающая наличие хронических заболеваний легких в предыдущем году. Наличие такого типа заболеваний в прошлый период увеличивает количество выкуриваемых сигарет в настоящем на 9% по сравнению с теми, у кого таких заболеваний нет. Возможно, это связано с курением в прошлом, которое и привело к наличию такого типа заболеваний, и таким образом, эта переменная может косвенно опосредовать влияние потребления табака за прошлый период.

В отличие от модели участия, степень оптимистичности восприятия ближайшего будущего себя и своей семьи год назад не оказывает значимого влияния на количество выкуриваемого. Таким образом, оптимистичность положительно влияет на решение о курении, но никак не влияет на объем потребления табака. Что касается степени удовлетворенности жизнью в предыдущем году, то она отрицательно влияет на объем потребления табака. При увеличении степени удовлетворенности жизнью в прошлом году потребление сокращается на 1 п.п. То есть чем больше в прошлом индивид был удовлетворен жизнью, тем менее он склонен курить, а, если курит, то делает это в меньших масштабах.

Что касается контекстуальных переменных, то логарифм региональных среднедушевых доходов оказался незначимым предиктором объема курения. Однако логарифмы цен, как на импортные сигареты, так и на российские, оказывают статистически значимое и противоположное по знакам влияние на зависимую переменную. Если при увеличении цен на импортные сигареты на 1 п.п.

объем потребления табака снижается на 0,08 п.п., то при таком же увеличении цен на российские сигареты объем потребления увеличивается на 0,09 п.п. Можно предположить, что при общем росте цен на рынке сигарет, т. е. и на российские, и на зарубежные, потребители переключаются с импортных производителей на отечественных, которые в среднем оказываются дешевле.

Также значимое влияние оказывает доля курящих в регионе (первичной единице отбора в выборке РМЭЗ НИУ ВШЭ). При увеличении доли курящих в месте проживания на 1 п.п. объем потребления табака индивидом увеличивается на 0,6 п.п., при контроле остальных предикторов. Это дает основания утверждать, что чем в большей степени курение является нормой в локальном сообществе, где проживает индивид, тем более вероятно, что и он сам будет курить, и что будет делать это тем больше, чем более общепринято, т. е. распространено, курение в данном сообществе.

Кроме того, нужно отметить, что в отличие от решения о потреблении табака, закон об ограничении курения в общественных местах оказал воздействие на объем потребления. При имеющихся данных можно утверждать, что в годы после внедрения закона курящие стали выкуривать в среднем на 5% меньше, чем до введения этих ограничений. Таким образом, закон не повлиял на решения людей о курении в принципе, но сократил объемы потребления среди курящих.

Список литературы

Герасименко Н., Заридзе Д., Сахарова Г., Здоровье или табак. Цифры и факты. М: УП-Принт, 2007.

Ермаков С.А. Влияние курения на заработную плату: Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Москва, 2012.

Курить или не курить: мониторинг / ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115711> (дата обращения: 25.01.17).

Неравенство и смертность в России / Под ред. Школьников В., Андреевой Е., Малевой Т. М.: Сигналь, 2000.

Табачная эпидемия в России: причины, последствия, пути преодоления / Комиссия Общественной палаты Российской Федерации по социальной и демографической политике: [доклад]. С. 10. URL: <https://www.oprf.ru/files/tabakokurenje.doc> (дата обращения: 25.01.17).

Федеральный закон от 23.02.2013 N 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» (ред. от 28.12.2016).

Denisova I. Mortality in Russia: microanalysis. CEFIR / NES Working Paper series. 2009. № 128.

Eriksen M., Mackay J., Schluger N., Islami F., Drope J. The Tobacco Atlas / Eriksen M. (Ed.). 5th ed. Atlanta: the American Cancer Society, 2015. URL: http://3pk43x313ggr4cy0lh3tctjh.wpengine.netdna-cdn.com/wp-content/uploads/2015/03/TA5_2015_WEB.pdf (дата обращения: 25.01.17).

Ross H.Z., Shariff S. & Gilmore A. Economics of tobacco taxation in Russia. Paris: International Union Against Tuberculosis and Lung Disease, 2008. URL: http://global.tobaccofreekids.org/files/pdfs/en/Russia_tobacco_taxes_full_en.pdf (data obrashcheniya: 25.01.17).

The economics of tobacco and tobacco control. National Cancer Institute Tobacco Control Monograph 21. NIH Publication № 16-CA-8029A / U.S. National Cancer Institute and World Health Organization. Bethesda, MD: U.S. Department of Health and Human Services, National Institutes of Health, National Cancer Institute; and Geneva, CH: World Health Organization, 2016.

DOI: 10.17323/978-5-7598-1825-0_149-171

STRUCTURE AND DYNAMIC OF TOBACCO CONSUMPTION IN RUSSIA, 1994–2016

Bogdanov M. B., Lebedev D. V.

Abstract. The article analyzes the structure and dynamic of tobacco consumption in Russia in the period between 1994 and 2016. We rely on “Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics” (RLMS-HSE) to assess tobacco consumption and smoking habits in various socio-demographic groups. As data shows, tobacco consumption went down in all those groups, with the notable exception of women, who tended to smoke more in 2016, compared to the previous years of observations. The age of the first cigarette use also dropped among women. Although there was little change in how much tobacco people consumed on a daily basis since 1994, the general preferences shifted. The number of people smoking filter tip cigarettes grew almost twofold, surging from 54 percent in 1994 to 95 percent in 2016. To further explore socio-economic factors of tobacco consumption, we estimate a regression model with a Heckman-type correction to attend to the sample selection bias. We use a probit regression model to explore which factors impact the decision to start smoking and, then, a linear regression model to assess the influence of various factors on the level of tobacco consumption. As our analysis shows, men are still more likely to start smoking than women. The high household income per capita and the high price of non-Russian brands of cigarettes decrease the likelihood of smoking initiation. Co-residing smokers, on the contrary, increase it. Men smoke on average more than women. Adults smoke more than teenagers and young adults (aged 16–24), and the elderly. Higher education and a relatively high level of life-satisfaction are associated with the lower levels of tobacco consumption, while the years of smoking have the reverse effect.

Keywords: Russia Longitudinal Monitoring Survey of HSE, RLMS-HSE, tobacco consumption, smoking, health.

References

- Denisova I. Mortality in Russia: microanalysis. CEFIR / NES Working Paper series. 2009. № 128.
- Eriksen M., Mackay J., Schluger N., Islami F., Drope J. The Tobacco Atlas / Eriksen M. (Ed.). 5th ed. Atlanta: the American Cancer Society, 2015. URL: http://3pk43x313ggr4cy0lh3tctjh.wpengine.netdna-cdn.com/wp-content/uploads/2015/03/TA5_2015_WEB.pdf (data obrashcheniya: 25.01.17).
- Ermakov S.A. Vliyanie kurenija na zarabotnuyu platu: Dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata ekonomicheskikh nauk. Moskva, 2012.
- Federal’nyy zakon ot 23.02.2013 № 15-FZ «Ob okhrane zdorov’ya grazhdan ot vozdeystviya okruzhayushchego tabachnogo dyma i posledstviy potrebleniya tabaka» (red. ot 28.12.2016).
- Gerasimenko N., Zaridze D., Sakharova G., Zdorov’e ili tabak. Tsifry i fakty. M: UP-Print, 2007.
- Kurit’ ili ne kurit’: monitoring / VTsIOM. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115711> (data obrashcheniya: 25.01.17).

Neravenstvo i smertnost' v Rossii / Pod red. Shkol'nikova V., Andreevoy E., Malevoy T. M.: Signal, 2000.

Ross H.Z., Shariff S. & Gilmore A. Economics of tobacco taxation in Russia. Paris: International Union Against Tuberculosis and Lung Disease, 2008. URL: http://global.tobaccofreekids.org/files/pdfs/en/Russia_tobacco_taxes_full_en.pdf (data obrashcheniya: 25.01.17).

Tabachnaya epidemiya v Rossii: prichiny, posledstviya, puti preodoleniya / Komissiya Obshchestvennoy palaty Rossiyskoy Federatsii po sotsial'noy i demograficheskoy politike: [doklad]. URL: <https://www.oprf.ru/files/tabakokurenje.doc> (data obrashcheniya: 25.01.17).

The economics of tobacco and tobacco control. National Cancer Institute Tobacco Control Monograph 21. NIH Publication № 16-CA-8029A / U.S. National Cancer Institute and World Health Organization. Bethesda, MD: U.S. Department of Health and Human Services, National Institutes of Health, National Cancer Institute; and Geneva, CH: World Health Organization, 2016.

Кантер Д. С.

ВЛИЯНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ НЕСООТВЕТСТВИЙ НА ДОХОД И УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ РАБОТОЙ: АНАЛИЗ ДАННЫХ 18-й ВОЛНЫ РМЭЗ НИУ ВШЭ

DOI: 10.17323/978-5-7598-1825-0_172-188

Аннотация. В работе на репрезентативных данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS–HSE) за 2009 г. исследуется влияние образовательно-профессиональных несоответствий на уровень дохода и удовлетворенности работой среди россиян. Под образовательно-профессиональным несоответствием (ОПН) понимается несоответствие занимаемой профессиональной позиции и полученного образования. Основное внимание уделяется «горизонтальному» несоответствию, т. е. несоответствию специальности, полученной в процессе обучения, и специальности, по которой работает индивид. Для уточнения объяснительной модели используется показатель, отражающий несоответствие навыков работника и требований, предъявляемых к его/ее квалификации на рабочем месте (НПН). Это позволяет учесть не только формальное несоответствие образования и профессии, но и расхождение реального человеческого капитала и профессиональной позиции индивида. Результаты регрессионного анализа свидетельствуют о том, что ОПН и НПН оказывают негативное влияние на доход и удовлетворенность работой, а также увеличивают вероятность того, что индивид захочет найти новую работу. ОПН и НПН имеют универсальный эффект, который практически не зависит ни от пола, ни от принадлежности респондента к категории самозанятых/предпринимателей. Исключение составляют мужчины с невысоким уровнем несоответствия навыков и квалификационных требований на занимаемой рабочей позиции. Среди них уровень удовлетворенности работой значимо ниже, чем среди всех опрошенных. В целом к значимому снижению дохода ведет только крайняя степень несоответствия, т. е. когда респондент работает «совсем по другой» специальности (ОПН), или его/ее знания и опыт «совсем не используются» на рабочем месте (НПН). В то же время любая степень выраженности ОПН или НПН увеличивает вероятность того, что респондент будет искать новое место работы. Субъективное ощущение не востребованности навыков и опыта на рабочем месте в гораздо большей степени снижает удовлетворенность работой (НПН), чем объективное несоответствие полученного образования и сферы занятости (ОПН).

Ключевые слова: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, RLMS-HSE, образовательно-профессиональное несоответствие, несоответствие профессии и навыков, заработная плата, удовлетворенность работой, рынок труда.

Явление образовательно-профессионального несоответствия (ОПН), или ситуации, при которой занятость индивида не соответствует полученному им образованию является достаточно распространенным на современном рынке труда. По данным European Social Survey, от пятой части до двух третей европейцев являются пере- или недо-квалифицированными¹. По оценке В. Гимпельсона и его коллег, доля работников с ОПН в России несколько опережает сходные показатели ряда развитых стран, 28–43% против 22% в среднем².

Результаты многих исследований говорят о том, что работники с ОПН имеют меньший доход по сравнению с занятыми по специальности; именно поэтому феномен считается проблемой современной образовательной системы, затрудняющей рост благосостояния отдельных индивидов и общества в целом. При этом, оценки величины такого зарплатного «штрафа» различаются в зависимости от рассматриваемой страны, а тот факт, что серьезность «недоплаты» зависит от пола работника, подтверждается не во всех исследованиях³.

Несмотря на то что заработная плата или доход часто используется экономистами как интегральный показатель благополучия индивида или домохозяйства, оценка образовательно-профессионального несоответствия была бы неполной без анализа субъективных параметров, например, удовлетворенности работой. Результаты эмпирических исследований по этой проблеме противоречивы: одни исследования демонстрируют значимую «убыль» удовлетворенности работой у трудящихся с ОПН по сравнению с остальными, в то время как другие не обнаруживают таких различий или говорят о возможных позитивных последствиях несовпадения квалификации индивида с его занятостью⁴.

Образовательно-профессиональное несоответствие распространено в России не менее, чем в Европе. По данным обследования населения по проблемам занятости, всего около половины россиян работают по специальности, указанной в дипломе, или смежной с ней⁵. При этом в отечественной науке ощущается явный дефицит исследований ОПН. В работах В. Гимпельсона и др. изучаются факторы ОПН и влияние ОПН на доходы российских работников⁶. В работах Д. Стребкова и А. Шевчука анализируется взаимосвязь ОПН с доходом, удовлетворенностью и трудовой мобильностью среди русскоговорящих фрилансе-

¹ Marsikova K., Urbánek V. (2015). A comparison of educational mismatches across Europe. *E+ M Economie a Management*, 4.

² Гимпельсон В., Капелюшников Р., Лукьянова А. Уровень образования российских работников: оптимальный, избыточный, недостаточный? // *Российский работник: образование, профессия, квалификация*. М.: ГУ ВШЭ, 2011.

³ Quintini, G. (2011). Right for the Job: Over-Qualified or Under-Skilled? *OECD Social, Employment and Migration Working Papers*, 120.

⁴ Quintini, G. (2011). Over-Qualified or Under-Skilled: A Review of Existing Literature. *OECD Social, Employment and Migration Working Papers*, 121.

⁵ Краткие итоги обследования населения по проблемам занятости в августе 2008 года / Росстат URL: http://www.gks.ru/wages/2008/avg_08.htm (дата обращения: 30.03.2018).

⁶ Гимпельсон, В. Е., Капелюшников, Р. И., Карабчук Т. С. и др. Выбор профессии: чему учились и где пригодились? // *Экономический журнал Высшей школы экономики*. 2009. Т. 13. №. 2; Гимпельсон В., Капелюшников Р., Лукьянова А. Уровень образования российских работников.

ров¹. Таким образом, дальнейшее исследование феномена ОПН на репрезентативной всероссийской выборке способно внести вклад в понимание особенностей российского рынка труда и сформулировать вопросы для дальнейшего изучения. В данной работе мы используем данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, чтобы понять, как связаны ОПН с доходом работника, удовлетворенностью работой и желанием сменить место работы.

Исследования ОПН

Образовательно-профессиональное несоответствие (ОПН) как научный концепт тесно связан с понятием несоответствия профессии и навыков (НПН), которыми обладает работник. Несоответствие навыков и профессии – ситуация, при которой навыки и умения работника не соответствуют требованиям, необходимым для его рабочей позиции². Наблюдают переизбыток навыков и их недостаток.

Это явление достаточно сложно операционализировать и измерить. Исследования, которые обращаются к прямой оценке навыков индивидов с помощью тестов на работу с вербальной и числовой информацией, не охватывают весь спектр умений работников³, а работы, опирающиеся на самооценку несоответствия навыков, сталкиваются с трудностями формулирования необходимых анкетных вопросов.

Трудности в операционализации феномена стали причиной того, что исследователи часто обращаются к понятию образовательно-профессионального несоответствия как к прокси несоответствия навыков. Образовательно-профессиональное несоответствие – это ситуация, при которой уровень образования работника не соответствуют требованиям занимаемого им рабочего места. Аналогично с НПН, выделяют «пере-образованность» / «сверх-образованность» и «недо-образованность». Помимо этого, говорят о «горизонтальном» несоответствии, при котором индивид занят не в той сфере, в которой получал образование.

То, насколько хорошим индикатором несоответствия навыков и профессии является ОПН, остается предметом дискуссии. В одном из исследований было показано, что ОПН и НПН коррелируют лишь на уровне 0,2, что позволяет говорить о том, что эти два показателя отражают разные явления⁴. В реальности навыки индивидов со сходным образованием могут существенно различаться; поэтому там, где формально не наблюдается ситуация НПН, может присутствовать ОПН и наоборот.

В качестве предпосылок феномена называют различия в уровне способностей, сфере образования, опыте на местном рынке труда, а также гендер и наличие маленьких детей⁵. Анализируя детерминанты ОПН на российской базе данных

¹ Стребков Д. О., Шевчук А. В. Влияние человеческого капитала на доходы и удовлетворенность самозанятых профессионалов (фрилансеров). // XV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. В 4 книгах. / Отв. ред. Е. Ясин. Т. 4. М: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2015; Shevchuk A., Strebkov D., & Davis S. N. (2015). Educational mismatch, gender, and satisfaction in self-employment: The case of Russian-language internet freelancers. *Research in Social Stratification and Mobility*, 40.

² Quintini G. (2011). Right for the Job: Over-Qualified or Under-Skilled?

³ Ibid.

⁴ Green F., McIntosh S. (2007). Is there a genuine under-utilization of skills amongst the over-qualified? *Applied Economics*, 39(4).

⁵ Quintini G. Right for the Job: Over-Qualified or Under-Skilled?

РМЭЗ НИУ ВШЭ, В. Гимпельсон и др. показывают, что в ситуации «пере-образованности» чаще других оказываются женщины, городские жители, индивиды, не состоящие в браке и работники с детьми¹.

Достаточно широкий круг исследований описывает негативное влияние ОПН на заработную плату². В. Гимпельсон оценивает российский «штраф» за «пере-образованность» в 15–20% от заработной платы, причем результат варьируется в зависимости от способа расчета ОПН и (менее выражено) от возрастной когорты³. Также было показано, что женщины с ОПН могут зарабатывать меньше мужчин⁴, а самозанятые – меньше наемных работников⁵. Трудящиеся, у которых уровень образования превышает требуемый на работе, чаще других увольняются или сталкиваются с более длительными периодами безработицы⁶.

Исследование влияния ОПН на удовлетворенность работой приводит к противоречивым результатам. Некоторые данные показывают, что у «пере-квалифицированных» индивидов снижается удовлетворенность работой как в сравнении с теми, кто обладает сходной квалификацией и не имеет ОПН, так и с теми, кто не имеет ОПН на аналогичных должностях. С другой стороны, «пере-образованные» индивиды, выбравшие менее оплачиваемую работу, требующую лишь частичного использования имеющихся навыков, могут воспринимать некоторые ее аспекты как позитивные: например, более оптимальный баланс между работой и жизнью или возможность посвятить себя хобби или волонтерству⁷.

При рассмотрении ОПН в отдельную категорию можно выделить самозанятых работников и предпринимателей, так как они не подвергаются процессу отбора со стороны работодателей, а сами создают рабочие места себе и/или другим⁸. Есть данные о том, что такие индивиды (в особенности женщины) чаще оказываются в ситуации ОПН. При этом самозанятые продемонстрировали меньшее снижение удовлетворенности работой при ОПН, чем наемные работники несмотря на то, что их доходные «штрафы» оказались выше. Это может быть связано с большей свободой и гибкостью рабочих часов, которую получают самозанятые⁹.

В исследовании на данных о русскоязычных фрилансерах было показано что и женщины, и мужчины сталкиваются с зарплатным «штрафом» в случае горизонтального ОПН. Тем не менее, только женщины продемонстрировали сниженную удовлетворенность работой. Наименее удовлетворенными работой из всех оказались женщины с маленькими детьми. Авторы предполагают, что это связано с «двойной» трудовой нагрузкой, возникающей в подобных ситуациях¹⁰.

¹ Гимпельсон В., Капелюшников Р., Лукьянова А. Уровень образования российских работников.

² Quintini, G. Over-Qualified or Under-Skilled: A Review of Existing Literature.

³ Гимпельсон В., Капелюшников Р., Лукьянова А. Уровень образования российских работников.

⁴ Groot W., Van Den Brink H. M. (2000). Overeducation in the labor market: a meta-analysis. *Economics of education review*, 19(2).

⁵ Bender K. A., Roche K. (2013). Educational mismatch and self-employment. *Economics of Education Review*, 34.

⁶ Quintini G. Over-Qualified or Under-Skilled: A Review of Existing Literature.

⁷ Ibid.

⁸ Аистов А. В. Образование – сигнал или инвестиции в человеческий капитал в России? // Научные доклады лаборатории количественного анализа и моделирования экономики. Нижний Новгород, 2007.

⁹ Bender K. A., Roche K. (2013). Educational mismatch and self-employment.

¹⁰ Shevchuk A., Strebkov D., Davis S. N. (2015). Educational mismatch, gender, and satisfaction in self-employment.

Феномен ОПН имеет негативные последствия и на макроуровне, поскольку тесно связан со сниженной отдачей от инвестиций в человеческий капитал. Так, расчеты, выполненные на австралийских данных, показали, что в 2005 г. неиспользованные навыки работников обошлись стране в 2,6% ВВП¹.

Подытоживая результаты предыдущих исследований можно сказать, что образовательно-профессиональное несоответствие (ОПН) и несоответствие профессии и навыков (НПН), зачастую использующиеся как прокси друг друга, не всегда обозначают один и тот же феномен. В данной работе оба этих параметра будут выступать в качестве независимых переменных для создания более полной статистической модели. Наиболее вероятными последствиями ОПН являются сниженная заработная плата, меньшая удовлетворенность работой и большая вероятность смены работы. Эти показатели будут использованы нами в качестве зависимых переменных. На взаимосвязь удовлетворенности работой и наличия ОПН может влиять категория, к которой принадлежит индивид. Так, в особом положении могут находиться женщины и самозанятые / предприниматели. В данной работе пол и наличие статуса самозанятого / предпринимателя будут использованы в качестве модераторов.

Данные и методология исследования

В качестве эмпирического материала в исследовании будут использованы данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (РМЭЗ-НИУ ВШЭ). Мы будем использовать 18-ю волну РМЭЗ за 2009 г., поскольку в опросник этой волны вошли вопросы, позволяющие измерить ОПН, а также такой вспомогательный и уточняющий параметр, как несоответствие навыков и профессии (НПН). Важно учесть, что в выборку были включены только те индивиды, занятые на одной работе (с целью исключить ненаблюдаемые эффекты второй работы на удовлетворенность, а также из-за специфики организации опросника) и имеют уровень образования не ниже среднего (чтобы корректно измерить ОПН). В целях достижения репрезентативности, данные также были взвешены в соответствии с постстратификационными коэффициентами. Всего для анализа были использованы данные о 3611 респондентах. Соотношение мужчин и женщин в полученной выборке составило 49,1% и 51,9% соответственно. Средний возраст респондентов равен 40 лет.

В ходе анализа мы проверяем следующие гипотезы:

1. Работники с ОПН или НПН зарабатывают меньше, чем индивиды без ОПН/НПН, причем размер «штрафа» за несоответствие выше для тех, кто обладает сильным ОПН/НПН.
2. Самозанятые и предприниматели с ОПН сталкиваются с более серьезным «штрафом» при оплате труда, чем наемные работники.
3. Женщины с ОПН сталкиваются с более существенным снижением ставки заработной платы по сравнению с мужчинами с ОПН.

¹ Mavromaras K., McGuinness S., & Wooden M. (2007). Overskilling in the Australian labour market. *Australian Economic Review*, 40(3).

4. Индивиды с ОПН удовлетворены работой меньше, чем остальные респонденты. При этом работники, которые обладают только НПН, менее удовлетворены работой, чем те, кто имеет только ОПН.
5. Самозанятые работники и предприниматели меньше других работников с ОПН «теряют» в удовлетворенности работой.
6. Для женщин ОПН связано с более низким уровнем удовлетворенности работой.
7. Индивиды с ОПН больше склонны к поиску новой работы.
8. Самозанятые / предприниматели с ОПН реже других работников с ОПН хотят найти другую работу.

Рассматривая способы расчета ОПН, использовавшиеся в предыдущих исследованиях, мы решили остановиться на самооценке респондента, или «субъективном» методе. Также описанные в литературе «объективный» и «статистический» методы имеют ряд недостатков в условиях российских реалий. При «объективном» способе уровень образования индивида сравнивается с тем, которое требуется для его профессии согласно специальному классификатору (например, ОКЗ¹). «Статистический» способ измерения ОПН предполагает рассмотрение распределения уровней образования для каждой из профессий, и отнесения к категории ОПН индивидов, чье образование отклоняется от медианы, моды или среднего. Оба эти способа корректно отражают действительность в ситуации относительной стабильности рынка труда. В случае же частых изменений и высокой динамичности, свойственных трудовой сфере в России, они могут исказить реальное положение дел.

В качестве ключевого показателя ОПН было выбрано «горизонтальное» несоответствие, или несоответствие специальности работы, на которой занят индивид, специальности, которую этот индивид приобрел в ходе получения образования. Попытки оценить масштабы и последствия «вертикального» ОПН предпринимались в работах В. Гимпельсона и его коллег². В этих исследованиях «слепым пятном» оставались работники, которые занимали «подходящие» по уровню формального образования позиции, но, тем не менее, трудились не по специальности. Эту категорию индивидов мы стремимся включить в анализ, используя «горизонтальную» шкалу ОПН. В исследовании был использован вопрос NJ72.26: «На своей основной работе вы сейчас заняты по той специальности, которую получили в ...? [Высший для респондента уровень образования]». На основании вариантов ответов («Точно по той специальности», «Не по той, но по близкой специальности», «Совсем по другой») были выделены респонденты без ОПН, со слабым и сильным ОПН соответственно.

Помимо основных трех способов расчета ОПН, используются и альтернативные методики, комбинирующие отдельные показатели для уточнения модели. Это позволяет учитывать не только формальные расхождения между образова-

¹ Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И., Карабчук Т. С. и др. Выбор профессии: чему учились и где пригодились?

² Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И., Карабчук Т. С. и др. Выбор профессии: чему учились и где пригодились; Гимпельсон В., Капелюшников Р., Лукьянова А. Уровень образования российских работников.

нием и профессией, но и реальное несоответствие профессии и навыков (НПН). Аналогично одной из работ¹, для этих целей мы задействуем показатель «недо-использованности навыков». Для этого в модель была включена переменная NJ4.3: «В какой мере на вашей основной работе используются ваши знания и опыт?». Четыре варианта ответа («Полностью», «В значительной мере», «В незначительной мере», «Совсем не используются») легли в основу разделения респондентов на тех, у кого ОПН отсутствует, индивидов со слабым, средним и сильным ОПН соответственно.

В используемых регрессионных моделях зависимыми переменными являются логарифм почасовой ставки заработной платы, удовлетворенность работой (шкала от 1 «совсем не удовлетворены» до 5 «полностью удовлетворены»), желание найти другую работу (фиктивная переменная на основе вариантов ответа «да» и «нет»).

Перечень контрольных переменных был определен на основе того, что влияло на рассматриваемые нами взаимосвязи в предыдущих исследованиях. В список вошли социально-демографические характеристики (пол, возраст, количество детей моложе 18 лет), характеристики образования (количество лет образования, наличие высшего образования), характеристики занятости (наличие/отсутствие статуса самозанятого/предпринимателя, отрасль занятости, группа первого уровня ISCO-08).

Распространенность ОПН в России и зарплатный «штраф»

В ситуации сильного или слабого образовательно-профессионального несоответствия суммарно находится более половины выборки, или 63,9%. Так, более 1500 человек заняты «совсем по другой» специальности, и примерно наполовину меньше респондентов работают «не по той, но по близкой специальности» (см. табл. 1).

Таблица 1

Распространенность образовательно-профессионального несоответствия (ОПН), в % по строке

	Нет ОПН		Слабое ОПН		Сильное ОПН	
	N	%	N	%	N	%
Мужчины	588	33,7	358	20,5	800	45,8
Женщины	656	36,3	363	20,1	787	43,6
Самозанятые/предприниматели	36	25,9	27	19,4	76	54,7
Наемные работники	1208	35,4	694	20,3	1511	44,3
Образование: высшее и выше	471	40,9	294	25,5	386	33,5
Без высшего образования	773	32,2	428	17,8	1201	50,0

¹ Green F., Zhu Y. (2010). Overqualification, job dissatisfaction, and increasing dispersion in the returns to graduate education. Oxford Economic Papers, 62(4).

Несоответствие профессии и навыков встречается среди трудящихся несколько реже. С той или иной выраженностью «недо-использованности» навыков на работе сталкиваются около 41% респондентов. Аналогично с распределением по степени выраженности ОПН, здесь наблюдается некоторый «крен» в сторону наиболее яркого несоответствия. Индивиды с сильным НПН составляют больше половины всех индивидов, сообщивших о расхождении собственных знаний и опыта с требуемыми на рабочем месте (см. табл. 2).

Таблица 2

Распространенность несоответствия профессии и навыков (НПН), в % по строке

	Нет НПН		Слабое НПН		Среднее НПН		Сильное НПН	
	N	%	N	%	N	%	N	%
Мужчины	1038	59,1	407	23,2	182	10,4	127	7,2
Женщины	1048	57,5	414	22,7	180	9,9	181	9,9
Самозанятые /предприниматели	104	74,3	22	15,7	3	2,1	11	7,9
Наемные работники	1982	57,6	800	23,3	360	10,5	296	8,6
Образование: высшее и выше	670	58,1	319	27,6	101	8,8	64	5,5
Без высшего образования	1416	58,4	504	20,8	261	10,8	243	10,0

Чтобы оценить влияние образовательно-профессионального несоответствия, а также несоответствия профессии и навыков, на ставку заработной платы, нами были использованы линейные регрессионные модели (см. табл. 3). В качестве зависимой переменной выступал логарифм почасовой ставки заработной платы.

Первая регрессионная модель тестировала связь между различными уровнями ОПН и НПН и почасовой ставкой заработной платы. Для этого в анализ были включены две фиктивные переменные, кодирующие выраженность ОПН (базовая категория – отсутствие ОПН) и три фиктивные переменные для НПН (базовая категория – отсутствие НПН).

Вторая регрессионная модель позволила оценить эффект взаимодействия пола и самозанятости/предпринимательства. Нашей целью было понять, меняется ли сила или направление связи между ОПН и заработной платой при учете этих переменных-модераторов. Для этого к набору зависимых и контрольных переменных, использованных в изначальной модели, были добавлены переменные взаимодействия вида «Слабое ОПН * Пол», «Слабое ОПН * Самозанятость/предпринимательство» для обоих дамми-переменных, кодирующих уровень выраженности ОПН.

Третья регрессионная модель тестировала аналогичную взаимосвязь для НПН, соответственно, список предикторов вошел изначальный набор переменных, а также переменные взаимодействия с НПН.

Четвертая и пятая регрессионные модели были призваны оценить тройной эффект взаимодействия ОПН/НПН, пола и самозанятости. Для этого во вторую и третью модели были включены переменные вида «Слабое ОПН * Пол * Самозанятость» или «Слабое НПН * Пол * Самозанятость».

Таблица 3

**Результаты оценки регрессии влияния ОПН и НПН
на величину логарифма ставки заработной платы, стандартизованные коэффициенты**

	Модель 1 (базовая)	Модель 2 (с взаимодействиями для ОПН)	Модель 3 (с взаимодействиями для НПН)	Модель 4 (с тройными взаимодействиями для ОПН)	Модель 5 (с тройными взаимодействиями для НПН)
Мужской пол (женский = 0)	0,139***	0,162**	0,162***	0,175***	0,176***
Самозанятый/предприниматель (наемный = 0)	0,141	0,044	0,103	0,364	0,355*
ОПН (отсутствие ОПН = 0)					
Сильное ОПН	-0,108**	-0,097*	-0,108**	-0,097*	-0,107**
Слабое ОПН	-0,060	-0,039	-0,061	-0,033	-0,061
НПН (отсутствие НПН = 0)					
Сильное НПН	-0,205***	-0,205***	-0,129*	-0,205***	-0,129*
Среднее НПН	0,048	0,048	0,085	0,047	0,086
Слабое НПН	0,042	0,042	0,024	0,039	0,031
Двухуровневые взаимодействия					
Сильное ОПН * Пол (женский = 0)		0,027		-0,027	
Слабое ОПН * Пол (женский = 0)		-0,049		-0,062	
Сильное ОПН * самозанятый/ предприниматель (нет = 0)		0,126		0,057	
Слабое ОПН * самозанятый/предприниматель (нет = 0)		0,139		-0,199	
Сильное НПН * Пол (женский = 0)			-0,167		-0,167
Среднее НПН * Пол (женский = 0)			-0,074		-0,079
Слабое НПН * Пол (женский = 0)			0,021		0,07
Сильное НПН * Самозанятый / предприниматель (нет = 0)			0,280		-0,049
Среднее НПН * Самозанятый / предприниматель (нет = 0)			-0,017		0,749
Слабое НПН * Самозанятый / предприниматель (нет = 0)			-0,870		-0,010
Трехуровневые взаимодействия					
Сильное ОПН * Мужской пол * Самозанятый/ предприниматель (нет = 0)				0,170	
Слабое ОПН * Мужской пол * Самозанятый/ предприниматель (нет = 0)				0,581	
Сильное НПН * Мужской пол * Самозанятый/ предприниматель (нет = 0)					0,475
Среднее НПН Мужской пол * Самозанятый/ предприниматель (нет = 0)					-1,141
Слабое НПН * Мужской пол * Самозанятый/ предприниматель (нет = 0)					-0,090
Мужской пол * Самозанятый/ предприниматель (нет = 0)				-0,548	-0,365
Коэффициент детерминации (R ²)	20,3	20,3	20,5	20,5	20,6

***p<0,001; **p<0,010; *p<0,050.

Регрессионные коэффициенты были рассчитаны с помощью метода наименьших квадратов (МНК). Коэффициенты детерминации полученных моделей варьируются от 20,3% до 20,6%, что позволяет говорить об их оптимальном качестве.

Мы видим, что для первой модели, не включавшей переменные взаимодействия, значимыми оказались коэффициенты при переменных «Сильное ОПН» и «Сильное НПН». На уровне значимости 99% индивиды с существенным несоответствием образования и профессии, а также те, чьи навыки совсем не используются на рабочем месте, сталкиваются, при прочих равных, с зарплатным «штрафом». Этот результат согласуется с предыдущими исследованиями, указывающими на то, что ОПН и НПН приводят к более низкой заработной плате.

Интересно, что оба параметра оказались значимы в одной модели. Обратной ситуации можно было ожидать, предполагая, что ОПН выступает адекватным прокси для несоответствия навыков и профессии. Сильное ОПН и сильное НПН также не продемонстрировали взаимосвязи в тесте на мультиколлинеарность. То есть мы можем говорить о том, что сильное образовательно-профессиональное несоответствие и сильное несоответствие навыков и профессии – это два разных явления, и наличие ОПН не является необходимым или достаточным условием для наличия у работника НПН. Расчет коэффициента ранговой корреляции Спирмена продемонстрировал, что рассматриваемые переменные связаны на уровне значимости 99% с сопоставимо невысоким показателем корреляции = 0,297.

Интересно, что значимый зарплатный «штраф» наблюдается только у индивидов с сильным НПН или сильным ОПН. Иными словами, в России работа «не по той, но по близкой» специальности, а также маленький и средний «избыток» знаний и опыта не приводят к сниженной оплате труда.

Модели 2–5 с добавлением переменных, кодирующих эффект взаимодействия между ОПН/НПН и полом и самозанятостью, продемонстрировали отсутствие значимости для переменных взаимодействия. Таким образом, на уровне доверительной вероятности 95% негативная отдача от сильного ОПН и НПН универсальна и не изменяется в зависимости от того, к какому полу принадлежит индивид, является ли он наемным работником или предпринимателем/самозанятым. Это идет вразрез с работами, где на американских данных был прослежен дополнительный зарплатный «штраф» для самозанятых с ОПН и использовался аналогичный критерий ОПН¹. Вероятно, разница результатов связана с тем, что в указанных работах в выборке преобладали самозанятые, занимающиеся интеллектуальным трудом.

ОПН и удовлетворенность работой

Цель следующего этапа анализа заключалась в том, чтобы оценить влияние ОПН на общую удовлетворенность работой. Для этого были построены порядковые регрессионные модели с набором независимых переменных, аналогичным использованному в предыдущем блоке, а также дополнительным контролем на ставку заработной платы (см. табл. 4).

¹ Bender K. A., Roche K. (2013). Educational mismatch and self-employment.

Таблица 4

**Результаты оценки регрессии влияния ОПН и НПН на удовлетворенность работой
(регрессионные коэффициенты, функция связи: логит)**

	Модель 1 (базовая)	Модель 2 (с взаимодействиями для ОПН)	Модель 3 (с взаимодействиями для НПН)	Модель 4 (с тройными взаимодействиями для ОПН)	Модель 5 (с тройными взаимодействиями для НПН)
Мужской пол (женский = 0)	0,144	0,124	0,219*	0,121	0,214
Самозанятый / предприниматель (наемный = 0)	0,26	0,683	0,12	0,516	0,03
ОПН (отсутствие ОПН = 0)					
Сильное ОПН	-0,228*	-0,243	-0,232*	-0,258*	-0,23*
Слабое ОПН	-0,081	-0,049	-0,077	-0,035	-0,077
НПН (отсутствие НПН = 0)					
Сильное НПН	-1,214***	-1,211***	-1,302***	-1,21***	-1,288***
Среднее НПН	-0,711***	-0,715***	-0,727***	-0,715***	-0,733***
Слабое НПН	-0,361***	-0,359***	-0,175	-0,356***	-0,187
Двухуровневые взаимодействия					
Сильное ОПН * Пол (женский = 0)		0,064		0,09	
Слабое ОПН * Пол (женский = 0)		-0,043		-0,075	
Сильное ОПН * самозанятый/ предприниматель (нет = 0)		-0,625		-0,068	
Слабое ОПН * самозанятый/предприниматель (нет = 0)		-0,458		-1,08	
Сильное НПН * Пол (женский = 0)			0,148		0,11
Среднее НПН * Пол (женский = 0)			0,03		0,04
Слабое НПН * Пол (женский = 0)			-0,384*		-0,361*
Сильное НПН * Самозанятый/ предприниматель (нет = 0)			1,009		-0,074
Среднее НПН * Самозанятый/ предприниматель (нет = 0)			-0,597		0,154
Слабое НПН * Самозанятый/ предприниматель (нет = 0)			0,27		0,693
Трехуровневые взаимодействия					
Сильное ОПН * Мужской пол * Самозанятый/ предприниматель (нет = 0)				-0,869	
Слабое ОПН * Мужской пол * Самозанятый/ предприниматель (нет = 0)				1,194	
Сильное НПН * Мужской пол * Самозанятый/ предприниматель (нет = 0)					1,591
Среднее НПН Мужской пол * Самозанятый/ предприниматель (нет = 0)					-1,032
Слабое НПН * Мужской пол * Самозанятый/ предприниматель (нет = 0)					-1,167
Мужской пол * Самозанятый/ предприниматель (нет = 0)				0,281	0,128
R ² Нэйджелкерка	13,1	13,1	13,4	13,2	13,4

***p<0,001; **p<0,010; *p<0,050.

В первой регрессионной модели можно наблюдать значимость всех трех видов НПН (слабого, среднего и сильного) с отрицательным коэффициентом. Иными словами, несоответствие навыков и профессии значимо отрицательно влияет на удовлетворенность работой (на уровне статистической значимости 99,9%). Обращаясь к несоответствию образования и профессии, мы видим, что на удовлетворенность работой влияет только сильное ОПН. То есть даже малейший избыток навыков индивида по сравнению с требованиями, которые предъявляются к нему на работе, приводит к снижению удовлетворенности, при этом влияние даже существенного несоответствия образования и профессии на удовлетворенность не так велико, как влияние среднего или сильного ОПН.

Возможно, такое различие обусловлено характером зависимой переменной, использовавшейся в порядковой модели. Если уровень заработной платы — это результат соотнесения «спроса» работодателя и «предложения» работника, то оценить собственную удовлетворенность работой индивид может без оглядки на мнение нанимателя. Более «субъективная», чем ставка заработной платы, степень удовлетворенности работой лучше предсказывается «субъективным» соотнесением собственных знаний и навыков респондента с требуемыми, а не «формальным» соотнесением сферы образования и сферы занятости.

Как и в случае с зарплатным «штрафом», мы наблюдаем сосуществование ОПН и НПН в одной модели, позволяющее говорить о том, что это различающиеся явления, каждое из которых способно по отдельности влиять на зависимую переменную.

Следует оговориться, что вторая, четвертая и пятая модели в блоке не прошли тест на параллельность линий ($p < 0.05$). Несмотря на то, что этот тест может демонстрировать значимость на больших выборках, а также при использовании интервальных переменных в качестве зависимых¹, интерпретировать их результаты нужно с осторожностью. По этой причине было решено использовать для интерпретации третью модель.

Модель 3, тестирующая переменные взаимодействия с НПН как зависимые, демонстрирует значимость переменной «Слабое НПН * Пол». Таким образом, респонденты-мужчины со слабым НПН оказываются менее удовлетворены работой, чем респонденты-женщины. Этот результат можно противопоставить выводам, полученным в работе А. Шевчука и др. об обратном эффекте пола на ОПН².

ОПН и желание найти другую работу

Далее был использован метод бинарной логистической регрессии с зависимой переменной «Желание найти другую работу» (см. табл. 5). Эта переменная используется, во-первых, как уточняющий показатель удовлетворенности работой, и, во-вторых, позволяет косвенно оценить вероятность, с которой индивид может покинуть текущее рабочее место, и рассмотреть влияние ОПН на «текучку кадров». В перечень контрольных переменных была дополнительно включена удовлетворенность работой, а также логарифм почасовой ставки заработной платы. Среднее количество предсказанных значений для приведенных моделей — 81,9.

¹ O'Connell A. A. (2006). Logistic regression models for ordinal response variables. Sage. P. 110.

² Shevchuk A., Strebkov D., & Davis S. N. (2015). Educational mismatch, gender, and satisfaction in self-employment.

Таблица 5

Результаты оценки регрессии влияния ОПН и НПН на желание найти другую работу (В)

	Модель 1 (базовая)	Модель 2 (с взаимодействиями для ОПН)	Модель 3 (с взаимодействиями для НПН)	Модель 4 (с тройными взаимодействиями для ОПН)	Модель 5 (с тройными взаимодействиями для НПН)
Мужской пол (женский = 0)	-0,006	0,080	-0,111	0,086	-0,140
Самозанятый/предприниматель (наемный = 0)	0,192	0,586	0,063	0,662	-0,767
ОПН (отсутствие ОПН = 0)					
Сильное ОПН	0,419**	0,491**	0,426**	0,486**	0,426**
Слабое ОПН	0,311*	0,364	0,314*	0,373	0,312*
НПН (отсутствие НПН = 0)					
Сильное НПН	0,713**	0,713**	0,715**	0,709**	0,713**
Среднее НПН	0,602**	0,603**	0,523*	0,601**	0,521*
Слабое НПН	0,351*	0,34*	0,114	0,332*	0,1
Двухуровневые взаимодействия					
Сильное ОПН * Пол (женский = 0)		-0,146		-0,139	
Слабое ОПН * Пол (женский = 0)		-0,045		-0,064	
Сильное ОПН * самозанятый/ предприниматель (нет = 0)		-0,191		-0,052	
Слабое ОПН * самозанятый/предприниматель (нет = 0)		-2,013		-20,200	
Сильное НПН * Пол (женский = 0)			-0,388		-0,329
Среднее НПН * Пол (женский = 0)			0,298		0,313
Слабое НПН * Пол (женский = 0)			0,422		0,483
Сильное НПН * Самозанятый/ предприниматель (нет = 0)			0,339		1,782
Среднее НПН * Самозанятый/ предприниматель (нет = 0)			1,559		-18,057
Слабое НПН * Самозанятый/ предприниматель (нет = 0)			0,356		1,833
Трехуровневые взаимодействия					
Сильное ОПН * Мужской пол * Самозанятый/ предприниматель (нет = 0)				-0,187	
Слабое ОПН * Мужской пол * Самозанятый/ предприниматель (нет = 0)				18,890	
Сильное НПН * Мужской пол * Самозанятый/ предприниматель (нет = 0)					-2,044
Среднее НПН Мужской пол * Самозанятый/ предприниматель (нет = 0)					38,849
Слабое НПН * Мужской пол * Самозанятый/ предприниматель (нет = 0)					-2,954
Мужской пол * Самозанятый/ предприниматель (нет = 0)				-0,132	1,077
Кол-во предск. знач.	81,9	81,9	82,0	81,9	82,0
R ² Нэйджелкерка	28,2	28,4	28,5	28,4	28,7

***p < 0,001; **p < 0,010; *p < 0,050.

Мы видим, что в модели 1 наблюдается значимость как ОПН, так и НПН. Все виды этих признаков увеличивают вероятность того, что индивид захочет найти другую работу. Полученные результаты вполне согласуются с результатами предыдущих исследований¹.

Наблюдая за последующими вариациями базовой модели (модели 2–5), мы можем сказать, что полученный эффект универсален. Ни одна из переменных взаимодействия не приобретает статистическую значимость. Иными словами, ни пол, ни статус самозанятого или предпринимателя не являются модераторами связи между ОПН/НПН и желанием найти другую работу.

В целом, полученные результаты подтвердили, что образовательно-профессиональное несоответствие, а также несоответствие навыков и профессии негативно сказываются на трудовой жизни работников. Меньший уровень заработной платы, недостаточная удовлетворенность работой и возросшее желание ее поменять (и, как возможное следствие, высокая «текучка кадров») являются индикаторами сравнительного неблагополучия, с которым сталкиваются работники с ОПН и НПН. Таким образом, мы присоединяемся к авторам, полагающим, что высокая распространенность ОПН и НПН в России – это проблема не только экономического, но и социального характера.

Подведем итоги проделанного анализа. Во-первых, нами было показано, что образовательно-профессиональное несоответствие и несоответствие навыков и профессии – это два различных явления, которые не могут выступать индикаторами или «прокси» друг друга. Несмотря на то, что между ОПН и НПН существует некоторая статистическая связь, они имеют самостоятельное влияние на доход, удовлетворенность работой и поиск нового рабочего места. Мы полагаем, что использование в аналитических моделях двух параметров несоответствия помогло существенно дополнить понимание сложившихся связей.

Во-вторых, нами было установлено, что не каждая степень ОПН/НПН способна значимо повлиять на ситуацию. Так, среди российских работников только те, кто работает «совсем по другой» специальности, сталкиваются с зарплатным «штрафом». В аналогичной ситуации оказываются работники, чьи знания и опыт «совсем не используются» на рабочем месте. Трудящиеся, занимающие промежуточные позиции на шкале от полного несоответствия до его отсутствия, не сталкиваются со статистически значимым «штрафом». В то же время, любая степень выраженности ОПН или НПН оказывает влияние на желание индивида найти другую работу, и чем сильнее несоответствие, тем заметнее вероятностный «сдвиг» в пользу стремления к поиску новых вакансий. Также «субъективный» избыток навыков в гораздо большей степени способен снижать удовлетворенность работой (можно наблюдать увеличивающийся отрицательный эффект с возрастанием разрыва между навыками и профессией), чем «объективное» несоответствие между сферой образования и занятости (значимо только сильное ОПН, но оно меньше снижает удовлетворенность, чем слабое НПН).

В-третьих, мы можем говорить об универсальности описанных негативных эффектов. Ни пол, ни принадлежность к категории самозанятых и предпринимателей не оказали значимого воздействия на связь между несоответствиями

¹ Büchel F. (2002). The effects of overeducation on productivity in Germany—the firms' viewpoint. *Economics of Education Review*, 21(3).

и анализируемыми зависимыми переменными. Исключением является только взаимодействие пола и слабого НПН, указывающее на то, что мужчины со слабым несоответствием профессии и навыков меньше других удовлетворены работой. Этот результат достаточно неочевиден и противоречит выводам предыдущих эмпирических работ. Мы полагаем, что он нуждается в дальнейшем рассмотрении.

Некоторые ограничения текущей работы также позволяют говорить о необходимости дальнейшего анализа. Так, из широкого разнообразия измерительных шкал образовательно-профессионального несоответствия нами была выбрана та его операционализация, которая учитывает т. н. «горизонтальное» несоответствие. Мы дополнили объяснительную модель, введя более «мягкое» понятие несоответствия навыков. Тем самым мы стремились учесть «слепые пятна» предыдущих российских исследований, учитывающих только «вертикальный» аспект ОПН. В результате нам удалось рассмотреть российских работников с помощью иной оптики, однако проблема «однбокости» анализа не исчезла. Мы полагаем, что создание учитывающей нюансы, менее схематичной исследовательской рамки изучения ОПН необходимо для максимально полного раскрытия феномена.

Список литературы

Аистов А.В. Образование – сигнал или инвестиции в человеческий капитал в России? // Научные доклады лаборатории количественного анализа и моделирования экономики. Нижний Новгород, 2007.

Гимпельсон, В. Е., Капелюшников, Р. И., Карабчук и др. Выбор профессии: чему учились и гдегодились? // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2009. Т. 13. № 2.

Гимпельсон В., Капелюшников Р., Лукьянова А. Уровень образования российских работников: оптимальный, избыточный, недостаточный? // Российский работник: образование, профессия, квалификация. М.: ГУ ВШЭ, 2011.

Краткие итоги обследования населения по проблемам занятости в августе 2008 года / Росстат URL: http://www.gks.ru/wages/2008/avg_08.htm (дата обращения: 30.03.2018).

Стребков Д.О., Шевчук А.В. Влияние человеческого капитала на доходы и удовлетворенность самозанятых профессионалов (фрилансеров). В кн. XV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. В четырех книгах. Отв. ред. Е. Ясин. Т. 4. М: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2015.

Bender K. A., Roche K. Educational mismatch and self-employment // *Economics of Education Review*. 2013. № 34.

Büchel F. The effects of overeducation on productivity in Germany—the firms' viewpoint // *Economics of Education Review*. 2002. № 21(3).

Green F., McIntosh S. Is there a genuine under-utilization of skills amongst the over-qualified? // *Applied Economics*. 2007. № 39(4).

Green F., Zhu Y. Overqualification, job dissatisfaction, and increasing dispersion in the returns to graduate education // *Oxford Economic Papers*. 2010. № 62(4).

Groot W., Van Den Brink H. M. Overeducation in the labor market: a meta-analysis // *Economics of education review*. 2000. № 19(2).

Mavromaras K., McGuinness S., Wooden M. Overskilling in the Australian labour market // *Australian Economic Review*. 2007. № 40(3).

Marsikova K., Urbánek V. A comparison of educational mismatches across Europe // *E+ M Ekonomie a Management*. 2015. № 4.

O’Connell A. A. Logistic regression models for ordinal response variables. Series: Quantitative Applications in the Social Sciences. Series/Number 07-140. Sage Publications, 2006.

Shevchuk A., Strebkov D., Davis S.N. Educational mismatch, gender, and satisfaction in self-employment: The case of Russian-language internet freelancers // *Research in Social Stratification and Mobility*. 2015. № 40.

Quintini, G. Right for the job: over-qualified or under-skilled? // *OECD Social, Employment and Migration Working Papers*. 2011 № 120.

Quintini, G. Over-qualified or under-skilled: a review of existing literature // *OECD Social, Employment and Migration Working Papers*. 2011. № 121.

DOI: 10.17323/978-5-7598-1825-0_172-188

DOES EDUCATIONAL AND SKILL MISMATCH LEAD TO WAGE PENALTIES AND LOWER JOB SATISFACTION: THE ANALYZES OF THE 18TH ROUND OF RLMS-HSE

Kanter D. S.

Abstract. The paper examines the labor market consequences of educational and skill mismatch in Russia. It relies on the data collected during the 2009 round of “Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics” (RLMS-HSE). We define educational mismatch as a discrepancy between worker’s education and job position. We focus on “horizontal” educational mismatch that arises if school/university subjects, individuals majored in, doesn’t correspond to the area of their professional expertise. We also analyze skill mismatch, the discrepancy between worker’s experience and skills and the formal requirements for his/her current job position. The combination of educational and skill mismatch gives us an opportunity to assess the returns on human capital in Russia. As data shows, both educational and skill mismatch results in wage penalties, decreasing job satisfaction, and a desire to look for another job. Neither gender nor self-employment affects the results, with the minor exception of men, who are slightly overqualified for their jobs and tend to feel significantly less satisfied with current positions than an average worker. Educational and skill mismatch leads to a sizeable wage penalty only in extreme cases if, for example, a current job position has nothing to do with worker’s formal education, or his/her experience and skills are rendered completely useless. Nevertheless, no matter how large educational or skill mismatch is, it increases the likelihood of a person searching for another job. The subjective feeling of skill mismatch affects job satisfaction much deeper than the objective discrepancy between formal education and a current job position.

Keywords: Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics, RLMS–HSE, labor market, wages, job satisfaction, educational mismatch, skill mismatch.

References

Aistov A.V. *Образование – сигнал или investitsii v chelovecheskiy kapital v Rossii?* // *Nauchnye doklady laboratorii kolichestvennogo analiza i modelirovaniya ekonomiki*. Nizhniy Novgorod, 2007.

Bender K. A., Roche K. Educational mismatch and self-employment // *Economics of Education Review*. 2013. № 34.

Büchel F. The effects of overeducation on productivity in Germany—the firms' viewpoint // *Economics of Education Review*. 2002. № 21(3).

Gimpel'son, V. E., Kapelyushnikov, R. I., Karabchuk i dr. Vybor professii: chemu uchilis' i gde prigodilis'? // *Ekonomicheskiy zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. 2009. T. 13. №. 2.

Gimpel'son V., Kapelyushnikov R., Luk'yanova A. Uroven' obrazovaniya rossiyskikh rabotnikov: optimal'nyy, izbytochnyy, nedostatochnyy? // *Rossiyskiy rabotnik: obrazovanie, professiya, kvalifikatsiya*. M.: GU VShE, 2011.

Green F., McIntosh S. Is there a genuine under-utilization of skills amongst the over-qualified? // *Applied Economics*. 2007. № 39(4).

Green F., Zhu Y. Overqualification, job dissatisfaction, and increasing dispersion in the returns to graduate education // *Oxford Economic Papers*. 2010. № 62(4).

Groot W., Van Den Brink H. M. Overeducation in the labor market: a meta-analysis // *Economics of education review*. 2000. № 19(2).

Kratkie itogi obsledovaniya naseleniya po problemam zanyatosti v avguste 2008 goda / Rosstat URL: http://www.gks.ru/wages/2008/avg_08.htm (data obrashcheniya: 30.03.2018).

Mavromaras K., McGuinness S., Wooden M. Overskilling in the Australian labour market // *Australian Economic Review*. 2007. № 40(3).

Marsikova K., Urbánek V. A comparison of educational mismatches across Europe // *E+ M Economie a Management*. 2015. № 4.

O'Connell A. A. Logistic regression models for ordinal response variables. Series: Quantitative Applications in the Social Sciences. Series/Number 07-140. Sage Publications, 2006.

Shevchuk A., Strebkov D., Davis S.N. Educational mismatch, gender, and satisfaction in self-employment: The case of Russian-language internet freelancers // *Research in Social Stratification and Mobility*. 2015. № 40.

Strebkov D.O., Shevchuk A.V. Vliyanie chelovecheskogo kapitala na dokhody i udovletvorennost' samozanyatykh professionalov (frilanserov) // *XV Aprel'skaya mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva. V chetyrekh knigakh / Otv. red. E. Yasin. T. 4. M: Izdatel'skiy dom NIU VShE, 2015.*

Quintini, G. Right for the job: over-qualified or under-skilled? // *OECD Social, Employment and Migration Working Papers*. 2011 № 120.

Quintini, G. Over-qualified or under-skilled: a review of existing literature // *OECD Social, Employment and Migration Working Papers*. 2011. № 121.

Сведения об авторах

Богданов Михаил Богданович

Студент 1 курса магистратуры «The Applied Statistics with Network Analysis» Международной лаборатории прикладного сетевого анализа, стажер-исследователь Центра лонгитюдных обследований Института социальной политики НИУ ВШЭ.

E-mail: bogdanovmikle@mail.ru

Воронин Геннадий Леонидович

Доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН.

E-mail: voroning@isras.ru

Евграфова Ксения Олеговна

Научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН.

E-mail: skenya@list.ru

Кантер Дарья Сергеевна

Бакалавр факультета социальных наук.

E-mail: dariakanter@gmail.com

Козырева Полина Михайловна

Доктор социологических наук, первый заместитель директора Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

E-mail: pkozyreva@isras.ru

Заведующая Центром лонгитюдных обследований Института социальной политики НИУ ВШЭ.

E-mail: pkozyreva@hse.ru

Косолапов Михаил Самуилович

Кандидат философских наук, руководитель Центра Института социологии ФНИСЦ РАН.

E-mail: mkosolapov@isras.ru

Крупина Дарья Александровна

Студентка 1 курса магистратуры ПМСАР факультета социальных наук,
стажер-исследователь Центра лонгитюдных обследований
Института социальной политики НИУ ВШЭ.

E-mail: dashakru94@gmail.com

Куфлина Екатерина Дмитриевна

Студентка 2 курса магистратуры ПМСАР факультета социальных наук,
стажер-исследователь Центра лонгитюдных обследований
Института социальной политики НИУ ВШЭ.

E-mail: KateKuf@gmail.com

Лебедев Даниил Вадимович

Студент 1 курса магистратуры КСА факультета социальных наук,
стажер-исследователь Центра лонгитюдных обследований
Института социальной политики НИУ ВШЭ.

E-mail: zenon-daniil@yandex.ru

Низамова Алфия Энварьевна

Кандидат социологических наук,
ведущий научный сотрудник Центра лонгитюдных обследований
Института социальной политики НИУ ВШЭ.

Старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН.

E-mail: anizamova@hse.ru

Рощина Яна Михайловна

Кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической социологии
НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник Центра лонгитюдных обследований
Института социальной политики НИУ ВШЭ.

E-mail: yroshchina@mail.ru

Сивкова Ирина Викторовна

Младший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН.

E-mail: ishustova@demoscope.com.ru

Смирнов Александр Ильич

Доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН.

E-mail: smir_al@bk.ru

Соколова Светлана Борисовна

Научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН.

E-mail: sveta@demoscope.com.ru

Тонис Елена Игоревна

Научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН.

E-mail: ea163100@mail.ru

Научное электронное издание

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО МОНИТОРИНГА
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ И ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ
НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)**

Корректор: В. В. Камышан
Компьютерная верстка: Е. И. Григорьева, И. М. Ситдииков

Уч.-изд. л. 9. Объем 1,83 Мб.

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 20

Тел.: (495) 621 7983; 628 7931

E-mail: hse@hse.ru

URL: http://www.hse.ru/rlms/vestnik/Vestnik_RLMS-HSE_2018.pdf